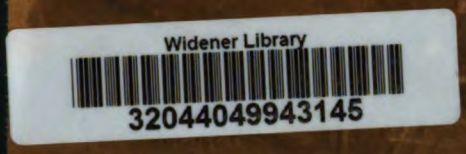
3295
33.17



3295.33.17

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

С. М. Кульбакинъ

СЕРБСКІЙ ЯЗЫКЪ.

1. Фонетика и морфологія сербскаго языка.

ПОСОБІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

проф. С. М. Кульбакина.

Съ картой нарѣчій сербскаго языка.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1915.

3295.33.17

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 28 1954

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ числѣ словянскихъ языковъ, изучаемыхъ на историко-филологическомъ факультетѣ нашихъ университетовъ, сербскій языкъ издавна пользуется особымъ вниманіемъ какъ потому, что его данныя очень цѣнны для сравнительной грамматики словянскихъ языковъ, такъ и потому, что онъ является органомъ интересной литературы и богатѣйшей народной поэзіи.

Тѣмъ не менѣе число научныхъ пособій къ изученію его на русскомъ языкѣ— невелико; притомъ же нѣкоторыя изъ этихъ пособій со времени своего выхода въ свѣтъ успѣли устарѣть, а другія представляютъ слишкомъ краткое изложеніе предмета.

Испытывая затрудненіе въ выборѣ учебника при занятіяхъ сербскимъ языкомъ въ Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, авторъ рѣшился выпустить собственный опытъ научной характеристики сербскаго языка.

Назначеніе этого опыта—исключительно служить пособіемъ къ лекціямъ и практическимъ занятіямъ по сербскому языку.

Въ основѣ приложенной къ книгѣ карты нарѣчій сербскаго языка лежатъ карты Белича въ его работѣ «Діалектологическая карта сербскаго языка» (1905 г.) и въ журналѣ «Rocznik Slawistyczny» (III т.).

Харьковъ. 17 октября 1914 г.

СОКРАЩЕНІЯ.

Arch.=Archiv für slavîche Philologie.

Дијалекти (Белича)=Дијалекти источне и јужне Србије. 1905 г.

Die Dialekte d. südl. Serb.=Olaf. Broch. «Die Dialekte des südlichsten Serbiens».

D. štok. Dial.=Rešetar. «Der štokavische Dialekt». 1907 г.

Gram. i stilist. hrv. jez.=Maŧerič. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. 1899 г.

«Замѣтки» (Белича)=Замѣтки по чакавскимъ говорамъ—въ Изв. Отд. р. яз. и сл. XIV, 2 кн.

Изв. (Отд. р. яз. и сл.)=Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ.

Ист. обл.=Даничичъ. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. 1874 г.

K. Z.=Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung.

R. Cr.=Revue critique.

Roczn. slaw.=Rocznik slawistyczny.

Р. Ф. В.=Русскій Филологическій Вѣстникъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. **Сербо-хорватскій языкъ и его границы.** § 1. . . . . 1—2

2. **Положеніе сербскаго языка среди другихъ словянскихъ языковъ.** § 2 . . . . . 2—4

3. **Главныя нарѣчія сербскаго языка.** . . 4—7

§ 3. Кайкавское, штокавское и чакавское нарѣчія. § 4. Отличія чакавскаго отъ штокавскаго. § 5. Призрено-тимочское нарѣчіе. § 6. Примѣчаніе о менѣе значительныхъ группахъ говоровъ.

4. **Звуки сербскаго языка.** . . . . . 7—40

§ 7. Звуковая система сербскаго языка. § 8. Способы выраженія сербскихъ звуковъ.

Гласные сербскаго языка въ ихъ отношеніи къ гласнымъ другихъ словянскихъ языковъ . . . . . 10—18

§ 9. Сербскія соотвѣтствія праславянскимъ *a*, *o*, *u*, *i*, *e*. § 10. Рефлексы праславянскаго ě. § 11. Рефлексы праславянскаго y (ы). § 12. Рефлексы праславянскихъ носовыхъ гласныхъ. § 13. Судьба праславянскихъ ъ и ь. § 14. Праславянскіе ъ и ь передъ j въ сербскомъ. § 15. Гласный u (y) изъ vъ.

Слоговые плавные и ихъ происхожденіе . . . . . 18—22

§ 16. Происхожденіе слоговыхъ r, l. § 17. Данныя памятниковъ и говоровъ.

Количество и удареніе. . . . . . 23—30

§ 18. Общая характеристика сербскаго ударенія. § 19. Отношеніе сербскаго ударенія къ праславянскому.

Согласные сербскаго языка въ ихъ отношеніи къ праславянскимъ. . . . . . 30—40

§ 20. Праславянскіе сонорные r, l, n,—твердые и смягченные; судьба ихъ въ сербскомъ: смягченные l и n новаго происхожденія. § 21. Судьба праславянскихъ губныхъ b, p, v, m и сочетаній ихъ съ j. Новая группа «губной+j». Согласный f. § 22. Праславянскіе t, d, s, z и сочетанія ихъ съ j. § 23. Сербскія сочетанія зубныхъ съ j новаго происхожденія. § 24. Судьба праславянскихъ язычныхъ k, g, ch. § 25. Судьба праславянскихъ š, ž, č, c, dz; праславянскій j. § 26. Праславянскія группы st, zd и sk, zg передъ j и палатальными гласными; группы stj, zdj новаго происхожденія. § 27. Комбинаторныя измѣненія согласныхъ. § 28. Согласные въ концѣ словъ.

Стр.

5. **Формы сербскаго языка** . . . . . 40—83

Именное склоненіе . . . . . 40—56

§ 29. Общія замѣчанія: прасловянскіе типы именного склоненія и ихъ судьба въ сербскомъ. § 30. Основы на -u. § 31. Основы на -i муж. рода. § 32. Основы на -i женск. рода. § 33. Основы на -o муж. рода. § 34. Основы на -o средн. рода. § 35. Основы на -a. § 36. Основы на согласный женск. рода. § 37. Основы на согласный муж. рода. § 38. Основы на согласный средн. рода. § 39. Форма род. над. множ. числа на -ā и форма дат.-твор.-мѣстн. множ. на -ma (-ма). § 40. Двойственное число.

Мѣстоименное склоненіе . . . . . 57—62

§ 41. Мѣстоименія личныя (и возвратное). § 42. Мѣстоименія неличныя. § 43. Вопросительныя мѣстоименія *кто*, *что*.

Склоненіе прилагательныхъ . . . . . 62—67

§ 44. Именное склоненіе прилагательныхъ. § 45. Сложное склоненіе. § 46. Степени сравненія.

Числительныя. § 47. . . . . 67—68

Спряженіе. . . . . 68—83

§ 48. Общія замѣчанія. § 49. Инфинитивъ. § 50. Формы настоящаго времени. § 51. Таблицы спряженія формъ настоящаго времени и примѣчанія къ спряженію глаголовъ V-го класса. § 52. Формы аориста. § 53. Имперфектъ. § 54. Повелительное наклоненіе. § 55. Сложныя формы. § 56. Формы причастія.

Приложеніе 84

1. Сербо-хорватскій языкъ и его границы.

§ 1. Сербскимъ или сербо-хорватскимъ языкомъ говоритъ словянское племя, живущее, главнымъ образомъ, въ западной части Балканскаго полуострова: въ королевствѣ Сербіи, въ королевствѣ Черногоріи и въ областяхъ Австро-Венгерской имперіи,—Босніи и Герцеговинѣ, Истріи, Далмаціи, Хорватіи, Славоніи, Срѣмѣ, Бачкѣ, Банатѣ и Приморьи, а также на островахъ Адріатическаго моря: Рабъ, Керкъ (Велья), Цресъ, Лошинь, Брачъ, Хваръ, Млѣтъ, Корчула и др. Флоринскій (Славянское племя) исчисляетъ сербо-хорватъ въ 9.135.000, Нидерле (Обозрѣніе современнаго словянства)—въ 8.550.000.

Раздѣленный въ политическомъ отношеніи, сербо-хорватскій народъ не представляетъ единаго цѣлаго въ строгомъ смыслѣ и въ отношеніи историко-культурномъ. Уже въ глубокой древности сербо-хорватскій народъ состоялъ изъ ряда мелкихъ племенъ, подобно тому, какъ дробилось на рядъ мелкихъ племенныхъ единицъ и русское племя. Таковы были: сербы и хорваты въ собственномъ смыслѣ, захлумляне (захолмляне), требиняне, конавляне, дукляне, неретляне. Съ теченіемъ времени племена эти сгруппировались вокругъ двухъ политическихъ центровъ и образовали двѣ крупныя части сербо-хорватскаго племени: восточную—сербовъ и западную—хорватъ. Различныя условія политической и религіозной жизни способствовали въ нѣкоторой степени племенному разъединенію сербовъ и хорватъ: хорваты съ 1102 года вошли въ составъ венгерскаго королевства и, принявъ крещеніе и организацію церковной жизни отъ Рима, вошли въ сферу вліянія западной, латинской культуры; между тѣмъ сербы жили своей особенной политической жизнью и находились въ бо́льшей мѣрѣ подъ культурнымъ вліяніемъ Византіи, откуда и получили христіанство.

Внѣшнимъ образомъ это различіе историко-культурныхъ условій жизни сербовъ и хорватъ сказывается въ ихъ алфавитѣ: сербы въ настоящее время употребляютъ ту же въ основѣ азбуку, что и русскіе,—по происхожденію греческую, тогда какъ хорваты пользуются латинскимъ письмомъ, вытѣснившимъ когда-то употреблявшуюся у нихъ глаголицу.

Въ отношеніи языка сербы и хорваты представляютъ, однако, единый народъ.

На сѣверѣ область сербо-хорватскаго языка граничитъ съ областью ближайше родственнаго словинскаго языка, причемъ та и другая область связываются полосой смѣшанныхъ сербо-словинскихъ говоровъ, извѣстныхъ въ наукѣ подъ именемъ [кайкавскаго нарѣчія:] въ своей основѣ эти говоры являются словинскими.

Примѣчаніе. Словинцы или словенцы (около $1^1/_2$ милліона) живутъ въ австрійскихъ провинціяхъ—Крайнѣ, Штиріи и Хорутаніи, отчасти же въ Венгріи (въ саладскомъ, желѣзномъ и вешпримскомъ комитатахъ) и въ Италіи (въ Резьянской долинѣ).

Съ запада границей сербо-хорватскаго языка является Адріатическое море. На югѣ область сербо-хорватскаго языка граничитъ съ албанской, идя приблизительно отъ Скадра къ Печи (Ipek), оттуда подъ Дьяковицей и Призреномъ къ Скоплю.

На юго-востокѣ сербскій языкъ связанъ полосой говоровъ, которые могутъ быть названы смѣшанными сербо-болгарскими,—съ областью болгарскаго языка; въ своей основѣ эти смѣшанные говоры являются сербскими (ср. ниже, § 5).

На сѣверо-востокѣ сосѣдями сербо-хорватъ являются румыны и венгры (мадьяре). Румыны, отграниченные, вообще говоря, отъ южныхъ словянъ Дунаемъ, между Тимокомъ и Млавой проникаютъ на правую сторону Дуная, въ область сербскаго языка. Съ другой стороны, сербы, переходя на лѣвый берегъ Дуная, не только образуютъ сплошную прибрежную полосу отъ Млавы и до впаденія въ Дунай Дравы, но и живутъ то бо́льшими, то меньшими островами дальше къ сѣверу въ цѣломъ рядѣ венгерскихъ комитатовъ (см. карту).

2. Положеніе сербскаго языка среди другихъ словянскихъ языковъ.

§ 2. Сербскій (сербо-хорватскій) языкъ въ своихъ основныхъ звуковыхъ чертахъ (и въ своемъ словарномъ матеріалѣ) ближе всего примыкаетъ къ болгарскому и словинскому языкамъ.

Въ соотвѣтствіи русскимъ полногласнымъ формамъ (*оро*, *оло*, *ере*, *еле*) между согласными, въ сербскомъ находимъ сочетанія *ра*, *ла*, *рь*, *ль*, какъ и въ болгарскомъ и словинскомъ языкахъ: ср. русск. *городъ*—др.-

ц.-сл. градъ, болг. градъ, серб. град (grâd), словинск. grâd; русск. *голодъ*—др.-ц.-сл. гладъ, болг. гладъ, серб. глад (glâd), словинск. glâd; русск. *берегъ*—др.-ц.-сл. брѣгъ, болг. брѣгъ, серб. брег (brêg: e получилось изъ ě, т. е. ѣ), слов. brêg.

Можно думать, что въ прасловянскомъ языкѣ, т. е. въ эпоху единства словянскихъ языковъ, такія формы имѣли or, ol, er, el между согласными: *gordъ, *goldъ, *bergъ, *želza (др.-ц.-сл. жлѣза, русск. *железа́*, серб. жлезда—žlézda) и т. п. Слѣдовательно, въ сербскомъ, болгарскомъ и словинскомъ находимъ сочетанія ra, la, rě, lě (=*ръ, ль*) между согласными въ соотвѣтствіи прасловянскимъ сочетаніямъ or, ol, er, el между согласными. Должно замѣтить, что въ этомъ пунктѣ къ южнословянскимъ языкамъ,—болгарскому, сербскому и словинскому,—примыкаетъ одинъ изъ западныхъ словянскихъ языковъ: чешскій; въ чешскомъ также находимъ въ соотвѣтствіи русскимъ полногласнымъ формамъ сочетанія ra, la, rě, lě.

Примѣчаніе. Въ началѣ слова изъ праслов. or, ol находимъ въ сербскомъ всегда почти *ра, ла*, какъ и въ болгарскомъ и словинскомъ; между тѣмъ въ русскомъ—въ однихъ случаяхъ *ра, ла*, въ другихъ—*ро, ло*; польскій и чешскій сходятся въ этомъ отношеніи съ русскимъ: ср. серб. лакат (làkat), др.-ц.-сл. лакъть, болг. лакат, словин. lakât и русск. *локоть*, пол. łokieć, чеш. loket; серб. раван (rávan), др.-церк.-слов. ракѣнъ, болг. равен, слов. ráven—русск. *ровный*, пол. równy, чешск. rovný; сербск. râst—русск. *рост* и т. п.; съ другой стороны,—серб. лаком (làkom)—русск. *лакомый*, серб. ратай (rátaj)—русск. *ратай* и т. п. Отступленіемъ отъ обычныхъ ra, la въ сербскомъ является роб (rôb—рабъ).

Первоначальныя прасловянскія группы согласныхъ kv, gv измѣнились въ сербскомъ такъ же, какъ и въ болгарскомъ и словинскомъ, въ cv, dzv, причемъ dzv въ сербскомъ и словинскомъ языкахъ и въ большинствѣ болгарскихъ говоровъ перешло въ zv въ силу того, что dz вообще упростилось въ z. Измѣненіе группъ kv, gv въ cv, dzv и затѣмъ въ zv находимъ также въ русскомъ языкѣ. Въ западно-словянскихъ языкахъ, наоборотъ, группы kv, gv сохранились безъ измѣненія. Польскимъ kwiat, gwiazda (a изъ ě), чешскимъ květ, hvězda соотвѣтствуютъ др.-ц.-сл. цвѣтъ, звѣзда, болг. цвѣтъ, звѣзда, серб. цвет (cvêt: e—изъ ě), звезда (zvézda), словинск. cvêt, zvězda, рус. *цвѣтъ, звѣзда*.

Первоначальныя группы dl, tl измѣнились въ сербскомъ языкѣ въ l; то же находимъ въ болгарскомъ и словинскомъ языкахъ, а также въ русскомъ: ср. пол. modlić, чеш. modliti—др.-ц.-сл. молити, болг. моля се, серб. молити (mòliti), словин. moliti; русск. *молить*; пол. płótł, чеш. pletl—др.-ц.-сл. плелъ—плела (ж. р.), серб. плѐла (ж. р.), русск. *плела*.

Впрочемъ, въ словинскомъ языкѣ,—въ нѣкоторыхъ его нарѣчіяхъ, находимъ примѣры сохраненія группъ dl и tl: šidlo, pletla и т. п.

Примѣчаніе. Въ русскомъ *метла—т.* вѣроятно, вторично возстановлено подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ *-т-* (мету, метелка и т. п.).

Въ частности можно отмѣтить бо́льшую близость къ сербскому со стороны словинскаго языка, чѣмъ со стороны болгарскаго. Эта бо́льшая близость сербскаго и словинскаго языковъ между собою можетъ быть отмѣчена въ судьбѣ звуковъ **ъ** и **ь**, унаслѣдованныхъ словянскими языками изъ эпохи ихъ языкового единства, и въ отношеніяхъ количества и ударенія, ср. §§ 13, 19.

3. Главныя нарѣчія сербскаго языка.

§ 3. Среди говоровъ сербо-хорватскаго языка издавна принято различать три крупныхъ группы или три нарѣчія: *кайкавское*, *чакавское* и *штокавское*, причемъ названія свои эти три группы получили по одному сравнительно малозначительному признаку: въ первомъ въ значеніи вопросительнаго мѣстоименія *что* употребляется *kaj*, во второмъ въ томъ же значеніи—*ča*, въ третьемъ—*što* (ср. ниже, § 43).

Однако выше (§ 1) уже было отмѣчено, что такъ называемое *кайкавское* нарѣчіе представляетъ не чисто-сербское нарѣчіе, а смѣшанное (сербо-словинское) съ основой скорѣе словинской, чѣмъ сербской, какъ то признаютъ сами сербскіе ученые.

Примѣчаніе. Ср. Белић въ Гласѣ Српске Краљевске Академије, LXXVIII (1908 г.) 62 стр. Такъ, въ кайкавскомъ нарѣчіи въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. **ѫ**, т. е. праславянскому *o̯*, является *o̯*: moka, roka и т. д.=**мѫка**, **рѫка**, русск. *мука*, *рука*; то же имѣется въ словинскомъ. Между тѣмъ въ сербскомъ, какъ и въ русскомъ, въ такихъ случаяхъ является *u* (muka, ruka). Въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскимъ **жд** и **шт**, русскимъ *ж*, *ч* (праслов. dj, tj или kt), въ кайкавскомъ нарѣчіи, какъ въ словинскомъ языкѣ, имѣется *j̑*, *č̑*: rojen, poč̑=др.-ц.-слов. **рождєнъ**, **ношть**; въ сербскомъ чакавскомъ нарѣчіи является j, ć (см. ниже, § 22).—rojen, poć, а въ штокавскомъ—ђ, ћ (ср. ниже, § 22): рођен, ноћ. Въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. **шт** изъ праславян. sk предъ j или мягкими гласными въ кайкавскомъ нарѣчіи является, какъ и въ словинскомъ языкѣ, šč: išč̑em=др.-ц.-сл. **ищтѫ**, русск. *ищу*; въ сербскомъ въ такихъ случаяхъ имѣется šć, št: išćem (чак.)—иштем (ишtem—штокав.).

Такимъ образомъ, въ крупнѣйшихъ чертахъ своей фонетики кайкавское нарѣчіе сближается со словинскимъ языкомъ.

Остаются, слѣдовательно, два главныхъ нарѣчія сербскаго языка—*чакавское* и *штокавское*. Оба эти нарѣчія развились изъ одного (*прасербскаго*) языка и представляютъ въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ двѣ

хронологическихъ ступени развитія этого сербскаго праязыка,—болѣе древнюю и болѣе новую.

§ 4. Главныя отличія между чакавскимъ и штокавскимъ нарѣчіями заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. сочетанію жд изъ праслов. dj (русск. *ж*) въ чакавскомъ нарѣчіи является j, между тѣмъ какъ въ штокавскомъ—въ такихъ случаяхъ имѣется особый смягченный слитный d͡ž (д͡ж смягченное), обозначаемый буквой ђ: чак. mejȁ—шток. мѐђа (*межа*, др.-ц.-сл. **межда**), чак. rȍjen—шток. рȍђен (др.-ц.-сл. **рожденъ**).

2) Въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскому ѧ изъ прасл. ę (*е* носового), русс. *а* въ чакавскомъ обычно является *е*, но послѣ j, č, ž (т. е. й, ч, ж) въ чакавскихъ говорахъ находимъ *а*, какъ и въ русскомъ языкѣ; между тѣмъ въ штокавскомъ нарѣчіи всегда является *е*: чак. jazȉk—шток. jѐзик (русск. *языкъ*, др.-ц.-сл. **ѩзыкъ**), чак. žȁtva—шток. жѐтва (русск. *жатва*, др.-ц.-сл. **жѧтва**), чак. počati—шток. пòчѐти (русск. *почать*, др.ц.-сл. **почѧти**).

Примѣчаніе. Въ штокавскихъ говорахъ встрѣчаемъ *а* вм. *е* изъ ę въ словахъ жȁлац (жало—др.-ц.-слов. **жѧло**) и jȁчмен (ячмень); вѣроятно, это—очень старыя заимствованія изъ чакавскихъ говоровъ.

3) Въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскому шт изъ праслов. skj (stj) или sk въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ въ чакавскомъ нарѣчіи находимъ šć (*шч* смягченное), между тѣмъ какъ въ большинствѣ штокавскихъ говоровъ имѣется *шт*: чак. išćem, zašćititi – шток. иштѐм, заштитити (*ищу*, *защитить*; др.-ц.-сл. **иштѫ—искати**, **заштитити**).

4) Оба нарѣчія, чакавское и штокавское, различаютъ долгіе и краткіе слоги и, кромѣ того, качество долготы подъ удареніемъ. Въ чакавскомъ нарѣчіи наблюдаются три вида ударенія: два долгихъ (ˆ и ´) и одно краткое (ˇ). Въ большинствѣ штокавскихъ говоровъ различіе между ˆ и ´ утрачено, причемъ во многихъ говорахъ произошло передвиженіе ударенія на одинъ слогъ ближе къ началу слова, и въ связи съ этимъ передвиженіемъ возникли новыя ударенія: ´ и ˋ (долгое ´ и краткое ˋ): чак. trāvȁ—шток. новое tráva, чак. ženȁ—шток. новое žèna (старое краткое, соотвѣтствующее чакавскому ˋ, обозначается, въ отличіе отъ новаго, знакомъ ˇ). Подробнѣе объ этихъ удареніяхъ, ихъ происхожденіи и историческомъ отношеніи ср. ниже,—въ § 19.

Чакавское нарѣчіе въ настоящее время занимаетъ сравнительно небольшую часть области сербо-хорватскаго языка: небольшую часть

Хорватіи, берега Далмаціи, острова и значительную часть Истріи; кромѣ того, чакавскія колоніи попадаются въ Зап. Венгріи, въ нижней Австріи и Моравіи; границу чакавскаго и штокавскаго нарѣчій см. на картѣ.

§ 5. Особое положеніе занимаетъ группа говоровъ, о которой было упомянуто выше (въ § 1): это—говоры, образующіе такъ называемое *призрено-тимочское* нарѣчіе (см. карту). Въ своихъ звуковыхъ чертахъ нарѣчіе это примыкаетъ къ области сербо-хорватскаго языка: 1) въ южноморавскихъ (призренскихъ) говорахъ его находимъ особые звуки ђ и ћ въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскимъ жд, шт и русскимъ *ж*, *ч* (**межда**—*межа*, **скѣшта**—*свѣча*, - ср. ниже, § 22), какъ и въ сербскомъ (штокавскомъ нарѣчіи; въ тимочскихъ говорахъ—*ч* и дж); 2) въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскимъ ъ и ь (=праслов. *ъ* и *ь*), какъ и въ сербскомъ языкѣ, имѣемъ одинъ и тотъ же гласный; только въ нарѣчіи призрено-тимочскомъ этотъ гласный является глухимъ (ъ), тогда какъ въ другихъ сербскихъ нарѣчіяхъ онъ измѣнился въ *а*: сăн—др.-ц.-сл. **сънъ**, русск. *сонъ*, дăн—др.-ц.-сл. **дьнь**, русск. *день*; 3) въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. ѫ (праслов. *ǫ*), какъ и въ сербскомъ,—у, т. е. му́ка=**мжка** и т. п. Но рядомъ съ чертами, которыя отличаютъ призрено-тимочское нарѣчіе отъ болгарскаго языка и связываютъ его съ сербскимъ, въ немъ находимъ и такія черты, которыя роднятъ это нарѣчіе съ болгарскимъ. Черты эти относятся къ области морфологіи: 1) какъ въ болгарскомъ, въ этомъ нарѣчіи потеряно склоненіе и 2) употребляется постпозитивный членъ (*млада-та*, *друго-то* и т. п.); 3) формы сравн. степени образуются помощью прибавленія предлога *по* къ формѣ положит. степени (по-великъ, по-благо и т. п.); 4) инфинитивъ потерянъ.

Призрено-тимочское нарѣчіе представляетъ, повидимому, смѣшанное сербо-болгарское нарѣчіе, основа котораго скорѣе сербская, чѣмъ болгарская.

§ 6. Кромѣ указанныхъ главныхъ нарѣчій, въ сербскомъ языкѣ можно различить и менѣе значительныя группы говоровъ или поднарѣчія. Такъ, въ области чакавской можно различить говоры, которые имѣютъ въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскому ѣ (=праслов. *ě*,—ср. § 10) і, и говоры, имѣющіе въ такихъ случаяхъ е (ri̯ka и re̯ka). Въ болѣе западныхъ частяхъ чакавской области господствуетъ выговоръ е, въ болѣе восточныхъ—*і*; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ находимъ смѣшанное произношеніе,—въ однихъ словахъ е, въ другихъ—*і* (ср. ниже, § 10).

Въ штокавскомъ нарѣчіи можно различить нѣсколько группъ говоровъ. Принимая во вниманіе тотъ же признакъ, что и при дѣленіи чакавскаго нарѣчія, т. е. соотвѣтствія звуку ѣ (ě),—въ штокавской области находимъ 1) восточную группу говоровъ, въ которыхъ на мѣстѣ этого ѣ (ě) произносится *е*, 2) южную,—съ произношеніемъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ је или ије, и 3) западную, въ которой на мѣстѣ стараго ě имѣется *і*.

Выговоръ стараго ě, какъ *e*. наблюдается въ косовско-ресавскихъ говорахъ и въ говорахъ шумадійско-срѣмскихъ; южное произношеніе *je, ije* имѣется въ говорахъ зетскихъ и герцеговинскихъ; штокавское нарѣчіе съ выговоромъ ě, какъ і, географически примыкаетъ къ чакавскому нарѣчію съ такимъ же выговоромъ (см. карту). При этомъ въ штокавскихъ говорахъ съ этимъ послѣднимъ произношеніемъ ě (какъ *i*) наблюдаются и нѣкоторыя другія черты, сходныя съ чакавскими,—напр. šć вмѣсто št, иногда j вм. ђ (=др.-ц.-слов. жд, русск. *ж*),—ср. выше, § 4.

Группа говоровъ шумадійско-срѣмскихъ отличается отъ косовско-ресавской группы нѣкоторыми морфологическими особенностями и въ отношеніи ударенія; а именно,—послѣдніе говоры (косовско-ресавскіе) имѣютъ болѣе древнюю систему ударній.

Аналогичное отношеніе наблюдается между говорами зетскими и герцеговинскими: болѣе древнюю систему ударній находимъ въ первыхъ (ср. § 19).

Болѣе подробныя свѣдѣнія по сербской діалектологіи можно найти въ слѣдующихъ работахъ: Беличъ «Діалектологическая карта сербскаго языка» Петербургъ, 1906 г., въ Сборникѣ «Статьи по славяновѣдѣнію» II т., 1—59 стр; Решетаръ «Der Štokavische Dialekt» Вѣна, 1907 г., ср. рецензію Белича въ «Roczn. Slaw.» I т., 184 и слѣд.; Беличъ «О српским или хрватским дијалектима» 1908 г. (Глас LXXVIII Српске Краљевске Академије); Решетаръ «Zur Frage über die Gruppierung der serbokroatischen Dialekte» въ Arch. für Slav. Phil. XXX, 597—625; Белича разборъ послѣдней статьи въ Rocznik Slawistyczny, III т. 283—306 с. и его-же «Zum heutigen Stande der serbokroatischen Dialektologie» въ Roczn. Slaw. III т., 82—103 сс. Работы, посвященныя отдѣльнымъ нарѣчіямъ и говорамъ, указаны въ отмѣченной выше статьѣ Белича въ Глас српске Кр. Акад. (LXXVIII) и въ его-же статьѣ Zum heutigen Stande....». Важнѣйшія изъ нихъ, кромѣ указанной уже—«Der Štokavische Dialekt» Решетара: Olaf Broch «Die Dialekte des südlichsten Serbiens» Вѣна, 1903 г. (Schriften der Balkankommission, ling. Abth. III); Беличъ «Дијалекти ист. и јужне Србије» Београд, 1905 г.; Решетаръ «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien. 1900 (Schriften der Balkankommission I). Ср. также Белича «Замѣтки о чакавскихъ говорахъ» въ Изв. XIV, 2 кн. 181—266 сс.

4. Звуки сербскаго языка.

§ 7. Литературный сербскій языкъ въ своей основѣ является штокавскимъ нарѣчіемъ и характеризуется новой системой ударенія,—удареніе перенесено на одинъ слогъ ближе къ началу слова (vòda—русск. *вода́*, vòdē род. п. ед. ч.—русск. *воды*, rúka—русск. *рука́* и т. д.) и нѣкоторыми морфологическими чертами (род. п. мн. ч. на -ā, дат.-твор.-мѣстн. на -ama и др.).

Звуковая система литературнаго сербскаго языка имѣетъ слѣдующій видъ:

I. Гласные. а) *Передняго ряда: і* (высокій), *е* (средній, оттѣнокъ открытый, образованіе ненапряженное).

б) *Задняго ряда: а* (средній, ненапряженный), *о* (средній съ губнымъ округленіемъ, оттѣнокъ открытый, ненапряженный), *и* (высокій, съ губнымъ округленіемъ, ненапряженный).

Соотвѣтствующія буквы сербскаго кирилловскаго алфавита: е, и, а, о, у.

Примѣчаніе. Ср. Брокъ «Очеркъ физіологіи славянской рѣчи», 79 с.

II. Согласные: 1) Плавные r, l (среднее), l′ мягкое (lj), причемъ r можетъ быть слоговымъ.
2) Губные p, b, m, v, f (твердые).
3) Зубные t, d, n, s, z (твердые); ń—мягкое (nj).
4) язычно-небные k, g твердые, j, š, ž.
5) слитные: c, č, g′ (=ǧ, т. е. дж) —твердые; ć, đ (ď)—мягкіе.

Соотвѣтствующія буквы сербскаго кирилловскаго алфавита: 1) р, л, љ, 2) п, б, м, в, ф; 3) т, д, н, с, з, њ; 4) к, г, ј, ш, ж; 5) ц, ч, џ, ћ, ђ.

Примѣчаніе. Буква *р* можетъ обозначать какъ *р* неслоговое, такъ и слоговое; если слоговое *р* находится рядомъ съ гласнымъ, то пишутъ p̈: гроце (уменьшительное отъ грло=горло)=gr̈oce.

По поводу отдѣльныхъ согласныхъ необходимо сдѣлать примѣчанія.

Сербское «среднее» l, по опредѣленію Белича, гораздо тверже нѣмецкаго l или польскаго l; наоборотъ, сербское l′ (љ) очень мягко,—по мнѣнію Белича,—мягче русскаго *л* въ слогахъ *лю*, *ля*. Согласный v—губно-зубной. Зубные t̪, d̪, по опредѣленію Белича, если и не могутъ быть названы междузубными, то близко подходятъ къ таковымъ: конецъ языка очень часто охватываетъ нижніе края верхнихъ зубовъ. Рядомъ съ носовымъ зубнымъ n наблюдается носовой небный—ɲ: въ положеніи предъ небнымъ-же согласнымъ (напр., въ словахъ *Паланка*—названіе города, *опанка*—род. п. отъ *опанак*—сапогъ).

Фрикативный j трудно разграничить отъ i̯. Согласные s̱, ž—твердые, однако, по замѣчанію Брока, имѣютъ образованіе довольно переднее, сравнительно съ русскими *ш*, *ж* являются болѣе передними.

Соотвѣтствующіе простымъ, по образованію корональнымъ, š, ž слитные—c̱ (ч), ǧ (џ); Беличъ слышитъ въ ихъ первой составной части церебральные ʈ, ɖ.

Смягченные слитные ć, đ, (ћ, ђ) параллельны польскимъ ć, dź, насколько и въ послѣднихъ оканчивающій образованіе фрикативный элементъ подходитъ подъ рядъ шипящихъ, т. е. обыкновенно представляютъ смягченный слитный t͡ś, d͡ź; однако иногда слышится скорѣе t͡ś, d͡ź, т. е. со свистящимъ элементомъ въ концѣ образованія. Брокъ опредѣляетъ эти слитные, какъ краепалатальные; по Беличу они—«средне-палатальные, съ болѣе или менѣе энергичнымъ прижиманіемъ правой или лѣвой стороны соотвѣтствующей части языка».

Примѣчаніе. Ср. рецензію Белича на «Очеркъ физіологіи славянской рѣчи» Брока въ Roczn. Slaw., IV, 1911 г., 189 и слѣд.

Если имѣть въ виду данныя различныхъ сербо-хорватскихъ говоровъ, то звуковая система сербскаго языка, разумѣется, явится болѣе сложной.

Такъ, въ юго-восточныхъ говорахъ Сербіи имѣется особый гласный ъ (ср. ниже, § 13), въ опредѣленіи котораго изслѣдователи нѣсколько расходятся.

Примѣчаніе. По Броку—«неокругленный гласный задняго ряда, образованія ненапряженнаго», по положенію языка соотвѣтствующій гласнымъ *о* или *и* («округленнымъ», т. е. съ губнымъ округленіемъ); по Беличу,—внѣ вліянія сосѣдняго согласнаго это—гласный оттѣнка *а*, съ артикуляціей напряженной и нѣсколько бо́льшимъ подъемомъ, чѣмъ *а*: главная же черта этого звука, по Беличу,—болѣе короткая вибрація голосовыхъ связокъ, чѣмъ при краткихъ гласныхъ, и въ то-же время энергичная. Подробнѣе—въ Roczn. Sl. IV, 194 с.

Особый «полугласный» ъ наблюдается въ черногорскихъ говорахъ; о немъ см. у Решетара: der Štokavische dialekt, 90 и слѣд.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ слышится твердое l, очень близкое къ польскому ł, особенно передъ *о* и *и*.

Въ извѣстной части сербскихъ говоровъ существуетъ звукъ ch (x) (ср. ниже, § 24).

Въ нарѣчіи, имѣющемъ je изъ стараго ě (ѣ,—ср. выше, § 6), слышатся смягченные согласные: p′, b′, v′, m′, s′, z′ передъ этимъ рефлексомъ ě (пјѐвам, бјѐжим, одсјѐкох, зјѐница и т. п.).

§ 8. Способы выраженія отмѣченныхъ звуковъ сербскаго языка были указаны. Остается сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу сербо-хорватской графики.

Первоначально сербы употребляли для нуждъ письменности обѣ словянскія азбуки, извѣстныя намъ въ др.-ц.-словянской письменности: глаголицу и кириллицу. И та, и другая азбука представлена въ сербской письменности съ конца XII вѣка. Глаголица жила въ западныхъ частяхъ территоріи, заселенной сербскимъ народомъ на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ; съ XV вѣка она претворилась изъ уставнаго письма въ скоропись и проникла въ сферу не только церковной, но и общественной жизни: ею писаны многія грамоты, постановленія общинъ, завѣщанія и договоры въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ; она перешла въ печать и нынѣ еще находится въ употребленіи въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ у хорватъ, сохранившихъ богослуженіе на словянскомъ языкѣ по католическому обряду. Въ общественной жизни и въ литературѣ у современныхъ хорватъ употребляется латинская азбука, приспособленная къ нуждамъ сербскаго языка: ср. выше, § 7.

Кириллица была издавна въ употребленіи въ восточныхъ частяхъ сербо-хорватской территоріи, въ XVIII вѣкѣ—въ формѣ русской «гражданской» азбуки; въ началѣ XIX вѣка она была реформирована сербскимъ писателемъ Вукомъ Караджичемъ, съ научной дѣятельности котораго и началось изученіе сербскаго языка. Онъ упразднилъ буквы, ненужныя для обозначенія звуковъ сербской рѣчи: ъ, ь, ы, ѣ, щ, ввелъ ј, благодаря чему сдѣлались лишними буквы *я* и *ю* (вмѣсто нихъ ја и ју), љ и њ для смягченныхъ *л* и *н*, ђ и ћ (ср. выше, § 7), ц; букву щ онъ замѣнилъ сочетаніемъ *шт*; въ соотвѣтствіи нашему *е* въ началѣ слова или послѣ гласнаго въ этой реформированной азбукѣ употребляется сочетаніе *је*, тогда какъ *е* соотвѣтствуетъ по звуковому значенію нашей буквѣ э.

Въ основу сербскаго правописанія Вукъ положилъ *фонетическій* принципъ.

Гласные сербскаго языка въ нхъ отношеніи къ гласнымъ другихъ словянскихъ языковъ.

Чтобы освѣтить исторически звуки сербскаго языка, необходимо выяснить ихъ отношеніе къ звукамъ другихъ словянскихъ языковъ. Говоря о гласныхъ, мы оставляемъ пока въ сторонѣ ихъ количественную сторону, т. е. долготу или краткость, такъ какъ о количествѣ рѣчь будетъ ниже (въ § 19), и будемъ имѣть въ виду лишь качественную сторону.

§ 9. Въ соотвѣтствіи др.-церк.-словянскому ѧ и русскому *а* въ сербскомъ языкѣ находимъ также гласный *а* (какъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ: чешскомъ, польскомъ и т. д.); иными словами, мы можемъ предполагать, что изъ *праславянскаго а* въ сербскомъ языкѣ получилось *а*: ср. др.-ц.-сл. **трава**, **братъ** и т. п., русск. *трава*, *братъ* и т. п. и серб. трáва, брáт и т. п.

Точно такъ-же др.-ц.-славянскимъ о, ѹ, и, ѣ и русскимъ о, у, и, е, т. е. праславянскимъ о, u, i, e соотвѣтствуютъ сербскія о, у, и, е: ср. др.-ц.-сл. **нога**, **коса**, **вода**, русск. *нога*, *коса*, *вода* и серб, нòга, кòса, вòда; др.-ц.-сл. **купити**, **пустъ**, русск. *купить*, *пустъ* и серб. купити, пуст (kûpiti, pûst); др.-ц.-сл. **пити**, **липа**, **бити**, **лице**, русск. *пить*, *липа*, *бить*, *лицо* и серб. пити, липа, бити, лице (pîti, lîpa, bîti, lîce); др.-ц.-сл. **нести**, **небо**, **ледъ**, русск. *нести*, *небо*, *ледъ* и серб. нѐсти, нѐбо, лѐд. О сербскихъ *о* и *у* (u) новаго происхожденія ср. въ §§ 15, 16 и 17.

Кромѣ этихъ гласныхъ, которые получены отдѣльными словянскими языками, въ томъ числѣ и сербскимъ, изъ праславянскаго безъ измѣненій, въ этомъ послѣднемъ имѣлись еще гласные: ě, у, ǫ и ę, ъ и ь.

О рефлексахъ этихъ праславянскихъ гласныхъ въ сербскомъ языкѣ слѣдуетъ сказать особо.

§ 10. Гласный ě праславянскаго языка предполагается въ соотвѣтствіи др.-церк.-словянскому гласному, который обозначался особой буквой ѣ; ни тотъ, ни другой не можетъ быть въ точности опредѣленъ по характеру, но по происхожденію этотъ звукъ отличается отъ всѣхъ иныхъ гласныхъ (ему соотвѣтствуетъ въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ въ однихъ случаяхъ ē, въ другихъ—дифтонгъ *oi* или *ai*). Въ русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, находимъ въ соотвѣтствіи др.-церк.-словянскому ѣ въ однихъ нарѣчіяхъ *е* (какъ и въ литературной рѣчи), въ другихъ—*і* (малорусск., сѣв.-великорусск.). Въ соотвѣтствіи др.-ц.-слов. ѣ (праслов. ě) въ сербскомъ языкѣ находимъ разнообразные рефлексы,—съ различіемъ по говорамъ.

Въ восточномъ штокавскомъ нарѣчіи слышится *е*, краткое или долгое (не смягчающее предыдущаго согласнаго), въ западно-штокавскомъ—*і* (краткое или долгое), въ южноштокавскомъ -је и -ије,—первое въ краткихъ слогахъ, второе—въ долгихъ; въ чакавскомъ нарѣчіи въ западныхъ говорахъ слышится *е*, въ болѣе восточныхъ—*і* (ср. выше, § 6), въ говорѣ Lastovo—је.

Примѣры: др.-ц.-сл. цвѣтъ—серб. цвѐтъ, южн. цвијет (cvïjet), вост.-чакавск. cvît, зап.-шток. цвит (cvît); др.-ц.-сл. сѣно—серб. сѐно, южн. сијено (sïjeno), зап. сино (sîno); др.-ц.-сл. вѣра—серб. вѐра, южн. вјѐра, зап. вира (vïra); др.-ц.-сл. мѣра—серб. мѐра, южн. мјѐра, зап. мира (mïra).

Примѣчаніе. Решетаръ слышитъ въ экавскомъ *е* на мѣстѣ ě, по крайней мѣрѣ въ выговорѣ образованнаго общества, звукъ,—болѣе широкій сравнительно съ *е* изъ праслов. *е* или ę, особенно въ долгихъ ударяемыхъ слогахъ,—ср. его «Štokav. dial.», 68 с. Что касается южнаго ије на мѣстѣ ě въ долгихъ слогахъ, то, по Решетару, оно можетъ произноситься двояко: или какъ двухсложный звуковой комплексъ съ краткимъ *е*, или какъ дифтонгъ iē (съ долгимъ *е*), причемъ подъ восходящимъ удареніемъ всегда, какъ iē (дифтонгъ: rijèka=riē´ka), а подъ нисходящимъ удареніемъ или безъ удренія первымъ или вторымъ способомъ: vïjek, kòlijevka или vīek, kòlīevka («Štokav. Dial.», 87 с.). Ср. по этому вопросу у Белича,—Roczn. Slaw. I, 191 и III, 296 с.

Устанавливая различіе рефлексовъ праславянскаго ě въ сербскомъ по нарѣчіямъ, должно оговориться, что въ нѣкоторыхъ говорахъ находимъ на мѣстѣ ě въ однихъ словахъ *е*, въ другихъ *і*, что должно разсматривать какъ результатъ болѣе ранняго смѣшенія діалектовъ. Такъ, напримѣръ, въ говорѣ Красицы (хорватское Приморье) Mikulišić въ 1876 году записалъ: žene дат. п. ед. ч., dve, beseda, bel, delo, deva, cel, delat, greh, koleno, leto, levo, medvěd, seno, sedet, slep и т. д., а съ другой сто-

ровы—bižat, čovik (человѣкъ), divica, jist (ѣсть), lip (др.-ц.-слов. лѣпъ), lipota, svit, tišit (тѣшить), zvirje и др. (ср. Arch. V, 182—183 сс.).

Такую же двойственность отмѣтилъ недавно (въ 1910 г.) Беличъ въ говорѣ Novi (Изв. XIV, Замѣтки по чакавскимъ говорамъ, 4 с.).

Въ южныхъ говорахъ находимъ і на мѣстѣ ě передъ j и передъ o вмѣсто ожидаемаго -je: sîjati—sîjem (сѣять—сѣю), видно (vîdio—видѣлъ), диоба (diôba изъ *dělьba), био (bîo—бѣлъ), цио (cîo—цѣлъ) и т. п., что является, повидимому, результатомъ фонетическаго процесса.

Далѣе, также въ южныхъ говорахъ находимъ сиђети вмѣсто сjѣђети (сидѣть—др.-ц.-сл. сѣдѣти; слогъ -ђе изъ dje=dě). Решетаръ объясняетъ эту форму диссимиляціей двухъ слоговъ, содержащихъ ě.

Въ положеніи послѣ *р* въ большинствѣ южныхъ говоровъ въ краткихъ слогахъ находимъ не -je, а *е* на мѣстѣ ě опять-таки фонетически, такъ какъ *р* (r) смягченное (изъ rj), получившееся въ такихъ случаяхъ, отвердѣло (ср. § 20).

Примѣчаніе. На о. Млетѣ возлѣ Рагузы произносятъ srjĕća (счастье), mrjĕža (мрѣжа) и т. п.—ср. Rešetar op. cit., 70 с.

Наконецъ, не только въ южныхъ, јекавскихъ, но и въ нѣкоторыхъ экавскихъ говорахъ находимъ послѣдовательно *і* на мѣстѣ стараго ě въ формахъ сравнит. степени (богатији) и имперфекта (плетијах),—ср. о нихъ §§ 46, 53.

Иного характера отступленіе представляетъ въ говорахъ, гдѣ ě, вообще говоря, не является въ видѣ *і*, форма *жѐни* дат. п. ед. ч. (женѣ) и т. п.: форма эта явилась по аналогіи формы дат. п. ед. ч. зѐмљи и т. п. (ср. др.-ц.-сл. женѣ—землѝ). Также нефонетическими являются въ такихъ говорахъ формы: мѐни, тѐби, сѐби (ср. § 41).

Примѣры замѣны ѣ современными сербскими рефлексами этого праслов. звука можно встрѣтить уже въ древнихъ памятникахъ. Такъ, въ Мирославовомъ Ев. находимъ различныя формы отъ глагола отъкѣцiати съ ѣ (отвѣща-); то же—въ Вукановомъ Ев. и въ Гершковичевомъ отрывкѣ апостола. Въ Никольскомъ Ев. XIV в. ѣ=и: спѣте=спите Матѳ. XXVI, 45 ст., вѣдиχомь=видѣχомь Матѳ. II, 2 и. т. п. Въ отрывкѣ Боснійскаго Ев. 1393 г.—то-же: видикь=видѣкъ, прибикаетъ=прѣкъзыбаетъ; бимь=бѣмь (ср. Starine, XVIII, 231 стр.). Въ грамотѣ 1332 г. лиеть=лѣтъ; биере род. ед. ч. отъ бѣра (Monum. serb. 101, 102 сс.).

Примѣчаніе. Ср. объ ě статью Решетара въ XIII т. Archiv'a («Zur Aussprache und Schreibung des ě im serbokroatischen»).

§ 11. Праславянскій гласный у (др.-ц.-сл. ꙋ, русск. ы) въ сербскомъ языкѣ совпалъ съ гласнымъ передненебнымъ *і*; ср. бити (bîti)—др.-ц.-сл. бꙋти, миш (mîš)—мышь, мисао (mîsao)—мысль, рибар (rîbār)—рыбарь.

Это совпаденіе датируется древнѣйшими памятниками сербскаго языка. Въ Мирославовомъ Ев. (2-й половины XII вѣка) *и* вм. *ы* находимъ, какъ правило, только послѣ язычно-небныхъ *к*, *г*, *х*, въ иныхъ случаяхъ крайне рѣдко. Также въ Гершковичевомъ отрывкѣ апостола *и* вм. *ы* находимъ исключительно послѣ *к*.

Въ грамотѣ бана Кулина (1189 г.) находимъ: дьвадесети, босьньски; въ Вукановомъ Ев. (1201—1208 гг.) взаимная мѣна буквъ ꙑ и и, указывающая на совпаденіе *ы* съ *и*, уже—нерѣдкое явленіе: ви = вꙑ (Марк. XVI, 7), благоѡбразьни (Марк. XV, 43) и т. п.

Что въ болѣе древнія времена гласный ы̱ въ сербскомъ языкѣ отличался отъ *и*, показываетъ передача его въ латинскихъ грамотахъ IX вѣка, сохранившихъ намъ сербскія имена, буквой u: Zatimustlo, Nedamuslo въ грамотѣ 837 г., Cresamuslo въ грамотѣ 892 года (въ основѣ этихъ именъ—корень -mysl-).

§ 12. Прасловянскіе носовые гласные ǫ и ę (др.-ц.-сл. ѫ, ѧ, русск. *у*, *я* ('а), польск. носовые гласные ǫ, ę) въ сербскомъ языкѣ дали чистые гласные: ǫ—во всѣхъ собственно сербскихъ говорахъ—у̱ (u), а ę—е, причемъ въ чакавскомъ нарѣчіи послѣ j, č, ž на мѣстѣ ę̱ является *а*,—ср. выше, § 4.

Потеря носовыхъ гласныхъ, т. е. измѣненіе ихъ въ чистые въ сербскомъ языкѣ относится къ очень древней эпохѣ. Въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ это измѣненіе уже—на лицо. Мирославово Ев., какъ памятникъ, переписанный съ болгарскаго оригинала, еще употребляетъ знаки ѫ, ѧ (также ѧ и 1 разъ ѧ = ѧ), но употребляетъ ихъ неправильно: осѹждениѧ = осѫждениѥ; жѧ = же; домѫ = домѹ; ѧмѫ = ѥмѹ и т. п. Изъ этихъ примѣровъ ясно, что на мѣстѣ церк.-словянскихъ ѫ, ѧ, т. е. праслов. ǫ, ę, во второй половинѣ XII в. сербы произносили *у*, *е*.

Въ Вукановомъ Ев. находимъ: име = имѧ, ѡсѹждень = осѫждень, тьмѹ = тьмѫ вин. п. ед. ч., твореща = творѧща и т. п.

Въ грамотѣ 1189 г.: име, присезаю = присѧѯаѭ, вѣрꙋ = вѣрѫ вин. п. ед. ч. и т. п. И въ отдѣльныхъ сербскихъ словахъ, попадающихся въ латинскихъ грамотахъ XI вѣка, отражается уже потеря носовыхъ гласныхъ: Luca въ грам. 1059 г. (др.-ц.-сл. лѫка), Dubrave въ грам. 1078 г. (др.-ц.-сл. дѫбрава), Svetoslauus въ грамотѣ 1067 г. (въ первой части *svęto-,—ср. др.-ц.-сл. свѧтъ). Но въ грамотѣ 892 г. встрѣчаемъ Muncimirus (*mǫtimirъ); слѣдовательно въ концѣ IX в. сербскій языкъ еще имѣлъ носовые гласные.

Примѣчаніе. Примѣры изъ латинскихъ грамотъ, характеризующіе звуковую систему сербскаго языка до появленія письменности, были собраны въ 1833 году Шафарикомъ въ его «Serbische Lesekörner».

§ 13. Прасловянскіе ъ и ь (др.-ц.-сл. ъ и ь, русскіе бѣглые *о, е*) совпали въ сербскомъ языкѣ въ очень древнюю эпоху въ одномъ звукѣ. Это совпаденіе во всякомъ случаѣ произошло въ эпоху, предшествующую древнѣйшимъ, дошедшимъ до насъ, письменнымъ памятникамъ; поэтому въ памятникахъ этихъ не видно никакого слѣда различія ъ и ь, и употребляется обычно одинъ знакъ ь въ соотвѣтствіи др.-церк.-словянскимъ ъ и ь.

Такъ, въ Мирославовомъ Ев. находимъ зачетькь (=зачѧтъкъ, — ср. соврем. сербское зачéтак) Іоанна II, 11 ст., дьски (=дъскы,—совр. дȁске), ibid. 15 ст., стоуденьць (=церк.-сл. стоуденьць,—совр. серб. студѐнац) Іоанна IV, 6 ст. и т. п., т. е. ь стоитъ какъ на мѣстѣ прасловянскаго ь (стоуденьць), такъ и на мѣстѣ прасл. ъ (зачетькь, дьски).

Звукъ, въ которомъ совпали въ сербскомъ языкѣ праслов. ъ и ь, въ извѣстныхъ условіяхъ исчезъ вовсе, въ другихъ—сохранился, измѣнившись въ большинствѣ сербскихъ говоровъ въ гласный а: ср. др.-ц.-слов. сънъ—сънa=серб. sȁn-- snȁ, др.-ц.-сл. дьнь—дьне=серб. дȁн—дȁна, др.-ц.-сл. лъжь (ложь)—серб. лȁж, др.-ц.-сл. чьсть—серб. чȁст и т. д.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ однако на мѣстѣ прасловянскихъ ъ и ь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это ъ или ь не исчезло вовсе, слышится особый гласный глухой, а именно въ южныхъ говорахъ Черногоріи и юговосточныхъ говорахъ Сербіи,—призрено-тимочскихъ.

Въ черногорскихъ говорахъ этотъ глухой гласный колеблется между глухимъ *е* и узкимъ *а* (подробнѣе см. Решетара d. štokav. dial. 90 и сл.).

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ экавскихъ говорахъ чакавскаго нарѣчія на мѣстѣ прасл. ъ и ь имѣется *е* и *о*: ср. Roczn. slaw. III, 88 с.

О характерѣ этого звука въ призрено-тимочскихъ говорахъ ср. выше, въ § 7.

Повидимому, этотъ именно глухой звукъ, въ которомъ писцы слышали оттѣнокъ *е*, и скрывается подъ буквою *е* латинскихъ, глаголическихъ и кирилловскихъ памятниковъ XIII—XIV вѣка (ср. Решетаръ d. štok. dial. 96 с.): ср. напр. босеньски bis. = совр. босански (bòsanskī), добитекь=совр. добитак (dobitak) въ грам. 1240 с., любевь—любъвь,—совр. љубав (ljúbav) въ грам. 1247 года, добитекь и босеньски въ грам. 1249 г. и т. п. (см. Monum. serb. 28, 31, 32 сс.).

Современное *а* на мѣстѣ прасловянскихъ ъ и ь впервые появляется въ памятникахъ XIV в.: начетакь (др.-ц.-сл. начѧтъкъ), рожаства (др.-ц.-сл. рождьства), добитакь, дѹбровачька (изъ *dubrovьčьska) въ грам. 1333 г. (Mon. serb., 105—106 сс.), нѣсколько позже—въ литургическихъ памятникахъ, напр. въ Никольскомъ Ев.: тамно (=тьмьно) Матѳ. VI, 23 ст., любавь (=любъвь) Лук. XI, 42 ст. и т. п.

Въ какихъ же условіяхъ прасл. ъ и ь въ сербскомъ языкѣ исчезли и въ какихъ сохранились въ видѣ *а* или въ видѣ глухого звука?—Въ общемъ эти условія совпадаютъ съ условіями исчезновенія или сохраненія въ томъ или другомъ видѣ прасл. ъ. ь въ другихъ словянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ въ русскомъ.

Главное значеніе имѣли въ судьбѣ знаковъ ъ и ь удареніе и открытый или закрытый характеръ слога (слогъ, оканчивающійся на гласный,—открытый, а на согласный—закрытый); при этомъ подъ закрытымъ слогомъ разумѣется ставшій закрытымъ въ силу исчезновенія въ послѣдующемъ слогѣ ъ или ь, или же редуцированныхъ у и і (ы, и).

Въ слогѣ закрытомъ или же открытомъ, но ударяемомъ, ъ и ь исчезнуть не могли и, слѣдовательно, являются въ сербскомъ языкѣ въ видѣ *а* (или глухого гласнаго), исчезли ъ и ь только въ открытомъ неударяемомъ слогѣ.

Большею частью, закрытый слогъ является въ то-же время и ударяемымъ.

Конечный слогъ съ ъ и ь всегда былъ открытымъ и неударяемымъ.

Такимъ образомъ, изъ *sъ-nà, *рь-sà, *dъ-nò, *dъ-và, *sъ-láti получились: серб. снȁ, псȁ, днȍ, двȁ, слȁти (ср. др.-ц.-сл. **сѫна, пьса, дѫно, дѫва, сѫлати**). Наоборотъ, изъ *sъnъ, *рьsъ, *lъžь, *čьstь (др.-церк.-слов. **сѫнъ, пьсъ, лѫжь, чьсть**) получились серб. сȁн, пȁс, лȁж, чȁст; въ этихъ примѣрахъ закрытый слогъ съ ъ или ь былъ въ то же время и ударяемымъ. Примѣромъ, когда ъ или ь были въ закрытомъ, но неударяемомъ слогѣ, могутъ служить серб. тȁмница, шȁптати изъ *tьmьnica, *šьрьtáti, (ср. русск. темница, шептáть): удареніе въ сербскихъ формахъ новое, перенесенное на одинъ слогъ ближе къ началу слова. Съ другой стороны, ъ и ь въ формахъ *dъsky им. мн. ч., *mьglǫ вин. ед. (др.-ц.-сл. **дъскы, мьглѫ**) не могли выпасть въ сербскомъ уже въ силу того, что находились подъ удареніемъ: въ сербскихъ формахъ дȁске им. мн. ч., мȁглу вин. ед. удареніе " указываетъ на исконную ударяемость перваго слога (ср. § 19). Конечное ъ предлоговъ должно разсматриваться, какъ находящееся внутри слова, такъ какъ предлоги находились въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующей падежной формой; поэтому имѣемъ сȁ-мнȍм изъ *sъ-mъnojǫ и т. п.: ср. русск. со-, во- и т. д.

Кромѣ указанныхъ условій ударяемости и открытаго и закрытаго характера слога, въ появленіи гласнаго *а* на мѣстѣ праслов. ъ или ь имѣлъ значеніе психологическій факторъ,—аналогія: подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ *а* въ закрытомъ или ударяемомъ слогѣ, являлось *а* и въ слогѣ неударяемомъ открытомъ: такъ, подъ вліяніемъ формы имен. ед. дȁн явилась форма род. п. дȁна (изъ *dьne,—существуетъ и старая форма dnē); форма *šьvьсь должна была дать švac, форма же род. пад.

*Šьvьcà—šavca; подъ вліяніемъ род. šavca, дат. šavcu и т. п. явилась форма имен. ед. шáвац (šávac) вмѣсто швац (švac); такъ же вмѣсто *tman изъ *tѫmьnъ явилось тáман (táman) подъ вліяніемъ tâmnī (изъ *tьmьnujь=др.-ц.-сл. тьмьнъıи); отсюда затѣмъ *a* проникло и въ форму тáма (др.-ц.-сл. тьма,—ср. уменьшительныя тмина и тмуша).

Психологическій факторъ,—аналогія, особенно дѣйствовалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выпаденіе ъ или ь имѣло своимъ слѣдствіемъ возникновеніе трудно произносимой группы согласныхъ, какъ, напримѣръ, въ формахъ дàска изъ *dъskà, мàгла изъ *mьgla, снàха изъ *snъcha (ср. вин. дâску, мâглу, зват. снàхо): сербское удареніе ′—перенесенное съ конечнаго слога.

Вѣроятно, такимъ же образомъ объясняется уздàхнути (вздохнуть) и дàхнути изъ *dъchnǫ́ti (ср. уздâх—вздохъ, гдѣ ъ было въ закрытомъ слогѣ), затѣмъ—стàкло изъ *stьklò (ср. уменьшительное стàклце изъ *stьklьce) и т. д. Въ этомъ отношеніи интересно сопоставить съ литературнымъ дàска и стàкло діалектическія сербскія формы склò, цклò и цкà съ выпаденіемъ ь, ъ и упрощеніемъ группъ согласныхъ.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ъ и ь получены были въ сербскомъ изъ праславянскаго и затѣмъ, совпавъ въ одномъ звукѣ, давали въ извѣстныхъ условіяхъ *a*, находимъ и такіе случаи, когда новый гласный неполнаго образованія, позже переходившій въ *a*, возникалъ впервые на сербской почвѣ. А именно, если старое ъ или ь стояло послѣ группы «согласный+сонорный», то по исчезновеніи ъ или ь эти сонорные становились слоговыми и затѣмъ развивали передъ собой новый неполнаго образованія гласный; такъ, изъ *jesmь черезъ посредство *jesm̥ получилось jesьmь,—въ древнихъ памятникахъ ѥсьмь,—а затѣмъ jесам, изъ *bosnьskujь получилось *bosn̥ski, а затѣмъ *bosьnski,—въ древнихъ памятникахъ босьньски,—откуда современное бòсански (второе ь въ др.-сербскихъ ѥсьмь и босьньски имѣло лишь графическое значеніе). Такимъ же образомъ получились изъ *větrъ—вѐтар, изъ *dobrъ—дòбар, изъ *myslь—мȉсао и затѣмъ мисао (мȉsao,—съ измѣненіемъ конечнаго *l* въ *o*); изъ *ognь—òгањ, изъ *sedmь—сѐдам.

По аналогіи отношеній вѐтар—вѐтра, òгањ—òгња явилось также бòсак при формѣ род. п. бòска.

То же явленіе—въ группѣ согласный+сонорный v+ъ или ь можно наблюдать внутри слова: такого происхожденія серб. цàвтити (цвѣсти) изъ *cvьtiti черезъ посредство *cvtiti со слоговымъ v.

Примѣчаніе. По вопросу о судьбѣ ъ и ь въ сербскомъ языкѣ ср. Jagić въ Arch. IV «Woher das secundäre a?», его-же «Podmladjena vokalizacija», Rad IX; Oblak «Die Halbvocale und ihre Schicksale in südslav. Sprachen» въ Arch. XVI.

§ 14. Прасловянскіе ъ и ь въ положеніи передъ j измѣнились въ сербскомъ, какъ и въ большинствѣ словянскихъ языковъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не исчезли, т. е. когда были сильными (въ закрытомъ слогѣ или подъ удареніемъ въ открытомъ)—въ *ы* и *и* (у и і); при этомъ и въ судьбѣ ъ и ь въ положеніи передъ j играетъ большую роль аналогія.

Примѣры: мијēш, крijēш, рijēш (mījēš, krījēš, rījēš), съ і изъ болѣе стараго у (*ы*), а это *у* получилось изъ праслов. ъ въ положеніи передъ j, т. е. *mуjеšь получилось изъ праслов. *mъjеšь,—ср. русское *мóешь*. Въ формахъ бијēш, лијēш, вијēш, змије им. мн., змија им. ед. ч., чиј—чија—чијē (bījēš, lījēš, vījēš, zmīje, zmīja, čīj, čīja, čījē) имѣемъ і изъ прасл. ь въ положеніи передъ j: biješ изъ прасл. *bьjеšь,—ср. русск. *бьешь*. Въ примѣрахъ свиња, свиње им. мн. ч. (svīnja, svīnje им. мн. ч.), въ формахъ твор. ед. ч. ствāрју отъ ствāр, нōћу отъ нōћ (ср. др.-ц.-сл. ноштиѭ изъ праслов. *nokťjǫ) имѣетъ мѣсто исчезновеніе редуцированнаго і, получившагося изъ ь въ положеніи передъ j.

Примѣчаніе. Въ серб. змāј—змāја гласный *а*—врядъ-ли изъ ь (ср. болг. *змъй*, чеш. zmak); форма gen. pl. бӧрāјā и т. п. (отъ бӧрје и т. п.) возникла подъ вліяніемъ бӧрā gen. pl. и т. п. Въ формѣ тāј (тотъ) j прибавлено позже къ ta (изъ *tъ).

§ 15. Исчезновеніе въ извѣстныхъ условіяхъ старыхъ ъ и ь прасловянскаго происхожденія повлекло за собою въ сербскомъ языкѣ рядъ новыхъ звуковыхъ измѣненій, какъ-то: образованіе слоговыхъ р̥ и л̥ (см. § 17), различныя измѣненія группъ согласныхъ (см. § 26). Къ числу этихъ звуковыхъ измѣненій относится возникновеніе сербскаго у (u) изъ группы vъ- или vь-.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ *первомъ слогѣ* слова, начинающагося съ vъ-, ъ находилось въ открытомъ слогѣ, изъ у, которое, повидимому, было билабіальнымъ, послѣ исчезновенія ъ получалось u: предлогъ vъ- получалъ форму u, изъ *vьdoviса получалось udoviса и т. п.,—ср. штокавскія у, удовица (udòvica), у̀нук (изъ *vъnukъ), у̀пити (изъ *vъpiti), у̀тӧрнӣк (изъ *vъtorьpikъ).

Нѣкоторые факты указываютъ на то, что билабіальное у измѣнялось первоначально въ неслоговое u (u̯), которое давало затѣмъ слоговое u не во всѣхъ говорахъ сербскаго языка: ср. чакавскія формы čега изъ *vьčega, z изъ *vъz- (предлогъ), dovȁc изъ *vьdovьcь, segā̀ род. п. ед. ч. изъ *vьsego (объ окончаніи -а ср. § 42); эти чакавскія формы получились непосредственно изъ *u̯čega, *u̯z-, *u̯dovac, *u̯sega съ неслоговымъ u.

Примѣчаніе. Ср. Arch. V, 181 и слѣд. и Белича «Замѣтки» 16 стр.

Въ штокавскихъ говорахъ форма *u̯sega измѣнилась въ *su̯ega (съ перестановкой u̯s- въ su̯-) и затѣмъ въ *свега*; этого не могло случиться, если бы vь- прямо давало u, а не u̯; формы же *u̯z-, *u̯nuk и т. п. въ штокавскомъ дали затѣмъ уз-, унук.

Сочетаніе vъ или vь въ начальномъ слогѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ъ, ь находились въ закрытомъ слогѣ, правильно давало va-, въ силу обычнаго измѣненія ь въ *а* въ такомъ положеніи.

Однако аналогія переносила иногда у- изъ vъ- въ положеніе, гдѣ фонетически должно было получиться va-, и наоборотъ: въ штокавскихъ говорахъ—не только *у-име* (во-имя), но и *у-два сахата* (=въ 2 часа), гдѣ у-два... изъ *vъ-dъva..., что должно было дать *va-dva... Наоборотъ, въ чакавскихъ говорахъ имѣемъ va dvorī, va rȍdi. Изъ *vъšь—*vъši (род. п.) должно было получиться vâš—ûši, но подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ падежей явилась рядомъ съ vâš форма ûš (у̂ш) и, наоборотъ, по образцу имен. п. vâš явилась форма род. п. vȁši (вȁши).

Указанное измѣненіе начальнаго слога слова vъ—въ u датируется уже древнѣйшими сербскими памятниками: ср. въ грамотѣ 1189 года—ꙋ име, ꙋ дьвадесети и деветы дн҃ь, въ Вукановомъ Ев.—ꙋста 11 а, ꙋпрашахꙋ 21 а, ꙋзьгласите 21 а; ꙋпросите 21 б, ꙋкꙋсить 111 а, ꙋдовица 124 л. и т. п., и наоборотъ—вь вм. ꙋ: вьжасошесе 11 а, вьжасаитесе ibid, вьмрѣти 11 б и т. п.

Примѣчаніе. Что касается положенія слога vъ внутри слова, то выпаденіе ъ или ь въ открытомъ слогѣ вызывало удлиненіе гласнаго въ предыдущемъ слогѣ: óвца (′—перенесенное удареніе на долгомъ гласномъ) изъ *ovьcá и т. п.

Слоговые плавные и ихъ происхожденіе.

§ 16. Сонорные *r* и *l* могутъ быть, какъ извѣстно, слоговыми.

Сопоставленіе данныхъ др.-ц.-словянскаго языка и живыхъ словянскихъ языковъ позволяетъ предполагать слоговые *r*, *l* въ прасловянскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ, когда др.-церк.-словянскимъ ръ, лъ, рь, ль между согласными соотвѣтствуютъ въ русскомъ сочетанія *ор*, *ер*, *ол*, *(ел)*: др.-ц.-сл. скрѫбь—русск. *скорбь*, др.-ц.-сл. чрьвь—русск. *червь*, др.-ц.-сл. влькъ (влъкъ)—русск. *волкъ* и т. п.

Эти слоговые *r*, *l* въ праслов. языкѣ были твердыми и полумягкими или, какъ полагаетъ Фортунатовъ, имѣли передъ собою неслоговые ъ или ь: др.-ц.-сл. скрѫбь, чрьвь, влькъ и русск. *скорбь*, *червь*, *волкъ* Фортунатовъ возводитъ къ праслов. *skъr̥bь, *čьr̥vь, *vьl̥kъ со слоговыми *r*, *l* и неслоговыми ъ, ь передъ ними.

Въ соотвѣтствіи съ прасловянскими слоговыми r, l въ сербскомъ языкѣ находимъ *также слоговые* r, l; при этомъ: 1) сербскій языкъ потерялъ издревле различіе между твердыми и полумягкими слоговыми r, l

или, иначе,—между сочетаніями ъr̥, ъl̥ и ьr̥, ьl̥; 2) въ сербскихъ слоговыхъ r, l различается долгота и краткость (см. ниже, § 18) и 3) сербскіе слоговые r, l впослѣдствіи подверглись на почвѣ отдѣльныхъ говоровъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Кромѣ того, въ сербскомъ языкѣ имѣются новые слоговые *r* и *l*— въ соотвѣтствіи праславянскимъ сочетаніямъ rъ, rь, lъ, lь съ неслоговыми r̥, l̥ и слоговыми ъ, ь: этимъ праслов. сочетаніямъ соотвѣтствуютъ въ русскомъ сочетанія *ро*, *ло*, *ре*, *ле*; такъ, изъ праслов. *krъvь—*krъvi въ русскомъ имѣемъ *кровь—крови* (др.-ц.-сл. кръвь—кръви), изъ прасл. *blъcha—русск. *блоха* (др.-ц.-сл. блъха), изъ прасл. *krьstъ—*krьsta— русск. *крестъ—креста* (др.-ц.-сл. крьстъ) и т. п. Эти новаго происхожденія слоговые *r*, *l* образовались въ сербскомъ послѣ того, какъ въ открытомъ слогѣ безъ ударенія исчезъ слѣдовавшій за ними гласный ъ или ь, при чемъ новые r̥, l̥ подверглись затѣмъ такимъ же измѣненіямъ на сербской почвѣ, что и слоговые r, l старые изъ праславянскихъ слоговыхъ *r*, *l*.

Въ *литературномъ* сербскомъ языкѣ какъ на мѣстѣ стараго (праславянскаго) r̥ слогового, такъ и на мѣстѣ новаго, получившагося изъ сочетаній rъ, rь,—имѣется въ настоящее время *r* слоговое.

Такъ: I прасл. *gъr̥dlo, *sъmьr̥ti, *sьr̥dьce,—др.-ц.-сл. грълo, смрьть, срьдьце, русск. горло, смерть, сердце = серб. грло (gr̂lo), смрт (smr̂t), срце (sr̂ce) со слоговымъ *r*. II праслов. *krъvь, *krьstъ,—др.-ц.-слов. кръвь (—кръви), крьстъ (—крьста), русск. *кровь*, *крестъ*=крв—крви род. п. (kr̂v—kr̂vi), крст—крста (kr̂st—kr̂sta),—также со слоговымъ *r*.

Слоговое l̥ какъ старое, праславянское, такъ и новое (изъ сочетаній lъ, lь) измѣнилось въ большинствѣ сербскихъ говоровъ въ *у* послѣ согласнаго и въ *о* послѣ гласнаго и въ такомъ видѣ является и въ литературномъ языкѣ. Такъ: I прасл. *vl̥kъ, *pl̥nъ, др.-ц.-сл. влькъ (влъкъ), пльнъ (плънъ), русск. *волкъ*, *полнъ*=серб. вук, пун (vûk, pûn). II прасл. *blъcha, *zlъ,—др.-ц.-сл. блъха, зълъ, русск. *блоха*, *зол* = серб. буха, зао (bûcha, zâo).

Слоговые r, l новаго происхожденія, какъ уже было выше замѣчено, явились фонетически изъ сочетаній rъ, rь, lъ, lь тогда, когда въ этихъ сочетаніяхъ выпадалъ ъ или ь. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти ъ или ь были въ закрытомъ слогѣ, слоговые r, l не должны были получаться; однако аналогія переносила слоговые r̥, l̥ и въ такое положеніе, гдѣ они фонетически не могли получиться: такъ, изъ *krъvь—*krъvi должно было получиться *krav—kr̥vi, но подъ вліяніемъ kr̥vi явилась уже въ древности форма нефонетическая krv со слоговымъ *r;* такъ же явилось krst подъ вліяніемъ krsta (вм. *krast) и т. п.

Такимъ же образомъ изъ *гъžь—*гъži явилось вмѣсто гаž—гži съ одной стороны р̱ж—р̱жи (гž—гži) со слоговымъ *r*, а съ другой—ра̑ж—ра̑жи,—въ силу взаимнаго вліянія формъ.

Гласный *o* на мѣстѣ *l* слогового изъ l̥ является чаще всего въ конечномъ слогѣ, напримѣръ, въ формахъ причастія: дао, читао, видио и т. п. (далъ, читалъ, видѣлъ), но можно указать и примѣры внутри слова послѣ гласнаго: жа̑ока (изъ *žal̥ka—жало), вла́далац—вла́даоца (владѣлецъ—владѣльца), за̑ова (изъ *zъ́l̥va—золовка), погорелац—погорео̀ца (погорѣлецъ—погорѣльца) и т. п.

Въ формѣ род. п. отъ жа̑лац ожидали бы жаоца (изъ *žal̥ca), но подъ вліяніемъ имен. п. žа̑lac явилась форма жа̑лца. Такъ же подъ вліяніемъ формъ жен. и ср. рода бијѐла, бијѐло возстановлено *l* неслоговое въ формѣ муж. р. бијел (bȉjel), подъ вліяніемъ дијела род. п. (dȉjela)—дијел (=dȉjel—доля, часть).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда слоговому *l* новаго происхожденія предшествовалъ гласный *o*, слѣдъ этого *l* потерянъ вовсе, такъ какъ получившееся изъ него *o* слилось съ предшествующимъ *o* въ одно долгое *o*: во̑ изъ *vol̥ъ, до̑ изъ *dol̥ъ и т. п.

Особаго примѣчанія заслуживаютъ примѣры, когда слоговое *l* новаго происхожденія имѣло передъ собой слоговое *r*: въ такихъ случаяхъ *r* слоговое оказывалось въ положеніи передъ гласнымъ, такъ-какъ послѣдующее *l* слоговое переходило въ *o*: такъ, форма *umr̥l̥ъ давала умро (umr̥o),—слоговой характеръ *r* обозначается двумя точками надъ буквой; также раздро (-дро изъ *-dьr̥l̥ъ).

§ 17. Иные сербскіе говоры, расходящіеся съ литературнымъ сербскимъ языкомъ относительно судьбы слоговыхъ *r*, *l*, отчасти представляютъ болѣе новыя явленія, отчасти же отражаютъ болѣе старыя ступени въ развитіи этихъ звуковъ, помогая вмѣстѣ съ данными письменныхъ памятниковъ возстановить болѣе или менѣе полную исторію этихъ звуковъ.

Слоговое *r* сохраняется въ такомъ видѣ въ большинствѣ сербскихъ говоровъ, причемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ (напр. Рагузѣ, говорѣ Рѓан) является всегда краткимъ.

Примѣчаніе. Ср. Rešetar, d. Štokav. dial. 98 стр.

Однако, въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ слоговое r̥ какъ старое, такъ и новое потеряло свое слоговое качество, выдѣливъ гласный *a* или *e* передъ собой: zȁrno (зерно), kȁrv—kȁrvi (кровь—крови) и т. п., cȅrv, vȅrt и т. п.

Примѣчаніе. Ср. Milčetić, Čakavšt̀ina kvarnerskich otoka, Rad 121. 104—105 сс.

Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ и чакавскихъ говорахъ является *ar*, а также *er* на мѣстѣ *r* слогового *начальнаго*: apħȁ=pħȁ, apħȁв=pħȁв (ржа, ржавый), èрвати=рвати (др.-ц.-сл. ръвати, русск. *рвать*), èrđa (о. Ластово).

Слоговое *r* передъ гласнымъ *o* (изъ ļ) въ нѣкоторыхъ говорахъ становится неслоговымъ: умрō, раздрō (ȕmrō, rȁzdrō) вм. умро, раздро.

Примѣчаніе. Ср. Решетаръ, Štok. dial., 99 с., Kušar, Nastavni Vjesnik, I, 322.

Латинская и греческая графика древнѣйшей эпохи выражала сербское слоговое *r* сочетаніями ir, ri, er, иногда ar: Tirpimirus въ грамотѣ 852 г., Dircislavo въ грам. 994 г., Drizislavus въ грам. 1066 г., berda (соврем. bȓdo—гора) въ грам. 1056 г., Σερβλοι у Константина Багрянороднаго, barda въ грам. 1000 г.

Древнѣйшіе памятники кирилловскаго письма обычно имѣютъ церк.-словянское написаніе рь, но изрѣдка попадается р: напримѣръ, въ Вукановомъ Ев. српь 62 л., скршень 59 л.; не будетъ смѣлостью предположить, что и подъ написаніемъ рь скрывается слоговое *r*.

Въ грамотахъ XIII—XIV в. слоговое *r* выражается одной буквой *р* нерѣдко, особенно въ глаголическихъ грамотахъ: ср. въ грам. 1230 г. хрвашки, хрвашкога, въ грам. 1275 г. наипрво, утврдивши, удржаху, въ грам. 1309 г. в'држани, потврди, въ грам. 1323 г. прва, въ грам. 1380 г. тврдо и т. д.

Встрѣчаются однако и *ер*, *ар* въ грам. 1230 г. верха, смерти, удержи; въ грам. 1410 г. наиперво, црекве, смерти, обдержати (рядомъ съ написаніями обычными: држано, тврдили и т. п.); въ грам. 1412 г.; сварху, твардо, у царквȣ.

Примѣчаніе. См. Hrvatski spomenici, изд. юго-слов. Академіи, I т. 1898 г. (Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium).

Слоговое *l* какъ старое, такъ и новое сохраняется, какъ таковое, и до настоящаго времени въ тимочскомъ нарѣчіи, на о. Кркѣ и нѣкоторыхъ другихъ далматинскихъ островахъ: vlk, plk, vlna=вук, пук, вуна (vȗk, pȗk, vȕna). Въ положеніи послѣ гласнаго, изъ слога lъ (lь) въ чакавскихъ говорахъ находимъ *l* неслоговое: dal, bil, vol, činil и т. п.

Въ Ластовскомъ говорѣ вм. *l* слогового слышится *o*: dȍg, sȍnce, а въ южно-моравскомъ нарѣчіи находимъ въ такихъ случаяхъ сочетаніе *lu*: длу́го, слу́зе, слу́нце и т. п.

Примѣчаніе. Ср. «Oblak, Der Dialekt von Lastovo» Arch. XVI, 426 и сл.; Беличъ, Дијалекти источне и јужне Србије, 114 и сл.

Въ латинскихъ грамотахъ X—XII столѣтій сербское *l* слоговое отражается въ написаніи il: Vilcodrug 1103 г. и т. п.

Древнѣйшіе кирилловскіе памятники употребляютъ для его выраженія церк.-словянское сочетаніе буквъ ль; рядомъ съ этимъ, однако, находимъ въ Мирославовомъ Ев. 3 раза слюнце (солнце), въ Вукановомъ Ев.—вь слоуньци 133 л. bis., слоуньце 41 л., слѹньце 133 л., которое должно сопоставить съ современнымъ *слунце* южно-моравскаго нарѣчія.

Въ грамотахъ XIII—XIV—XV вв. при обычномъ *ль*, сохраненномъ правописной традиціей, встрѣчаемъ иногда и л: въ грам. 1275 г. плну bis., въ грам. 1393 г. млчание, въ грам. 1450 г. плну и т. п.

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ находимъ *-ел*: въ грам. 1240 г. кельну, кельнемо; въ грам. 1380 г. читаемъ: вь изьпѹлненѥ.

Измѣненіе *l* слогового въ гласный въ нѣкоторыхъ сербскихъ говорахъ датируется уже памятниками XIV вѣка, причемъ на мѣстѣ *l* слогового послѣ согласнаго является часто на письмѣ *уо*, иногда же *у* и рѣже *о*; на мѣстѣ же *l* слогового послѣ гласнаго является *о*. Такъ, въ грам. 1332 г. находимъ дѹога, з дѹогомь, дѹожань (и рядомъ—ѹплѹкенѥ исѹ христа=воплощеніе), био, владаоца, купио, до̄немь краѥмь (изъ *dolьnemъ дат. мн. ч.) со стяженіемъ *оо* въ ō.

Въ грам. 1333 г. читаемъ: хомьской земли (ср. соврем. хȳм=холмъ).

Примѣчаніе. См. Hrvatski spomenici (Monumenta Historica....) и Monumenta serbica.

Въ написаніяхъ сербскихъ памятниковъ съ *уо* на мѣстѣ *l* слогового нѣкоторые изслѣдователи видѣли дифтонгъ uo, черезъ посредство котораго изъ l слогового получился современный рефлексъ—u.

Примѣчаніе. Ср., напримѣръ, Маретича: Gramm. i stilist. hrv. jezika, 20 стр.; ср. по этому вопросу у Ягича «Zur Frage über den Uebergang des silbenbildenden *l* in u» въ Arch. IV и его-же «Podmlad'ena vokalizacia» (Rad, IX).

Съ другой стороны, еще Шафарикъ,—Serbische Lesekörner, 53 с.,—видѣлъ переходную ступень отъ *l* слогового къ *u* въ сочетаніи lu, которое встрѣчается въ Мирославовомъ и Вукановомъ Ев. и въ современныхъ южно-моравскихъ говорахъ.

Можно думать, что въ различныхъ говорахъ процессъ измѣненія *l* слогового въ *u* могъ быть различенъ; несомнѣнно, что u могло получаться черезъ посредство *lu*, но и отрицать совершенно переходную ступень uo врядъ ли можно, такъ какъ и нынѣ такой дифтонгъ uo на мѣстѣ l̥ слышится въ Босніи, въ говорѣ Варешъ (ср. Roczn. Slaw. III, 92 с.). Въ говорахъ, гдѣ на мѣстѣ l̥ слышится *о*, такой переходъ могъ быть непосредственнымъ.

Количество и удареніе.

§ 18. Сопоставленіе данныхъ различныхъ индо-европейскихъ языковъ, какъ извѣстно, указываетъ, что языки эти унаслѣдовали изъ эпохи языкового единства разномѣстное удареніе, различіе долготы и краткости слога и различіе въ *слогоударенiи*.

Въ сербскомъ языкѣ не только сохраняется разномѣстное удареніе и различіе долготы и краткости, но и отражается извѣстнымъ образомъ старое различіе слогоударенія, имѣвшее мѣсто въ праславянскомъ.

При этомъ между чакавской и штокавской системами удареній наблюдаются нѣкоторыя существенныя различія.

Наиболѣе распространеннымъ типомъ штокавской акцентуаціи является система четырехъ удареній,—двухъ долгихъ и двухъ краткихъ. Долгое ˆ— въ тоническомъ отношеніи нисходящее, долгое ´—восходящее, краткое ` —восходящее, краткое ˇ,—съ болѣе энергичной экспираторной силой и сравнительно высокимъ тономъ (нисходящее). Примѣры: rûka, rûku, vòda, vôdu.

Примѣчаніе. Подробнѣе ср. у Брока «Очеркъ физіологіи славянской рѣчи», 232 и сл.; ср. также замѣчанія Белича въ Roczn. Slaw. IV, 197—198 сс.

Должно замѣтить, что знакъ ˆ употребляется также для обозначенія простой долготы, напр. въ формѣ prîmôrje удареніе на 1-мъ слогѣ, а ô=ō.

Эта система 4 удареній свойственна шумадійско-срѣмскому и герцеговинскому нарѣчіямъ. Въ другихъ штокавскихъ говорахъ находимъ болѣе простую и вмѣстѣ болѣе старую систему удареній. Такъ, въ зетскихъ екавскихъ (ě=je) говорахъ (Бока Которская, Черногорія, Новый Базаръ) вмѣсто vòda, род. п. vòdě, rúka, имѣется vodà, vodê, rūkà, т. е. имѣется всего два ударенія: краткое нисходящее и долгое нисходящее.

Что эта система удареній—болѣе древняя, показываетъ сравненіе съ русскими формами: *вода́*, *воды́*, *рука́*. Это сравненіе показываетъ, что въ штокавскихъ vòda, vòdē, rúka удареніе перенесено съ послѣдняго слога на первый точно такъ же, какъ въ vodènica вмѣсто болѣе древняго vodenìca.

Такимъ образомъ, ударенія ´ и ` въ штокавскихъ говорахъ являются по происхожденію всегда новыми,—перенесенными со слѣдующаго слога на предыдущій въ эпоху, относительно болѣе позднюю. Переносъ этотъ, какъ видимъ, совершился не во всѣхъ штокавскихъ говорахъ.

Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ имѣетъ мѣсто только переносъ *краткаго* ударенія съ послѣдняго открытаго или же закрытаго слога: въ косовско-ресавскихъ и нѣкоторыхъ екавскихъ зетскихъ говорахъ; однако, въ этихъ говорахъ при переносѣ краткаго ударенія съ послѣдняго на предпослѣдній слогъ характеръ краткаго ударенія не

измѣняется, т. е. получается вмѣсто sestrȁ, potȏk—sêstra, pôtok (ср. Белић, Roczn. Slaw. III, 298 стр.).

Въ чакавскомъ нарѣчіи переноса удареній на предыдущій слогъ, какъ въ штокавскихъ говорахъ съ системой 4 удареній, не имѣется, и потому чакавскія формы, обыкновенно, сходятся по мѣсту ударенія съ русскими: sestrȁ, vodȁ, rûkȁ, vôdu, rûku и т. д. Однако въ чакавскомъ нарѣчіи находимъ три различныхъ ударенія: краткое нисходящее ˋ, долгое нисходящее ˆ и долгое восходящее ´. Это долгое восходящее чакавское по происхожденію не соотвѣтствуетъ штокавскому ´, такъ какъ не является перенесеннымъ: ср. králj=коро́ль, mláđîš=моло́тишь и т. п.; точно такъ же оно (чакавское ´) не тожественно штокавскому ´ по природѣ (а именно въ экспираторномъ отношеніи).

Примѣчаніе. Ср. замѣчанія Белић'а въ Roczn. Slaw. IV, 197 с. и въ Изв. Отд. р. яз. и слов. XIV, 2 кн., 24 стр.

§ 19. Взаимное отношеніе чакавской и штокавской системъ удареній и происхожденіе ихъ можетъ быть уяснено лишь при сравненіи съ данными другихъ словянскихъ и шире—индо-европейскихъ языковъ, параллельно съ уясненіемъ акцентуаціи прасловянской.

Сравненіе съ другими индо-европейскими языками показываетъ, что гласные a, ě, i, y, ǫ, ę, u были первоначально въ прасловянскомъ языкѣ долгими: этимъ гласнымъ словянскихъ языковъ въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ всегда соотвѣтствуютъ долгіе гласные или дифтонги (праслов. ā=ā и ō; прасл. ē=ē, oi, ai и т. д.). Наоборотъ, гласные *o*, *e* были первоначально краткими, такъ-какъ имъ соотвѣтствуютъ въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ краткіе гласные (o=ă, ŏ; e=ĕ). Гласные ъ и ь были по количеству редуцированными, т. е. короче краткихъ. Слоговые *r*, *l* въ прасловянскомъ языкѣ, повидимому, были всегда долгими. Слѣдовательно, если гласный *a* или *i* и т. д. является въ извѣстныхъ случаяхъ въ сербскомъ языкѣ краткимъ, то это—результатъ вторичнаго сокращенія; и если гласный *o* или *e* является долгимъ, то это—результатъ вторичнаго удлиненія.

Сокращеніе же и удлиненіе гласныхъ зависѣло отъ мѣста ударенія въ словѣ, т. е. отъ положенія даннаго долгаго или краткаго слога по отношенію къ ударенію слова, и отъ характера слогоударенія.

Примѣчаніе. Старое (прасловянское) мѣсто ударенія въ словѣ опредѣляется сопоставленіемъ показаній чакавскаго нарѣчія и русскаго языка: ср. чакав. rûkȁ, îstina, rîba, nevôlja и русск. рука, истина, рыба, неволя; совпаденіе между чакав. и русск. данными опредѣляетъ праслов. мѣсто ударенія.

Другіе индо-европейскіе языки (напримѣръ, греческій, литовскій), указываютъ на существованіе въ индо-европейскихъ языкахъ въ древнѣйшую эпоху ихъ жизни двоякаго слогоударенія въ долгихъ гласныхъ.

Праславянскій языкъ такъ же, несомнѣнно, различалъ въ долгихъ слогахъ двоякое слогоударе́ніе,—восходящее и нисходящее.

Это двоякое удареніе оставило свой слѣдъ, между прочимъ, въ русскихъ полногласныхъ формахъ: какъ извѣстно, русскія сочетанія *оро*, *оло*, *ере* между согласными во многихъ случаяхъ получились изъ праславянскихъ сочетаній or, ol, er, el, которыя представляли дифтонгическое сочетаніе двухъ сонорныхъ элементовъ. Какъ всѣ долгіе слоги, эти сочетанія могли имѣть восходящее или нисходящее слогоударе́ніе. При восходящемъ характерѣ долготы въ этихъ сочетаніяхъ въ русскомъ имѣются сочетанія *орá*, *ерé*, *олó*, а при нисходящемъ—*óро*, *éре*, *óло*: съ одной стороны—гóродъ, бéрегъ, гóлосъ, вóлосъ и т. п., а съ другой—корóва, ворóна, берéза, колóда и т. п.

По аналогіи можно предполагать въ праславянскомъ такое же различіе восходящей и нисходящей долготы и въ другихъ долгихъ слогахъ, т. е. въ гласныхъ a, ě, i, y, u, o, ę и въ слоговыхъ r, l.

Въ сербскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи русскимъ *гóродъ*, *бéрегъ*, *гóлосъ*, *вóлосъ* и т. п. имѣемъ грâд, брêг, влâс, глâс и т. п., а въ соотвѣтствіи русскимъ корóва, берéза, ворóна и т. п.,—крâва, брéза, врâна и т. п., т. е. въ первомъ случаѣ слогъ *ра*, *ла*, *ре* (изъ прасл. *or, *ol, *er) является съ долгимъ нисходящимъ удареніемъ, а во второмъ—съ краткимъ.

По аналогіи можно заключить, что въ сербскихъ снêг (снѣгъ), вêк (вѣкъ), мêсо (мясо) отражается старая нисходящая долгота подъ удареніемъ, а въ сербскихъ лêто (лѣто), вêра (вѣра)—старая восходящая долгота—гласныхъ ě, ę праславянскаго языка.

Такимъ образомъ, можно сказать, что въ сербскомъ языкѣ старое долгое нисходящее удареніе праславянскаго языка сохранилось, какъ нисходящее долгое (ˆ), а старое восходящее долгое сократилось и является въ видѣ ˋ, т. е. нисходящаго краткаго. Въ положеніи передъ краткимъ ударяемымъ слогомъ долгота въ сербскомъ языкѣ вообще сохранилась: чак. rûkâ, trâvâ и т. п., шток. rúka, tráva съ перенесеннымъ удареніемъ на долгомъ слогѣ.

Должно оговориться, что нѣкоторыя сокращенія первоначально-долгихъ слоговъ, вѣроятно, произошли уже въ праславянскомъ языкѣ: такъ, напримѣръ, въ конечномъ открытомъ слогѣ долгіе по происхожденію гласные (a, ě и т. д.) являются, обычно, краткими во всѣхъ славянскихъ языкахъ, сохранившихъ различіе долготы и краткости, почему можно думать, что это сокращеніе произошло уже на почвѣ праславянскаго языка. Также въ начальномъ ударяемомъ слогѣ трехсложныхъ словъ гласный долгій, повидимому, сократился уже въ праславянскомъ языкѣ, такъ-какъ онъ является краткимъ въ такомъ положеніи не въ одномъ

сербскомъ языкѣ,—то же явленіе отражается и въ данныхъ чешскаго и польскаго языковъ (серб. jâгода, чеш. jahoda съ краткимъ a и т. п.).

Съ другой стороны, на почвѣ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, въ томъ числѣ и на почвѣ сербскаго языка, возникали новыя долготы въ силу *стяженія* гласныхъ (снаха дало снаа и затѣмъ снâ, вол—воо и затѣмъ вō и т. п.), въ силу вторичнаго удлиненія (бог дало бо̄г и т. п.) или же, наконецъ, долгота могла являться въ силу аналогіи.

Исходя изъ показаній другихъ индо-европейскихъ языковъ, какъ мы видѣли, можно предполагать въ праславянскомъ *три* ударенія: два долгихъ,—восходящее и нисходящее,—и одно краткое.

Такъ какъ долгое восходящее на сербской почвѣ сокращалось, то мы ожидали бы въ сербскомъ языкѣ двухъ видовъ ударенія: нисходящедолгаго и краткаго.

Съ переносомъ ударенія на предпослѣдній слогъ въ извѣстной части сербскихъ штокавскихъ говоровъ явились затѣмъ два новыхъ ударенія ˊ и ˋ, т. е. восходяще-долгое и восходяще-краткое.

Но въ чакавскомъ нарѣчіи, которое такого переноса не знаетъ, какъ мы видѣли, также находимъ не два, а три ударенія: кромѣ ˆ и ˋ, еще восходящее долгое ударение, также обозначаемое знакомъ ˊ, но по природѣ отличающееся отъ новаго штокавскаго ˊ (ср. выше).

Сопоставленіе съ данными русскаго языка показываетъ, что это ударение ˊ обязано своимъ возникновеніемъ не спеціально сербскимъ условіямъ, а является по происхожденію болѣе древнимъ.

Дѣло въ томъ, что въ случаяхъ, когда въ чакавскомъ нарѣчіи находимъ это долгое восходящее ударение, и русскій языкъ даетъ также указанія на восходящій характеръ долготы подъ ударениемъ,—когда дѣло идетъ о праслов. сочетаніяхъ or, ol, er, el между согласными. Такъ, чакавскому kŕâl соотвѣтствуетъ русское *коро́ль*, чакавскому vlâs(-ih) род. п. мн. ч., гдѣ форма род. п. получаетъ добавочное -ih изъ мѣстнаго падежа,—русское *воло́съ*, чакавскому mlâtīš—русское *моло́тишь*, чакав. stráža—русск. *сторо́жа*, чак. chrânīš—русск. *хоро́нишь*, чакав. vrâtīš—русск. *воро́тишь* и т. п.

Такъ какъ старое, полученное изъ индо-европейскаго языка въ праславянскій, а изъ праславянскаго языка въ сербскій восходящее долгое ударение въ этомъ послѣднемъ (т. е. сербскомъ) сокращалось (ср. krâva—коро́ва и т. п.), то, очевидно, на праславянской почвѣ въ извѣстныхъ, пока невыясненныхъ, условіяхъ являлось новое долгое ударение, которое въ сербскомъ не сокращалось, а сохранилось въ чакавскомъ нарѣчіи, какъ долгое восходящее.

Въ штокавскомъ нарѣчіи это восходящее удареніе измѣнилось въ долгое нисходящее: кра̑љ, мла̑тӣш, стра̑жа и т. п.

Кромѣ того, прасловянская система удареній, повидимому, имѣла также два краткихъ ударенія, несходныхъ между собою, хотя изъ индоевропейскаго языка такое различіе ударенія на краткихъ слогахъ и не было получено.

На это даютъ указаніе различные словянскіе языки.—словинскій. сербскій и даже русскій, и съ этимъ прасловянскимъ различіемъ двухъ краткихъ удареній необходимо считаться при изученіи сербскаго ударенія, хотя условія, въ которыхъ возникъ въ прасловянскомъ языкѣ новый видъ краткаго ударенія, пока нельзя считать выясненными вполнѣ.

Если оставить въ сторонѣ *новое* сербское восходяще-краткое удареніе, а именно удареніе перенесенное (ˋ), свойственное только части штокавскихъ говоровъ, то можно сказать, что сербскому языку извѣстно только одно краткое удареніе, нисходящее по характеру: ˋ. Однако при внимательномъ изученіи сербскихъ фактовъ мы убѣждаемся, что подъ однимъ ˋ скрываются два различныхъ по происхожденію краткихъ ударенія.

Извѣстно, что предлоги составляютъ вмѣстѣ съ управляемой формой одно цѣлое, объединенное однимъ удареніемъ, точно такъ же, какъ и другія энклитики,—напримѣръ,—ја̑-сам (я-есмь), а̏ко-му (если ему), по̏-што (по-что), видио-сам-га—vȉdio-sam-ga (=видѣлъ есмь его) и т. п. Въ силу звукового закона, по которому нисходящее удареніе могло стоять лишь на начальномъ слогѣ, оно переносилось съ перваго слога слова, когда оно находилось въ тѣсномъ сочетаніи съ предлогомъ,—на предлогъ. Законъ этотъ, повидимому, дѣйствовалъ уже въ прасловянскомъ языкѣ. Въ силу этого закона мы имѣемъ въ сербскомъ: гла̑ву, но—на̏ главу, бра̏ду, но—за̏-браду и т. п., ср. русскія выраженія за́-голову, на́-голову, за́-бороду, ни на́-волосъ, на́-сторону и т. п.: русскія *го́лову*, *бо́роду*, *во́лосъ — во́лоса*, *сто́рону* указываютъ на нисходящее долгое удареніе.

Параллельны сербскіе и русскіе примѣры, когда переносится на предлогъ удареніе съ краткаго слога: серб. за̏-бога (ср. бо̏га), на̏-поље (ср. по̏ље), на̏-воду (ср. во̏ду), за̏-гору (ср. го̏ру), на̏-земљу (ср. зе̏мљу) и т. п.; русск.—во́-полѣ, на́-поле, по́-воду, за́-гору. Однако, такого переноса ударенія не находимъ въ русскихъ сочетаніяхъ—*за-коро́ву*, *на-поро́гъ*, *на доро́гу* и сербскихъ за̀-краву, на̀-мраз и т. п.: въ сербскихъ штокавскихъ за̀-краву, на̀-мраз удареніе —новое, перенесенное и указываетъ, что изъ прасловянскаго были получены сочетанія *za-kórvǫ, *namórzъ,—съ удареніемъ не на предлогѣ; въ чакавскомъ имѣемъ za-krȁvu,

na-mrâz. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскія формы корóву, морóзъ указываютъ на восходяще-долгое удареніе на прасловянскомъ сочетаніи *-or-*.

Но при русск. нá-поле, пó-воду, нá-гору и т. п. имѣемъ на-вóлю, за кóжу, и въ сербскомъ чакавскомъ при nâ-polje, nâ-vodu—na-vôlju, na-kôžu.

Сопоставленіе этихъ фактовъ приводитъ къ предположенію, что въ прасловянскихъ **vòlja, *kòža* коренной гласный находился подъ восходяще-краткимъ удареніемъ, а въ **põlje, *võdǫ* вин. п.—подъ нисходящимъ.

Такимъ образомъ, можно думать, что въ сербскомъ ˋ совпали два первоначально различныхъ вида краткаго ударенія, и подъ ˝, напр., въ чакавскомъ staklô скрывается старое восходяще-краткое удареніе.

Примѣчаніе. Предположеніе о двухъ видахъ краткаго ударенія въ прасловянскомъ поддерживается данными словинскаго языка. Въ словинскомъ краткіе гласные въ открытомъ слогѣ подъ удареніемъ удлиняются. При этомъ изъ **põlje* получается *põlje* и затѣмъ, съ переносомъ нисходяще-долгаго ударенія на слѣдующій слогъ,—*poljẽ*, а изъ **vòlja* получается *vólja* съ восходяще-долгимъ удареніемъ.

Въ связи съ полученнымъ изъ прасловянскаго языка различіемъ двухъ видовъ краткаго ударенія отчасти находится вторичное удлиненіе въ сербскомъ первоначально краткихъ гласныхъ.

Прежде всего удлиненіе краткихъ гласныхъ имѣло мѣсто въ закрытомъ слогѣ передъ сонорными r, l, v, j, n, m. Этотъ звуковой законъ ясенъ, какъ по отношенію къ конечнымъ закрытымъ, такъ и по отношенію къ внутреннимъ закрытымъ слогамъ: ср. бôј—бôја род. п., бôр—бôра, дôм—дôма, лôј—лôја, рôв—рôва, рôј—рôја и т. п.; стâрац—стâрца (изъ **starьcь—*starьca*), црнòрац—црнòгôрца, пâлац—пâлца (палецъ), жâлац—жâлца (жало), лòвац—лôвца (ловецъ), дèвôјка (дѣвушка), лôнац—лóнца (изъ lõnca,—горшокъ) и т. п.

Удлиненіе въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто и тогда, когда краткій гласный не имѣлъ на себѣ ударенія (какъ въ **lopь́cь—*lopьca* = лòнац—лóнца) и объясняется легко тѣмъ, что сонорный гласный по исчезновеніи за нимъ ъ и ь становился долгимъ или слоговымъ и затѣмъ передавалъ долготу предыдущему слогу.

Но кромѣ того, краткій гласный подвергался удлиненію въ закрытомъ слогѣ и тогда, когда за нимъ слѣдовалъ не сонорный, а какой-либо согласный. Въ такихъ случаяхъ, однако, удлиненіе имѣло мѣсто не всегда. Условія удлиненія въ такихъ случаяхъ болѣе ясны въ конечномъ закрытомъ слогѣ—въ первичныхъ именныхъ образованіяхъ, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ дѣйствовала часто аналогія, затемняя результаты звукового закона.

Разсматривая первичныя именныя образованія мы находимъ: съ одной стороны,—bôr—bôra, brôd—brôda, plôt—plôta, mêd—mêda, nôc—nôca, môst—môsta, lêd—lêda, pôv—pôva, pôr—pôra, nôst—nôsta, pôd—pôda, côk—côka и т. п., а съ другой стороны—bôb—bôba, nôn—nôna, kmêt—kmêta, skôt—skôta, kôń—kòńa, kôш—kòша, гдѣ въ формѣ род. п. удареніе обыкновенно—перенесенное, т. е. первоначально коренной гласный былъ неударяемый; ср. чакавскія: krôv—krovâ, bôb—bobâ, čêp—čepâ, grôb—grobâ, grôzd—grozdâ, kôš—košâ, pôd—podâ, pôp—popâ, pôst—postâ, snôp—snopâ, при—bôg—bôga, bôk—bôka, brôd—brôda, lêd—lêda и т. д.

Такимъ образомъ, краткіе первоначально гласные въ однихъ случаяхъ удлиняются, въ другихъ—нѣтъ,—въ одинаковыхъ условіяхъ въ смыслѣ закрытости слога.

Объясненіе, повидимому, кроется въ томъ, что въ *bôgъ, *bôkъ, *brôdъ, *lêdъ и т. д. гласный былъ подъ нисходяще-краткимъ ударе-ніемъ, тогда какъ въ формахъ *bòbъ, *pòръ, *snòръ и т. п. гласный находился подъ восходяще-краткимъ удареніемъ, причемъ, обычно, въ такихъ случаяхъ удареніе было перенесено на коренной слогъ съ конечнаго уже въ прасловянскую эпоху (ср. bobà, porà и т. д.).

Резюмируя изложенное выше, мы видимъ, что система ударе-ній, полученная прасловянскимъ языкомъ въ наслѣдство изъ индо-европейской эпохи, осложнилась въ жизни прасловянскаго языка; можно предполагать, что сербскій языкъ получилъ изъ прасловянскаго, по крайней мѣрѣ, 5 различныхъ ударе-ній: 1) нисходяще-долгое, 2) восходяще-долгое старое, 3) восходяще-долгое новаго происхожденія, 4) нисходяще-краткое и 5) восходяще-краткое, причемъ восходяще-долгое новое въ какомъ либо отношеніи (вѣроятно, въ экспираторномъ) отличалось отъ стараго восходяще-долгаго.

Если эти предположенія вѣрны, то въ сербскомъ языкѣ мы должны предполагать сокращеніе стараго—восходяще-долгаго и совпаденіе двухъ краткихъ въ одномъ—нисходящемъ, вслѣдствіе чего получилось 3 ударенія вмѣсто 5:

1) *bôrdǫ вин. п. дало brâdu;
2) *kórva дало krâva;
3) *kórlь съ новымъ восходящимъ удареніемъ дало krâlj:
4) *vôdǫ вин. п. дало vôdu;
5) *vòlja (съ восходяще-краткимъ удареніемъ) дало vôlja.

Эту систему ударе-ній мы находимъ въ чакавскомъ нарѣчіи.

Въ штокавскомъ новое ´ (восходяще-долгое) измѣнилось въ ^: králjь дало krâlj, и такимъ образомъ явилась система двухъ ударе-ній,—^ и ˇ

(старая штокавская). Переносъ ударенія ˆ или ˇ на предыдущій слогъ, долгій или краткій, въ части штокавскихъ говоровъ вызвалъ къ жизни новую штокавскую систему 4 ударе́ній: ˆ, ´, ˝, ˋ.

Примѣчаніе. Вопросъ о праславянской системѣ ударе́ній пока нельзя считать вполнѣ выясненнымъ; такъ остаются невыясненными условія появленія въ праславянскомъ новаго восходяще-долгаго ударенія и восходяще-краткаго. Нѣкоторые изслѣдователи (Белић) приходятъ къ мысли, что въ тѣхъ-же условіяхъ, въ которыхъ возникало новое восходяще-долгое ударе́ніе изъ нисходящаго, въ праславянскомъ языкѣ получалось также новое нисходяще-долгое изъ восходящаго; ср., напр., чакавскія формы прилагательныхъ: краткую mlâdo (русск. мо́лодъ), и полную mlâdō (съ новымъ восходящимъ долгимъ ударе́ніемъ), а съ другой стороны—краткую stâro, bogâto и полную—stârō (ō изъ -oje), bogâtō. Это новое нисходяще-долгое ударе́ніе отличается отъ стараго нисходяще-долгаго тѣмъ, что можетъ стоять и на не начальномъ слогѣ слова, не переносится съ него на начальный (bogâtō), тогда какъ старое ˆ всегда является на начальномъ слогѣ (ср. nā-glavu изъ *na-golvǫ).

Также не переносится краткое ударе́ніе ˝ въ чакавской полной формѣ прилагательнаго visȍkō (при краткой visokȍ,—ср. русск. *высокó* и *высóкое*), что указываетъ на иное происхожденіе ˝ въ такихъ случаяхъ, чѣмъ въ случаяхъ вродѣ gȍru (*го́ру*),—ср. nā-goru.

Ср. по вопросу о сербскомъ количествѣ и ударе́ніи и въ связи съ нимъ о праславянскомъ слѣдующія работы. Masing: Die Hauptformen des serbisch-chorvatischen Accents 1876 г.; Брандтъ: Начертаніе славянской акцентологіи 1880 г.; Leskien: Untersuchungen über Quantität und Betonung in den Slawischen Sprachen. I. Die Quantität im Serbischen. 1885, 1893 г. (особенно важенъ 2-й выпускъ—1893 года) и въ Arch. für Sl. Phil. XXI, 321 и сл; Шахматовъ: Къ исторіи сербско-хорватскихъ ударе́ній—въ Русск. Фил. В. 1888—1890 г.г.; его-же: Юрій Крижаничъ о сербо-хорватскомъ ударе́ніи 1895 г. (Рус. Фил. В.); его-же: Къ исторіи ударе́ній въ славянскихъ языкахъ 1898 г. (Изв. Отд. р. яз. и сл. 1898 г.=III т., 1 кн., 1 и сл.); его-же: Къ исторіи русскаго языка (Изв. Отд. р. языка и сл. VII т.); его-же: рецензія на работу Решетара—Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten,—въ Изв. Отд. р. яз. и сл. VI т., 1 кн., 339 и сл.; Pedersen: Die Nasalpraesentia und der Slavische Akzent (K. Z. XXXVIII, 297—425 с.с.); Valjavec: Glavne točke o naglasu književne Slovenštine (Rad. CXXXII); Кульбакинъ: Замѣтки о словянскомъ количествѣ и ударе́ніи (въ Изв. Отд. р. яз. и сл. 1907 г.=XI т., 4 кн.); Белић: О чакавскомъ ´ (Zbornik u slavu Jagić'a, 419—455 с.с.); его-же: Промена акцената у прасловенскомъ језику (Јужнословенски филолог, I кн., 38 и сл.). Въ этихъ работахъ можно найти и другія указанія на литературу предмета. Работу Ivšić'a, Diels'a въ Arch. XXXI (1 и сл.) и Breznik'a въ Arch. XXXII (399 и сл.) можно оставить въ сторонѣ.

Согласные сербскаго языка въ отношеніи къ праславянскимъ.

§ 20. *Праславянскіе сонорные l, r, n* были смягченными—въ тѣхъ случаяхъ, когда получились изъ болѣе древнихъ сочетаній l, r, n+j,—и несмягченными,—въ остальныхъ случаяхъ.

Въ сербскомъ языкѣ сонорные эти имѣли неодинаковую судьбу.

Сонорные l и n сохранили различіе двухъ звуковыхъ типовъ: смягченнаго и несмягченнаго: н и нь (n и ń), л и ль (l и l′),—ср. нёбо, низак (nîzak—низкій) и кôњ—кòња, лёд—лёда, лист (lîst) и пôље.

Наоборотъ, различіе между твердымъ и смягченнымъ *r* потеряно сербскимъ языкомъ, такъ какъ смягченное *r* отвердѣло; мо̑ре— мо̑ра—мо̑ру, рибар (rîbā̆r—рыбакъ) и т. п.

При этомъ въ нѣкоторыхъ чакавскихъ, а также и въ штокавскихъ говорахъ наблюдается измѣненіе смягченнаго л (l′) въ j: judi, jubav= људи, љубав и т. п. (Rešetar, d. štok. dial., 123 с.). Въ нѣкоторыхъ черногорскихъ говорахъ несмягченное l имѣетъ велярный характеръ, сближающій его съ польскимъ ł, особенно въ положеніи передъ о и у (u),— ср. Roczn. Slaw. IV, 191 стр., d. štok. dial. 126 с.

Рядомъ со смягченными l′ и ń праславянскаго происхожденія въ сербскомъ языкѣ находимъ l′ и ń новаго происхожденія, получившіеся изъ праславянскихъ l, n несмягченныхъ.

Такіе l′ и ń новые получились въ двухъ случаяхъ: 1) въ томъ случаѣ, если послѣ л и n выпало ь, за которымъ слѣдовало j, получились новыя сочетанія lj, nj, коихъ не было въ праславянскомъ, и эти lj, nj давали l′, ń (љ, њ): изъ праслов. *veselьje, *kamenьje получились весе́ље, ка̀мење; 2) въ говорахъ, гдѣ е̑ (ѣ) является въ видѣ -је, въ слогахъ -lе̑, -nе̑ получились новыя сочетанія lj, nj, и эти сочетанія также давали l′, ń: ље̑б (=хље̑б), љепо̀та (красота), љето̀, њемо̀та, њѐмачки (нѣмецкій) и т. п.

Должно, однако, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ группы lj, nj, получившіяся вслѣдствіе выпаденія между l, n и j редуцированнаго гласнаго ь, сохраняются безъ измѣненія: veselje, kamenje и т. п.

Въ аналогичныхъ случаяхъ, т. е. передъ -ьj и е̑ въ екавскихъ говорахъ (е̑=је) сонорный *r* имѣлъ иную судьбу, нежели l и n.

Въ положеніи r передъ -ьj- по выпаденіи получилась группа rj: бо̑рје, пе̑рје, зве̑рје, примо̑рје (prìmȏrje) и т. п. Въ положеніи передъ е̑ въ екавскихъ говорахъ получилось твердое *r*, какъ и въ экавскихъ (ср. выше, § 10). Впрочемъ, есть говоры, въ которыхъ на мѣстѣ сочетанія -rе̑ является rје: напримѣръ, на о. Млетѣ возлѣ Рагузы произносятъ—срје̑ћа, мрје̑жа и т. п. (d. štok. dial. 70 с.).

§ 21. *Праславянскіе губные согласные b, p, v, m* были, какъ извѣстно, несмягченными и такими сохраняются въ сербскомъ языкѣ даже передъ мягкими гласными: пити, би̯ти (pìti, bi̯ti), бѐдро и т. п.,—съ твердыми p, b.

На мѣстѣ праславянскихъ сочетаній губной +j въ сербскомъ языкѣ является, какъ и въ русскомъ, группа губной +l смягченное: зѐмља,

скупљи (skûpl'î) ср. ст. отъ скуп (skûp=дорогой), грубљи (grûbl'î) отъ груб (grûb=толстый), лòвљêње (охота) и т. п.

Та же группа губной +l' является въ тѣхъ случаяхъ, когда образовалась новая группа губной +j въ силу выпаденія между ними ь: здрâвље изъ *zdorvьje, кôпље изъ *korьje, снôпље изъ *snorьje и т. п. Такъ-же въ твор. п. отъ кр̑в (кровь)—кр̑вљу изъ *krъvьjǫ, отъ љу́бав—љу́бављу и т. п.

Однако, этого измѣненія не находимъ въ начальномъ слогѣ слова: бjêн—причастіе къ глаголу бити—биjêм (bîjem), пjân рядомъ съ пиjан (pijan).

Въ говорахъ находимъ группу губной +j и въ срединныхъ слогахъ, напр., въ чакавскомъ говорѣ Novi—divjâk, krâvja и т. п. (Белић, Замѣтки по чакавскимъ говорамъ, 11 стр.).

Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ,—въ Черногоріи и Бокѣ Которской,—послѣ губныхъ согласныхъ исчезаетъ l' (вторично) какъ въ въ старыхъ группахъ «губной +l'», такъ и въ новыхъ: дȕбjи, улôвjен, слôмjен и кôпjе, кр̑вjу и т. п. (d. štok. dial., 124 с.).

Въ нѣкоторыхъ екавскихъ (ě=je) говорахъ (въ Черногоріи) новая группа «губной +l'» получается въ тѣхъ случаяхъ, когда губной находился передъ ě, т. -bl'e изъ bě и т. д.: pl'ena (пѣна), bl'ěše (былъ—бѣше), vl'ěra (вѣра), nevl'ěsta, vl'ětar (вѣтеръ), ml'ěra, ml'ěsto и т. д.—ср. d. štok. dial. 142 стр.

Въ большинствѣ же екавскихъ говоровъ сохраняется въ такихъ случаяхъ сочетаніе *губной* +*j*: вjêверица (бѣлка), вjêра, вjêтар, мjêра, чòвjек и т. п. Сочетаніе губной +l' находимъ въ такихъ говорахъ въ формахъ инфинитива тр̑пљети (терпѣть), гр̑мљети (гремѣть), свр̑бљети (свербѣть), жи̑вљети (жить): l' могло здѣсь явиться нефонетически подъ вліяніемъ иныхъ формъ того же глагола,—ср. имперфектъ тр̑пљах, живљах (živl'ach), гр̑мљах, свр̑бљах.

Особыхъ замѣчаній изъ губныхъ согласныхъ требуютъ v и f.

Согласный v, по опредѣленію Белича, является въ сербскомъ языкѣ большею частью губнозубнымъ, однако въ говорахъ «иногда такъ слабо артикулируется, что зубная артикуляція почти исчезаетъ»: ср. Roczn. Slaw. IV, 193 с.

Нѣкоторые факты сербскаго языка, какъ отмѣченное выше (§ 15) измѣненіе vь въ извѣстныхъ условіяхъ въ u, позволяютъ думать, что первоначальный характеръ сербскаго *v* былъ билабіальный. Можетъ быть, въ связи съ этимъ находится исчезновеніе этого звука, наблюдаемое въ извѣстномъ положеніи въ различныхъ сербскихъ говорахъ (передъ гласными o, у, плавными р, л и спирантами): ср. черногорское одòваља=во-

дòваља (водосточная труба), ријèсло (ушко котла), ýчац=вýчац (гангрена), лáдати=влáдати и т. п. Въ чакавскихъ говорахъ исчезаетъ обычно передъ свистящими или шипящими (или въ положеніи за ними) то v (u̯), которое получалось изъ vь-: č̣éra=včéra (вчера), zêl=vzêl (взялъ), segȁ—род. п. отъ vas изъ vsegȁ и т. п.

Въ силу обобщенія предлогъ v пропускается не только передъ свистящими и шипящими, какъ въ выраженіяхъ šlī škôlu, zûbi=šlī v škôlu, v zûbi, но и въ другихъ случаяхъ: .kȕću=v-kȕću (въ домъ), Bribir=v-Bribir и т. п.; впрочемъ, отмѣчающій это явленіе по отношенію къ говору Novi Беличъ даетъ также—dovȁc=vdovȁc (вдовецъ),—ср. его «Замѣтки», 16 стр. Такіе же примѣры отмѣчены въ говорѣ с. Красице (Arch. V, 181 и сл.).

Насколько древне исчезновеніе v въ извѣстномъ положеніи, показываютъ примѣры изъ сербскихъ грамотъ вродѣ ѹсталѧмь въ грам. 1387 г., ѡтьсталѧ въ грам. 1379 г., састалена въ грам. 1399 г. (см. Monum. Serb. 209, 192, 235 с.с.) и т. п.

Звукъ f первоначально не былъ извѣстенъ словянскимъ языкамъ, и потому въ древнѣйшихъ заимствованныхъ словахъ звукъ f передается словянскимъ p (п): ср. праслов. *ръl̥къ=др.-в.-нѣм. folk. Та же черта,—отсутствіе въ своихъ словянскихъ словахъ звука f, отражается въ примѣрахъ Вуканова Евангелія—пилипь, парисѣи, оѡсипови и т. п. (ср. Изв. Отд. р. яз. и сл., III т., 4 кн., 1162 с.).

Въ болѣе позднюю эпоху, однако, въ сербскомъ языкѣ рядомъ съ губными p, b, v, m появляется также f,—во-первыхъ, въ словахъ заимствованныхъ, а во-вторыхъ, въ своихъ—сербскихъ: ср. заимствованныя фѐњер (турец.,—фонарь), фѐрмен (турец.,—родъ жилета) и т. п., а съ другой стороны—фáла=хвала, фȁтати=хватать, гдѣ f явилось на мѣстѣ первоначальной группы *chv*, и у фати (=надѣяться), гдѣ f получилось изъ группы *pv* (послѣ выпаденія ъ: ср. церк.-сл. оупъвати). Измѣненіе группъ chv и pv въ f представляетъ извѣстный видъ ассимиляціи: звонкій *v* послѣ глухого становится глухимъ, т. е. f, а chf, pf дали затѣмъ f. Въ говорѣ Novi Беличъ отмѣтилъ chfālȁ («Замѣтки», 13 стр.); въ Герцеговинѣ вмѣсто f наблюдается v: vȁla, vȁtati=chvála, chvȁtati.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ говорахъ согласный f является на мѣстѣ v въ положеніи передъ глухимъ согласнымъ: напр., изъ штокавскихъ—въ говорѣ Подгорицы (въ Черногоріи): ôfčē mêso (овечье мясо) и т. п., изъ чакавскихъ—въ говорѣ Novi: popȍfsko, trgȍfka, ȍfcu, lofcȁ и т. п. (ср. D. štok. Dial. 144 с., Белича «Замѣтки», 16 с.).

§ 22. *Праславянскіе зубные согласные* t, d, s, z были, подобно губнымъ, несмягченными и такими являются въ сербскомъ языкѣ, т. е. послѣдующіе палатальные гласные не смягчаютъ ихъ: ср. дѐсе̑т (десять), диван (dȋvan=дивный), зѐмља, зима (zȋma=зима), сѐло, сито (sȋto=сито), тѐбе, тица (tȋca=птица) съ несмягченными d, s, z, t и т. п.

Въ сочетаніи съ послѣдующимъ j зубные длительные s, z уже въ праславянскомъ дали š, ž (о которыхъ ср. ниже, § 25), а зубные мгновенные t, d въ сочетаніи съ j дали, какъ извѣстно, въ различныхъ славянскихъ языкахъ различные рефлексы: въ русскомъ ч, ж, въ др.-церк.-слов. смягченныя группы шт, жд, въ польскомъ c, dz.

Сербскій языкъ, какъ ясно уже изъ § 4, не представляетъ въ этомъ отношеніи строгаго единства. Въ большинствѣ штокавскихъ говоровъ находимъ аффрикаты ћ, ђ (ћ изъ tj, ђ изъ dj): свећа (свѣча), мѐђа (межа) и т. п.,—ср. о нихъ выше, § 7.

Въ чакавскомъ нарѣчіи вмѣсто ђ является j: mejà и т. п. То же, что и изъ прасл. tj имѣется въ сербскомъ и на мѣстѣ прасл. группы kt (gt): пѐћ—пѐћи (печь—печи), мо̑ћ—мо̑ћи (мочь—мочи).

Въ тимочскихъ говорахъ находимъ въ соотвѣтствіи праславянскимъ tj (kt, gt), dj—č, dž̑ (ч, џ), въ различныхъ южно-моравскихъ говорахъ—въ однихъ ћ, ђ (ć, đ), въ другихъ t′, d′, а также k′, g′ (смягченные k, g, т. е. svek′a, meg′a).

Чакавское ć, соотвѣтствующее штокавскому ћ, по природѣ отличается отъ него тѣмъ, что больше приближается къ мягкому t′, т. е. является скорѣе взрывнымъ согласнымъ, чѣмъ аффрикатой (ср. напр. такое t′ въ говорѣ Novi,—Беличъ, Замѣтки, 10 с.). Точно такъ же чакавцы, которые спорадически въ нѣкоторыхъ словахъ произносятъ вмѣсто своего j=*dj литературное ђ, произносятъ его, какъ мягкое d′ (ср. D. štok. Dial., 136 с.). Впрочемъ, Решетаръ слышалъ t′ вм. ћ у многихъ сербовъ южной Венгріи, а также j вм. ђ (mèja, tȕjī=межа, чужой) въ нѣкоторыхъ пунктахъ штокавской области (въ Босніи,—ср. ibid.).

Указанные звуки ђ и ћ въ штокавскихъ говорахъ находимъ также въ иностранныхъ словахъ, въ которыхъ они передаютъ чужіе мягкіе k, g: јевàнђѐље (евангеліе), Јѐђупак (цыганъ: отъ *Αἴγυπτος*—Египетъ), ћѐлија (*κελλίον*—келія) и т. п.

Въ чакавскихъ говорахъ и въ такихъ случаяхъ, т. е. на мѣстѣ иностраннаго смягченнаго g находимъ j: Jȕrje=шток. ђȕрац (Георгій), Brijȋta (Бригитта) и т. п.

Возникновеніе сербскихъ рефлексовъ праславянскихъ сочетаній tj (kt, gt), dj теряется въ глубокой древности.

Въ древнѣйшихъ греческихъ и латинскихъ источникахъ, содержащихъ отдѣльныя сербскія слова съ указанными согласными, они передаются буквами g, k: ср. у Константина Багрянороднаго *Μεγυρέτους* (*μεγυ-*=među-), въ грамотѣ 1032 г.—Vekenego.

Тотъ же пріемъ находимъ въ древнѣйшей сербской письменности: такъ, въ грамотѣ Бана Кулина 1189 г. читаемъ: хоке=хоће, помокь=помоћ, трьгуюке=тргујуће, тисука=тисућа. То же—въ другихъ, болѣе позднихъ, сербскихъ грамотахъ. Въ той же грамотѣ 1189 г. находимъ особый знакъ ⱶ для обозначенія ђ изъ dj въ словѣ граⱶамь. Тотъ-же знакъ употребляется въ Миросл. Ев. для обозначенія γ въ греческихъ словахъ и въ Вук. Ев. въ формѣ имперфекта хоⱶаше и въ греч. словѣ лекⱶить. Позже этотъ знакъ сталъ употребляться и для обозначенія ћ.

Въ глаголическихъ памятникахъ еще др.-церк.-словянской редакціи находимъ особый знакъ Ⰼ для передачи мягкаго g въ иностранныхъ словахъ; этотъ знакъ, нѣсколько измѣненный по формѣ, находимъ и въ болѣе поздней хорватской глаголицѣ. Въ то же время въ глаголическихъ грамотахъ отражается произношеніе j на мѣстѣ праслов. dj, т. е. пишется глаголическими буквами meja и т. п. (напр., мею въ грамотѣ 1309 г.); впрочемъ, такое же произношеніе (j=*dj) отражается и въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ грамотахъ: ср. при порогенꙗ, мегю—такоѥ=др.-ц.-сл. такожде въ грам. 1332 г., или—мею нами, ѡть пороениꙗ въ грам. 1367 г.; въ послѣдней находимъ также особый знакъ ћ, какъ въ значеніи ђ, такъ и въ значеніи ћ (см. Monum. serb. 101—102 стр., 176 стр.).

Въ глаголическихъ памятникахъ съ XV в. для обозначенія ћ (ć) употребляется глаголическій знакъ щ въ новой формѣ.

§ 23. *Особые сербскіе звуки* ћ, ђ, которые, какъ мы видѣли, соотвѣтствуютъ прасловянскимъ сочетаніямъ tj (kt), dj, находимъ въ сербскомъ также и въ нѣкоторыхъ иныхъ случаяхъ.

Во-первыхъ, ћ, ђ находимъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ выпалъ ь между t, d и j, т. е. гдѣ получились новыя, сербскаго происхожденія, группы tj, dj: пруће (prûće) изъ *prǫtьje, лâђа изъ *oldьja, брâћа изъ *bratьja, пиће (píće) изъ *pitьje и т. п.

Однако, въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ изъ сочетаній -tьj-, -dьj-, получились группы -tj-, -dj-, т. е.—братја, прутје, ладја: ср. у Решетара D. štok. Dial., 140. То же находимъ въ чакавскомъ: ср. Замѣтки Белича 10—12 сс.

Изъ старыхъ сочетаній sьj-, zьj- получаются, вообще говоря, въ сербскомъ группы sj, zj, т. е. новыя группы sj, zj остаются безъ измѣненія: клâсје изъ *kolsьje (колосье), лôзје изъ *lozьje (собират. къ *лоза*).

Далѣе, въ штокавскихъ нарѣчіяхъ находимъ обыкновенно ћ и ђ на мѣстѣ новыхъ группъ tj, dj, получившихся путемъ перестановки изъ jt, jd: именно въ сложномъ глаголѣ do-iti (na-iti, po-iti) вслѣдствіе измѣненія i *послѣ гласнаго* въ неслоговое получились формы до́ћи и въ 1 л. наст. вр. до̂ђе̄м (на́ћи—на̂ђе̄м, по́ћи—по̂ђе̄м) черезъ посредство *dotji—*dodjem (а это изъ dojti—dojdem). Въ чакавскомъ сохраняются старыя формы dojti—dojdem; впрочемъ, такія формы встрѣчаются и кое-гдѣ въ области штокавскаго нарѣчія: ср. D. štok. Dial., 137 с.

Наконецъ, новыя группы tj, dj получились еще въ одномъ случаѣ, а именно, если t, d находились передъ южно-сербскимъ рефлексомъ прасловянскаго ě -je: ђѐве̄р изъ *děverь, ђѐд изъ *dědъ, лѐћети изъ *letěti и т. п. Такія сочетанія ће, ђе изъ tě, dě отличаютъ большинство екавскихъ (ě=je) говоровъ; только въ нѣкоторыхъ, немногихъ, говорахъ находимъ формы вродѣ летјет, дјевојка, недјеља и т. д.: см. у Решетара, D. štok. Dial., 141 с.

§ 24. *Согласные язычно-небные* k, g, ch получены были изъ прасловянскаго языка только въ положеніи передъ твердыми звуками, такъ какъ въ положеніи передъ мягкими гласными и передъ j они уже въ прасловянскомъ измѣнились въ шипящіе или свистящіе (ср. § 25).

Но такъ какъ гласный у (ы̯) измѣнился въ сербскомъ языкѣ въ i̯, то въ немъ стали возможны сочетанія ki, gi, chi: кисео (kȉseo—кислый), гибак (gȉbak—гибкій), хитати (chȉtati—хватать) и т. п. Кромѣ того, сдѣлались возможными сочетанія k, g, ch съ мягкими гласными въ силу перенесенія мягкаго гласнаго въ положеніе послѣ этихъ согласныхъ аналогіей: напр. род. п. ед. ч. ру́ке̄, но̀ге̄ по аналогіи зѐмље̄ (др.-ц.-сл. земльѩ). О древности сочетаній ki, gi, chi—ср. выше, § 11.

Особыхъ замѣчаній требуетъ изъ указанныхъ согласныхъ длительный ch̯. Этотъ согласный во многихъ нарѣчіяхъ и говорахъ сербскаго языка исчезъ вовсе: произносятъ ла́дак вм. хла́дак, о̀ћу вм. хо̀ћу, ва́ла вм. хва́ла, ра́на вм. хра́на, ма́нути вм. ма́хнути и т. д.

Сохраненіе звука *х* наблюдается еще въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ,—напр. въ говорѣ Novi,—въ говорахъ Черногоріи, Босніи и Герцеговины.

Въ иныхъ говорахъ вмѣсто ch̯ (х) слышится глухой взрывной k: grȉjek—grijèka, smȉjek—smȉjeka,—или же звонкій g: gregotȁ (=grechotȁ), strâg, mȕga, ȕgo и т. п.,—ср. D. štokav. Dial., 121—122 сс.

Въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ ch исчезло, на его мѣстѣ между гласными развились переходные звуки,—послѣ *i*, *e* (=ě)—i̯, т. е. j, послѣ *u*—u̯—v: такъ получились формы tȉjo=tȉcho, ȕvo=ȕcho, súva=súcha, mùva=mùcha, kíjati=kíchati, smȇj—smȇja (смѣхъ) и т. п. Форма smȇj образовалась по образцу косвенныхъ падежей.

§ 25. *Согласные* š, ž, č, c, какъ извѣстно, явились на прасловянской почвѣ въ результатѣ измѣненія язычно-небныхъ k, g, ch передъ мягкимъ гласнымъ или же въ соединеніи съ j.

А именно, k въ такомъ положеніи давало č или c (*vь̯kъ—*vь̯če зв. п.—vь̯cě мѣстн. п.); изъ g получалось ž или dz (*bogъ—*bože—зват. п.—*bodzě мѣстн. п.); изъ ch получалось š или s (*duchъ—*duše зват. п.—*dusě мѣстн. п.). Согласные c, d͡z, s получились, какъ извѣстно, въ положеніи передъ ě и i изъ дифтонга oi (ai).

Всѣ эти согласные уже въ силу своего происхожденія были первоначально смягченными. На сербской почвѣ они перестали быть таковыми, т. е. отвердѣли; при этомъ d͡z упростилось въ z, какъ и въ русскомъ языкѣ: кньига (knjȉga)—дат. п. кньизи (knjȉzi).

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ встрѣчается звукъ d͡z, но какъ вторичное явленіе—на мѣстѣ стараго z (dzòra=zòra, jȅdzēr=jȅzero),—ср. D. Štok. Dial., 130 c.

По отношенію къ согласному ž должно замѣтить, что въ извѣстныхъ случаяхъ согласный этотъ измѣняется въ сонорный r: mȏrem=mȏžem, jȅre (ибо) получилось изъ формы мѣстоименія ježe (ср. р.).

Во многихъ мѣстахъ чакавской области шипящіе согласные š, ž, č замѣняются соотвѣтствующими свистящими—s, z, c,—ср. Roczn. slaw. III, 87 c.

Группы š+j, ž+j, č+j могутъ быть въ сербскомъ лишь вторичнаго происхожденія: въ силу выпаденія между š, ž, č и j гласнаго ь; группы эти сохраняются безъ измѣненія: òpâšje (собират.—орѣшникъ), bȏžjâ (божья), òvčjȇ (овечье).

Согласный j сербскаго языка, обычно,—старый, прасловянскаго происхожденія; мы видѣли однако выше (§ 24), что онъ можетъ являться впервые на сербской почвѣ (tȉjo, kȉjati).

Исчезновеніе стараго j влечетъ за собою ассимиляцію и стяженіе гласныхъ: изъ pojasъ получается pâs, изъ mojego—*mȏgo и затѣмъ—mȏga, изъ tvojemu—tvȏmu и т. п.

§ 26. *Прасловянскія группы* st, zd+j и sk, zg+j или же sk, zg въ положеніи передъ палатальными гласными имѣли неодинаковую судьбу въ нарѣчіяхъ сербскаго языка, какъ мы уже отчасти видѣли (§ 4).

Въ большинствѣ штокавскихъ говоровъ мы находимъ на мѣстѣ указанныхъ прасловянскихъ сочетаній группы шт (št), жд (žd): иштѐм (ìštêm), заштитити (zaštìtiti), пуштѐница (разведенная жена)—отъ причастія пуштен (изъ *pustjenъ), мождàни (мозговой,—ср. мозгъ), звиждàти (свистѣть)—ср. звизга (zvȉzga) и звизда (zvȉzda)=свистъ.

Въ чакавскомъ нарѣчіи штокавскимъ шт, жд соотвѣтствуютъ сочетанія šć и žj: išćem, zašćititi и т. д. (ср. § 4).

Однако въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ вм. шт и жд произносится въ такихъ случаяхъ шћ (šć) и жђ (žđ),—ср. D. štok. Dial., § 60.

Группы stj, zdj новаго происхожденія,—изъ stьj-, zdьj-, дали въ сербскомъ, вообще говоря, шћ, жђ (šć, žđ),—и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ старыя группы stj, zdj—давали шт, жд: ср. лишће (lîšće) изъ *listьje, грôжђе изъ *grozdьje, гвôжђе изъ *gvozdьje. Однако, въ нѣкоторыхъ говорахъ находимъ сохраненіе группъ stj, zdj (изъ stьj-, zdьj-), т. е. формы listje, grozdje и т. п.

§ 27. *Комбинаторныя измѣненія согласныхъ.* Значительное большинство такихъ измѣненій согласныхъ, какъ и въ русскомъ языкѣ, связано съ выпаденіемъ внутри словъ редуцированныхъ **ъ** и **ь**. Въ результатѣ этого выпаденія произошло уподобленіе предыдущаго согласнаго послѣдующему въ отношеніи звонкости: звонкій передъ глухимъ измѣнился въ глухой, и глухой передъ звонкимъ—въ звонкій. Такъ, изъ *sьr̥bьskyjь получилось ср̏пски, изъ *sladъko (прасл. *soldъko)—сла̏тко, изъ *otъgovoriti—одговòрити, изъ otьčьbina—òтаџбина, изъ *svatьba—сва̏дба, изъ *svědočьba—свѐдоџба и т. д.

Иногда при этомъ имѣетъ мѣсто упрощеніе группы согласныхъ. Такъ,—группа čt упрощается въ št, группа stb—въ zb-, stn—въ sn, dstv——въ stv, čsk—въ čk, dšt—въ št, zs—въ s, tc—въ c и т. д. Ср. што̀ изъ *čьto, пòштен изъ *počьtenъ, гòзба изъ *gostьba, болѐсни̏к изъ *bolestьnikъ, госпòство изъ *gospodьstvo, jу̀на̏чки изъ *junačьskyjь, штица (štïca) изъ *dъštica, ра̀сипати изъ *razsypati и т. п., свéца — род. п. отъ свéтац (святой) изъ *svętьca.

Въ отдѣльныхъ народныхъ говорахъ слышится шѐница и пшѐница, а также вшѐница,—всѣ эти формы—изъ основной *pьšenica; въ формѣ шѐница имѣетъ мѣсто полная ассимиляція согласнаго *p* слѣдующему š, въ формѣ вшѐница губной *p* измѣнился въ губной *v*. Также рядомъ съ птица (ptïca), пчѐла однихъ говоровъ находимъ въ другихъ (съ полной ассимиляціей)—тица и чѐла,—изъ основной *pъtica, *bьčela; въ иныхъ говорахъ произносится včela,—съ измѣненіемъ губного *p* въ *v*,—или,—съ перестановкой,—čvela; такъ же—tvica изъ *vtica,—ср. D. štok. Dial., 115 с.

При формѣ им. п. pȁs (песъ) въ нѣкоторыхъ говорахъ находимъ форму род. п. vsȁ вмѣсто psȁ (изъ *pьsa),—ibid.

Рядомъ съ литературнымъ kȍ—кто (др.-ц.-сл. **кѫто**) въ нѣкоторыхъ говорахъ имѣется ткȍ.

Однимъ изъ наиболѣе примѣтныхъ измѣненій группъ согласныхъ является измѣненіе группы mn, которое можно опредѣлить, какъ дисси-

миляцію двухъ согласныхъ носовыхъ: вмѣсто мно̀го произносятъ мло̀го или же,—въ другихъ говорахъ,—vnȍgo (напр. въ чакавскомъ говорѣ Novi,—ср. Белича Замѣтки, 15 с.).

Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ говорахъ находимъ дамно, рамнина вм. давно, равнина, т. е. измѣненіе *v* въ *m* передъ *n* (въ Черногоріи,—ср. D. Štokav. Dial., 115 с.).

Характерную для литературнаго сербскаго языка черту въ области согласныхъ представляетъ измѣненіе старой группы čr въ cr: цр̂в вм. чр̂в (червь), цр̏вѐн (красный), цр̂н (черный).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр. чакавскихъ, старая группа čr сохраняется; такъ, въ говорѣ Novi произносится—čr̂n, čr̂îvo=литер. цре́во (чрево—ц.-сл. чрѣво). Въ иныхъ (штокавскихъ) говорахъ вмѣсто čr произносятъ čar-:—чâрни̏.

Сложная группа согласныхъ stkl-, получившаяся послѣ выпаденія внутри ея ь, измѣняется въ различныхъ сербскихъ говорахъ различно: литературному ста̀кло въ нѣкоторыхъ говорахъ (въ Дубровникѣ) соотвѣтствуетъ скло̀, въ иныхъ цкло̀ (въ Черногоріи),—ср. D. Štok. Dial., 129 с.

Смягченные љ, њ измѣняютъ предшествующее z въ ž, а s въ š: ижљу́бити, иж-њега, шљѐм (шлю), плијешњу (plïešnju) твор. п. отъ плијесан (plïjesan).

Характерное измѣненіе группы согласныхъ представляетъ слово кћи (kćī)—кћѐри (дочь) изъ праслов. *dъkti: послѣ выпаденія ъ должно было въ сербскомъ получиться *dći, затѣмъ tći и, наконецъ, kći—кћи,—въ силу передвиженія артикуляціи вглубь полости рта, ближе къ мѣсту образованія звука h.

Объ измѣненіи группы chv въ f было упомянуто выше (§ 21).

Отъ фонетическихъ измѣненій группъ согласныхъ должно отличать явленія, обязанныя своимъ возникновеніемъ психологическому фактору—аналогіи: такъ, форма инфинитива грѐпсти при наст. вр. грѐбѐм не могла явиться фонетически изъ *greb-ti и, очевидно, образовалась по образцу вѐсти, мѐсти и т. п.

§ 28. *Конечные согласные.* Вопросъ о произношеніи звучныхъ согласныхъ въ абсолютномъ концѣ слова въ сербскомъ языкѣ имѣетъ свою небольшую литературу. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ сербскихъ нарѣчій, Белићъ пришелъ въ своихъ наблюденіяхъ къ выводу, что сербскіе звучные (по своему происхожденію) согласные въ такомъ положеніи произносятся безъ звучности, однако не переходятъ въ соотвѣтствующіе глухіе, которые, какъ извѣстно, отличаются отъ звучныхъ бо́льшей силой экспираціи (fortes, тогда какъ звонкіе—lenes). Белићъ опредѣляетъ сербскіе звучные въ абсолютномъ концѣ слова, какъ «stimmlose Medien».

По отношенію къ чакавскому говору Novi онъ же говоритъ о сохраненіи «звонкой согласной».

Экспериментально изслѣдовавшій данный вопросъ М. Ивковић констатируетъ въ произношеніи сербовъ изъ различныхъ мѣстностей различное произношеніе конечныхъ звучныхъ согласныхъ, между прочимъ и произношеніе настоящихъ звучныхъ согласныхъ «съ полугласнымъ послѣ эксплозіи»: градə, врагə, смуђə (выговоръ одного боснійца).

Примѣчаніе. Ср. по данному вопросу у Решетара D. Štokav. Dial., 147—148 сс.. Roczn. Slaw. I. 196—198 сс., Arch. XXX, 623—624 сс.. Roczn. Slaw. III, 301—302 сс.: Белић Дијалекти 240 с.. его-же—О дијалекатском материјалу Броха, 29- 31 сс., Броха Die Dialekte d. südl. Serb., 44 - 47 сс.; Roczn. Slaw. IV т.. 192 с.: М. Ивковић «О звучним сугласницима на крају речи у српском језику» (Јужнословенски филолог. 1913 г., I кн., 66—72 сс.).

По отношенію къ концу слова должно отмѣтить также являющееся, главнымъ образомъ, особенностью чакавскаго нарѣчія измѣненіе согласнаго губного *m* въ зубной носовой *n*: ja sa̍n=ja sam (есмь), zna̍n, rȉban, vȉdīn. mȍlīn (вижу, молю) и т. п.

Должно оговориться, что и въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ находимъ то же явленіе (напр. въ Подгорицѣ—въ Черногоріи,—ср. D. Štok. Dial., 125 с.); при этомъ измѣненіе *m* въ *n* не ограничивается концомъ слова, но наблюдается также и въ *концѣ слога* внутри слова: mȏnče вм. mȏmče (зват. форма отъ mȏmak—парень), uzánka въ говорѣ Novi=sȃmka и т. п. Если при этомъ произносятъ dȋm (дымъ), sȃm (мѣстоименіе *самъ*), Rȋm и т. п., то это объясняется вліяніемъ формъ dȋma род. п., sáma—sámo (жен. и средн. р.), Rȋma.

5. Формы сербскаго языка.

Именное склоненіе.

§ 29. Праславянское именное склоненіе отличалось, какъ извѣстно, значительной сложностью; въ немъ различался цѣлый рядъ типовъ: 1) склоненіе основъ на -u̯, 2) склоненіе основъ на -i̯, 3) склоненіе основъ на -o̯ (jo), 4) склоненіе основъ на -ā̯ (-jā), 5) склоненіе основъ на согласный и примыкающее къ нему въ значительной мѣрѣ склоненіе основъ на -ū̯.

Эта сложная система именного склоненія во всѣхъ словянскихъ языкахъ, сохранившихъ различіе падежныхъ флексій, въ томъ числѣ и въ сербскомъ, на протяженіи ряда вѣковъ значительно упростилась.

Основы на -u въ сербскомъ языкѣ исчезли, какъ особый типъ склоненія, и слились съ основами на -о, оказавъ на послѣднія извѣстное вліяніе. Сходную судьбу имѣли основы на -i мужескаго рода, примкнувшія къ основамъ на -о послѣ смягченнаго согласнаго (-jo основы).

Основы на согласный также большею частью потеряли свое самостоятельное склоненіе, или же подверглись сильному вліянію со стороны основъ, сохранившихъ свой особый типъ склоненія.

При этомъ потеряна была сербскимъ языкомъ, какъ и большинствомъ другихъ словянскихъ, категорія двойственнаго числа, хотя и сохранились нѣкоторыя формы этого числа, и выработались нѣкоторыя характерныя для сербскаго языка падежныя флексіи, изъ коихъ особенно характерной является флексія род. п. мн. ч.—ā (ср. ниже, § 39).

Основы на -u.

§ 30. Въ древне-сербскихъ памятникахъ можно еще встрѣтить правильныя старыя формы отъ старыхъ основъ на -u, какъ напр. домоу род. п. въ грам. 1330 г. или въ грам. 1348 г., сѣноке им. мн. въ грам. 1293—1302 гг., сыньми (=сѣнъми) твор. мн. въ грам. 1249 г. и т. п. Форма род. мн. ч. въ XIV в. встрѣчается съ прибавочнымъ -ъ: синокъ въ грам. 1333 г. и т. п.

Однако въ тѣхъ же др.-сербскихъ памятникахъ находимъ и формы вродѣ сына род. п. ед. въ грам. 1189 г. и 1198—1199 гг., а съ другой стороны флексіи -u основъ находимъ и въ формахъ отъ именъ со старой основой на -о (ср. ниже, § 33). Такимъ образомъ, уже для др.-сербскаго языка нельзя установить наличія особаго склоненія основъ на -u.

Совпаденіе между основами на -u и основами на -о въ нѣкоторыхъ падежахъ: им. и вин. ед. (ср. др.-ц.-сл. сѣнъ—богъ) очень рано дало толчекъ къ взаимному сближенію и затѣмъ сліянію двухъ склоненій въ одно, съ преобладаніемъ флексій основъ на -о.

Основы на -i.

§ 31. Точно такъ же основы на -i муж. р., совпадая съ основами на -jo въ nom. и acc. s. (ср. др.-ц.-сл. гость—конь) и въ loc. s. (ср. др.-ц.-сл. гости—кони), очень рано сблизились съ этими послѣдними и въ концѣ концовъ потеряли свое собственное склоненіе. Въ настоящее время мы найдемъ старыя имена съ основой на -i муж. р. въ склоненіи основъ на -о.

Въ др.-сербскихъ памятникахъ можно найти еще не мало старыхъ формъ отъ основъ на -i муж. р.: gen. s. господи въ грам. 1322 г., зѣти (=зѧти) въ грам. 1198—1199 г., пѹти въ грам. 1336—1347 г. и т. п.; nom. pl. гостие въ грам. 1387 г.,instr. pl. лѣдьми въ грам. 1254 г. и т. п.

Однако, тутъ же находимъ и формы новыя съ флексіями -о-основъ: gen. s. господа въ грам. 1198—1199 г., зета въ грам. 1253 г., пута въ грамотѣ 1327 года; dat. s. гостоу въ грамотѣ 1454 года; instr. s. господемь въ грамотѣ 1261 года, зетемь въ грамотѣ 1293 — 1302 г., путемь въ грам. 1327 г. (ср. твор. п. ед. ч. конюмь); nom. pl. гости въ грам. 1470 г., пути въ Житіи св. Симеона—Саввы; dat. pl. господемь въ грам. 1330 г., гостемь въ грам. 1234—1240 г., людемь въ грам. 1238 г., (ср. др.-ц.-сл. конюмъ) и даже гостомь (ср. др.-ц.-сл. козомъ и т. п.) у Н. Ранины; въ instr. pl. по образцу коѣи находимъ съ XV в. формы вродѣ гвозди, гости, људи (см. Даничича Истор. обл. 125 с.) вмѣсто гвоздьми, гостьми и т. д.; форма мѣстн. мн. сложилась искусственно,—подъ вліяніемъ дат. мн. ч. гостемь и т. п.—людехъ въ грам. 1222—1228 г., пѫтѣхъ въ грам. 1253 г.: старая форма і-основъ *gostьcѣ не могла дать подобныхъ формъ, такъ какъ ь даетъ въ сербскомъ *а*, а форма loc. pl. jo-основъ имѣла видъ коѣихъ.

Помимо основного процесса подчиненія вліянію -о—основъ, имена муж. р. съ первоначальной основой на -і переживали рядъ иныхъ измѣненій и колебаній. Подъ вліяніемъ -u-основъ они вмѣстѣ съ -о-основами получали слогъ -ов или же съ замѣной -о черезъ ѣ -ев: господеви въ грам. 1302—1321 г. и въ грам. 1333 г., путови въ грам. 1327 г.

Въ формѣ gen. pl. рядомъ съ формами людеи, нѫктеи и т. п. очевидно, церковнаго происхожденія находимъ формы на -і: лѫди уже въ грам. 1198—1199 г., дьни въ грамотѣ 1357 г. и 1378 г., пути у Н. Ранины и т. п.; формы эти, очевидно, получились фонетически—путемъ стяженія изъ *ljudi(j)ь въ очень древнюю эпоху и имѣли долгое -і.

Форма loc. pl. въ XVI и XVII вв. иногда имѣетъ старое окончаніе о-основъ — ѣхъ: путијех у Ник. Ранины и др., путијех у Бунича (1630 г.) и—днихъ у Зоранича (1569 г.), путихъ у Бандулавича (1626 г.) и т. п. (см. Ист. обл. 141 с.).

Вѣроятно, контаминація старой формы instr. pl. людьми, гостьми и т. п. и новой, явившейся подъ вліяніемъ коѣи,—гости, људи создала среднюю форму на *-ими* (см. Ист. обл. 126 с.). Впрочемъ, форма эта могла получиться также при формѣ род. п. мн. ч. гвозди по аналогіи отношеній водā (слугā) род. п. мн.: водами (слугами) твор. мн. ч. Точно такъ же по образцу отношеній род. п. водā—дат. мн. водам—твор. мн. водами явилась при формѣ род. мн. на -и (і) и твор. мн. на *-ими* форма дат. мн. на *-им*: људим у Н. Ранины и т. п. Та же форма на *-им* является въ XVI в. и въ функціи твор. п.: људим, путим (Ист. обл. 126 с.), а затѣмъ появляется форма на -има (-ма—первоначально флексія двойств. числа) въ функціи дат., твор. и мѣстн. мн. ч.: људима dat. pl. у Д. Рани-

ны (1563 г.), льудима instr. pl. у того же Д. Ранины, путима loc. pl. у Андријашевича (Put od raja 1686 г.). Это -ima въ dat., instr., loc. pl. мы встрѣтимъ затѣмъ и въ современномъ склоненіи -о-основъ (ср. § 33).

§ 32. Въ противоположность основамъ на -і муж. р. тѣ же основы женскаго рода до настоящаго времени сохранили свое старое склоненіе, хотя и съ незначительными отступленіями отъ первоначальнаго вида.

Склоненіе это является въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.	ствâр	ствâри
Род.	ствâри	ствáри
Дат.	ствâри	ствáрима
Вин.	ствâр	ствâри
Зв.	ствâри	ствâри
Тв.	ствâр-ју, ствâри	ствáрима
Мѣстн.	ствáри	ствáрима

Въ этой схемѣ склоненія почти всѣ падежныя формы сохраняютъ безъ измѣненія старыя окончанія, полученныя изъ праславянскаго, причемъ форма твор. п. ед. части ствâрју получилась фонетически изъ *stvarьjǫ въ силу выпаденія ъ.

Примѣчаніе. При этомъ имѣютъ мѣсто фонетическія измѣненія, отмѣченныя уже выше, – въ §§ 20—26: изъ *solьjǫ получается сôљу, изъ *zelenьjǫ—*зе̑лёњу, изъ *smr̥tьjǫ—смр̑ћу, изъ *goldьjǫ—глâђу (отъ glâd—glâdi=голодъ), изъ *zobьjǫ—зо̑бљу (зо̑б—зо̑би=овесъ), изъ *ljubъvьjǫ—љу́бављу и т. д.

Въ формѣ род. мн. ч. ствâри получилось фонетически изъ *stvari(j)ь въ силу стяженія.

Примѣчаніе. Рядомъ съ род. мн. пр̀сй (персь, грудь) употребляется пр̀сијӯ, т. е. собственно форма род.-мѣстн. двойств. ч., также отъ у̑ш или ва̑ш (вошь). ко̑ст, ко̀кош употребляются формы у̀шијӯ или ва̀шијӯ, ко̀стијӯ, кокòшијӯ.

Отступленіе отъ старой схемы склоненія і-основъ женск. р. представляетъ совпаденіе формъ дат., твор. и мѣстн. множ. ч. въ одной съ окончаніемъ -i-ma. Повидимому, подъ вліяніемъ этого совпаденія флексій въ дат. и твор. мн. ч. появилась рядомъ съ болѣе старой формой ствâрју (твор. ед.) новая—ствâри, тожественная формѣ дат. падежа.

Что касается формы мѣстн. п. ед. ч., то она не вполнѣ совпадаетъ съ формой дат. п., отличаясь отъ нея удареніемъ: дат. ствâри указываетъ на первоначальное окончаніе корня, мѣстн. ствáри—на первоначальное ударѐніе окончанія: ср. такое же отношеніе въ русскомъ языкѣ: *къ-но́чи* и *въ-ночи́*, *пыли* (дат.) и *въ-пыли́*.

Также въ чакавскомъ имѣемъ дат. п. kȍsti, а мѣст. п.—kostȋ. Въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ этого склоненія чакавскіе говоры отличаются отъ штокавскихъ. Наиболѣе крупнымъ изъ этихъ отличій является сохраненіе стараго различія между дат., твор. и мѣстн. мн. ч., причемъ нерѣдко обнаруживается вліяніе основъ на -a: такъ, въ говорѣ Novi находимъ формы дат. мн. kostán (костямъ), твор. kostâmi, мѣстн. kostích (и kȍstīch), такъ-же и род. мн.; отъ pȇć—pećán, pećâmi, pećâch при род. п. мн. pȇćīch. Въ формахъ мѣстн. и род. п. kostích или kȍstīch и род. п. мн. ч. pȇćich мы видимъ взаимное вліяніе мѣстн. и род. п.: форма род. п. pȇćich получила -ch подъ вліяніемъ мѣстн. п., форма мѣстн. п. kostích получила свое -i подъ вліяніемъ род. мн. ч.; источникомъ сближенія формъ род. и мѣстн. мн. ч. являлось, быть можетъ, тожество этихъ падежныхъ формъ въ двойств. числѣ.

Въ формѣ твор. ед. ч. въ чакавскихъ говорахъ находимъ добавочное -n: solún, pećún, stvārún: это -n изъ болѣе древняго -m, очевидно, явилось въ основахъ этихъ подъ вліяніемъ формы твор. ед. ч. отъ основъ на -a: чак. ženún и т. п.

Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ, а именно въ Рагузѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ наблюдается оригинальная форма твор. п. ед. ч. на -im: kȍstim, pȇstim, и т. п. Новообразованіе это, очевидно, представляетъ форму на -i (kȍsti и т. п.,—ср. выше) съ добавочнымъ -m, перенесеннымъ изъ формы основъ на -a (žȅnōm и т. п.). Въ иныхъ говорахъ вліяніе послѣднихъ формъ (-a-основъ) сказалось еще болѣе сильно: s krvljōm, mīšljōm, kȍšćōm и т. п. (см. D. štok. Dial. 171 c.).

Форму твор. п. ед. ч. съ пропускомъ -ъ, соотвѣтствующую современной ствâр-jу и т. п., находимъ уже въ др.-сербскихъ памятникахъ начиная съ XIV в.: благодѣтю въ грам. 1348 г., користю въ грам. 1333 г., помощю въ грам. 1399 г., теплостю въ грам. 1348 г., челядю въ грам. 1420 г., помокю въ грам. 1442 г. (рядомъ съ традиціонными церковными чьстию, милостию, жалостию и т. п. съ замѣной ѣ черезъ ю).

Вліяніе въ томъ же падежѣ со стороны основъ на -a датируется въ др.-сербскихъ памятникахъ формами: чьстиѭмь въ грам. 1357 г. (Mon. serb. № 145), милостиѭмь въ грам. 1357 г. (№ 146), радостиѭмь въ грам. 1368 г., печатиѭмь въ той же грамотѣ и т. п.

Форму род. п. мн. ч. на -ī также находимъ уже въ др.-сербскихъ памятникахъ: ричи въ грам. 1498 г., кости въ Сборникѣ 1520 г. (Загребск. акад. библ. № 542), лажи у Будинича (Ispravnik 1582 г.). ноћи у Н. Ранины (1503 г.), пјесни у Златарича (1597 г.).

Исторія формъ дат., твор. и мѣстн. мн. ч. иллюстрируется слѣдующими данными: въ древнихъ памятникахъ до XVI в. находимъ церков-

ныя формы дат. п. мн. ч. на -ѣмь (первоначально -ьмь): страстѣмь въ грам. 1302—1321 г., костѣмь въ житіи св. Саввы—Доментіана и т. п.; также въ instr. pl. находимъ старыя формы на -ьми (рѣчьми, пѣсньми, печатьми и т. п.), а въ loc. pl. формы церковнаго происхожденія на -ѣхъ: заповѣдѣхъ (грам. 1222—1228 г.), милостѣхъ (грам. 1332 г.) и т. п.

Въ XVI в. находимъ формы дат. мн. ч. на -им: костим (Д. Раньина), милостим (у него же), заповиједим (Градича Libarce vele duhovno.... 1567 г.) и т. п.

Въ instr. pl. уже съ XV в. находимъ -ими: частими въ грам. 1421 г., користими въ грам. 1465 г., крипостими у Кашича (Život gospodina.... 1638 г.) и т. п.

Въ loc. pl. находимъ въ XVI в. -их: заповидихь, милостйх, мислих и т. п. (Ист. обл. 141 с.).

Въ то же время наблюдаются примѣры взаимной замѣны указанныхъ падежныхъ формъ: въ XVI в. форма ријечми употребляется какъ дат. мн. ч., являются сочетанія—у стварми, т. е. твор. п. въ значеніи мѣстн. п., у стварим, т. е. дат. п. мн. ч. въ значеніи мѣстн. падежа (Ист. обл. 101, 142 стр.).

Въ XVI же вѣкѣ является форма на *-има* для всѣхъ трехъ падежей, дат., твор. и мѣстн.: пјеснима дат. мн. у Д. Ранины, ричима дат. мн. у Златарича; костима, мислима, пјеснима, стварима, частима instr. pl. у Д. Ранины, болестима, жалостима, костима мѣстн. мн. ч. у Андріяшевича (Ист. обл. 142 с.).

Примѣчаніе. Встрѣчаются также въ др.-серб. памятникахъ формы на -ма, но безъ предшествующаго, новаго по происхожденію -и: ричма, ријечма, стварма, крипостма дат. мн.— въ XVI и XVII в. (Ист. обл. 101 с.). Сказывается также въ др.-сербскихъ памятникахъ въ означенныхъ падежахъ вліяніе со стороны основъ на -а: дат. мн. ч. стварам, ричама въ XVII в., твор. мн. писнами, ричами, ричама (XVII в.),—ср. Ист. обл. 101, 128 сс. Въ XV и XVI вѣкахъ встрѣчаются формы твор. п. мн. ч. вродѣ заповиди, кости, ствари (Ист. обл. 126 с.), которыя могли сложиться подъ вліяніемъ такихъ же формъ отъ і-основъ муж. рода, въ свою очередь явившихся подъ вліяніемъ формы -jo-основъ (ср. выше, § 31).

Основы на -о мужескаго рода.

§ 33. Многочисленный классъ именъ съ основой на -о муж. рода сохранилъ въ общемъ свое старое склоненіе, причемъ къ этому склоненію примкнули потерявшія свое особое склоненіе имена муж. р. съ первоначальными основами на -u, на -i и на согласный.

Однако, въ современномъ своемъ видѣ склоненіе это представляетъ цѣлый рядъ отступленій отъ полученной въ наслѣдство изъ праславян-

скаго схемы. Какъ и въ прасловянскомъ, въ склоненіи этомъ различаются два вида: склоненіе именъ съ первоначально твердымъ согласнымъ передъ гласнымъ основы (собственно -о—основы) и склоненіе съ первоначально смягченнымъ согласнымъ передъ тематическимъ -о (-jo—осковы). Приведемъ образцы.

	Единств. ч.		*Множ. ч.*	
Им.	jѐлен	ȍра̄ч	jѐлени	ора́чи
Род.	jѐлена	ора́ча	jѐлēна̄	ора́ча̄
Дат.	jѐлену	ора́чу	jѐленима	ора́чима
Вин.	jѐлена	ора́ча	jѐлене	ора́че
Зват.	jѐлене	ȍра̄чу	jѐлени	ȍра̄чи
Тв.	jѐленом	ора́чем	jѐленима	ора́чима
Мѣстн.	jѐлену	ора́чу	jѐленима	ора́чима

Такъ же склоняются имена, обычно собственныя, на -о и на -je въ имен. падежѣ: Ма̂рко—Ма̂рка—Ма̂рку—Ма̂рка—Ма̂рко—Ма̂рком—Ма̂рку; Милоjе (Mīloje)—Милоjа—Милоjу и т. д.

При этомъ въ именахъ, имѣющихъ въ исходѣ основы язычнонебные согласные k, g, ch, имѣетъ мѣсто измѣненіе этихъ согласныхъ въ свистящіе и шипящіе (прасловянскаго происхожденія): jу̀на̄к—зв. п. jу̏на̄че—им. мн. jуна́ци; дру̑г—зват. п. дру̑же—им. мн. дру̑зи; сирȍмах—зват. п. сирȍмаше—им. мн. ч. сирȍмаси; тѣ-же *ц, з, с* вм. *к, г, х* являются передъ окончаніемъ *-има* въ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч.: jуна́цима, дру̑зима, сирȍмасима.

Односложныя имена (за исключеніемъ па̀с) во множ. ч. получаютъ добавочный слогъ -ов, перенесенный въ основы на -о изъ основъ на -u; такъ, отъ гра̑д—им. мн. ч. гра̑дови, род. п. градо́ва̄, вин. гра̑дове, дат.-твор.-мѣстн. гра̑довима. Въ именахъ съ мягкимъ первоначально согласнымъ въ исходѣ основы является -ев: ма̑ч—им. мн. ма̀чеви.

Въ формѣ вин. п. ед. ч. въ приведенныхъ образцахъ мы имѣемъ собственно форму род. п., такъ какъ слова эти суть имена предметовъ одушевленныхъ,—явленіе, извѣстное всѣмъ словянскимъ языкамъ; въ именахъ неодушевленныхъ форма вин. п. ед. ч. сходна съ формой им. ед. ч.

Сравнивая приведенныя схемы съ соотвѣтствующими схемами др.-ц.-сл. склоненія *о*-основъ,—а др.-ц.-слов. языкъ въ этомъ случаѣ вѣрно отражаетъ прасловянское состояніе,—мы замѣчаемъ отступленіе отъ прасловянской старины въ смыслѣ образованія формъ въ слѣдующихъ формахъ: 1) въ мѣстн. п. ед. ч.: флексія -у (jѐлену, ора́чу),—ср. др.-ц.-сл. рабѣ, кони; 2) въ род. п. мн. ч. (jѐлēна̄, ора́ча̄), гдѣ къ старой формѣ род. мн., потерявшей конечное ъ, ь (др.-ц.-сл. рабъ, конь) присоединено

новое -ā; 3) въ вин. п. мн. ч.: флексія -е въ формѣ jèлене (ср. др.-ц.-слов. рабы); 4) въ формахъ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. флексія -има (jèленима, орáчима),—ср. др.-ц.-сл. рабомъ—рабы—рабѣхъ, конюмъ—кони—конихъ.

Форма мѣстн. п. ед. ч. на -у явилась подъ вліяніемъ основъ муж. р. на -u (ср. др.-ц.-сл. сынѣ).

Въ чакавскихъ говорахъ находимъ въ мѣстн. п. ед. ч. окончаніе -i: vlâsi, čâsi и т. п. (ср., напр., говоръ Novi,—Замѣтки Белича, § 35 и сл.).

Въ др.-сербскихъ памятникахъ находимъ старыя формы на -ѣ, формы на -у и формы на -и (i): градѣ въ грам. 1254—1256 г., въ грам. 1273—1314 г., мосте (е вм. ѣ) въ грам. 1253 г., броде въ той же грам. и т. п.; трьгу въ грам. 1222—1228 г., дльгу въ грам. 1240—1272 г., градѢ въ грам. 1293—1302 г., законѢ въ грам. 1332 г., царѢ въ грам. 1387 г. и т. п.; приестоли въ грам. 1325 г., крьсти въ грам. 1392 г., гнѣзди въ грам. 1399 г., мири въ грам. 1392 г.

Появленіе окончанія -i въ loc. s. объясняется, повидимому, вліяніемъ мягкихъ основъ на -о (ср. др.-ц.-сл. кони).

Для род. п. мн. ч. чакавское нарѣчіе даетъ старыя формы,—безъ прибавочнаго новаго ā загадочнаго происхожденія (о которомъ ср. ниже, § 39): čâs (им. ед. čâs), susêd (им. ед. susêd), stârâc (им. ед. stârac), kôsâc (им. ед. kosâc—косецъ) и т. п. Рядомъ употребляются также формы на -ih, тожественныя формамъ мѣстн. мн. ч.: vlâsih, stârcih, susêdih, brêstih, krôvīh и т. п. (ср. Замѣтки Белича § 38 и слѣд.).

Спорадически встрѣчаются старыя формы безъ прибавочнаго -ā въ штокавскихъ говорахъ; въ то же время въ Черногоріи употребляются формы съ прибавочнымъ -ch: junakach и т. п. (см. у Решетара D. štok. Dial., 161 с.). Послѣднія формы, повидимому, явились не безъ вліянія со стороны мѣстоименныхъ формъ и формъ прилагательныхъ, которыя оканчиваются въ род. п. мн. ч. на -ch.

Въ др.-сербскихъ памятникахъ форма род. п. на -ā появляется уже съ XIV в. синока въ грам. 1333 г., колока въ грам. 1332 г., киека въ грам. 1419 г, коня въ грам. около 1450 г., отаца въ грам. 1452 г. и т. п. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются формы на -ьь, подъ которымъ, быть можетъ, скрывается -ā: штьцьь въ грам. 1302—1321 г., спудьь въ грам. 1348 г., чловѣкьь въ грам. 1302—1321 г. и т. п.

Встрѣчаются въ др.-сербскихъ памятникахъ также формы род. п. мн. ч. отъ основъ на -о съ окончаніемъ -и (i): цари въ грам. 1253 г., пинези въ грам. 1427 г., анѓели въ грам. 1420 г.; формы эти, очевидно, явились подъ вліяніемъ основъ на -i.

Формы им. мн. отъ односложныхъ именъ съ окончаніемъ -*ови*, какъ въ старыхъ u-основахъ, такъ и въ основахъ на -о датируются др.-серб-

скими памятниками, начиная съ XIV в.: попобѣ (ѣ = и) въ грам. 1336—1347 гг., синоби въ грам. 1399 г., градови, богови у Златарича и т. д.

Форма вин. п. мн. ч. на -е въ именахъ типа дрăч (съ первоначально смягченнымъ согласнымъ въ концѣ) является правильной, такъ какъ -е получилось фонетически изъ болѣе древняго -ę (ср. др.-ц.-слов. коньмь). Въ именахъ же вродѣ јелен флексія эта явилась вмѣсто старой -у (ы) (др.-ц.-сл. рабы), что должно было дать -і, изъ именъ типа дрăч. Въ чакавскихъ говорахъ еще находимъ формы на -і: čăsi, vlăsi, krovi и т. п.

Въ др.-сербскихъ памятникахъ это перенесеніе флексіи -е изъ мягкаго въ твердое склоненіе датируется довольно рано: ср. законе въ грам. 1370 г., виеке въ грам. 1405 г., листе въ грам. 1435 г. и т. п. Форму вин. п. мн. ч. на *-ове* также находимъ уже въ др.-сербскихъ памятникахъ: сѕдоке (сосуды) въ грам. 1438 г., дѕгоке въ грам. 1481 г. и т. п.

Исторія формъ дат., твор. и мѣстн. мн. ч. представляется въ слѣдующемъ видѣ. Начиная съ древнѣйшихъ сербскихъ памятниковъ и до XVII в. включительно находимъ старыя формы дат.-мн. ч. на *-ом, -ем*: вѣкомь, виноградѡмь, апѕтолѡмь, кнеземь, царемь, манастирѣмь, градовомь, вѣкшвкомь, кралекомь и т. п. (см. Ист. обл. 92 с. и сл.).

Уже въ XIV в. находимъ однако формы на -ома: виекома въ грам. 1333 г., вѣкома въ грам. 1391 г., викома въ грам. 1399 г. и т. п.

Въ XVI в. наблюдается употребленіе въ значеніи дат. п. мн. ч. формы твор. мн. ч., и въ томъ же XVI в. въ значеніи дат. п. мн. ч. употребляются, обычно, формы на *-им*: гријесим, дарим, духовим, коњим, оцим и т. п.

Повидимому, эти формы на *-им* появились подъ вліяніемъ формы твор. п. мн. ч. на -ими. Въ томъ-же XVI и затѣмъ въ XVII в. находимъ для дат. п. мн. ч. форму на -има: млацима (отъ младац) у Д. Ранины, синовима у Гундулича, оцима у Андријашевича и т. п. (Ист. обл. 97—98 сс.).

Форма твор. п. мн. ч. до XVI в.. обычно, оканчивается на -и (і): краги въ грам. 1254 г., гради въ грам. 1254 г., дари въ грам. 1392 г., цари въ грам. 1330 г., крали въ грам. 1453 г., зуби у Ник. Ранины и т. д.; также со вставочнымъ слогомъ *-ов*, перенесеннымъ изъ -и-основъ: градовѣ (ѣ = и) въ грам. 1198—1199 г., дарови въ грам. 1360 г. и въ грам. 1365 г., листови въ грам. 1423 г. и т. п.

Рядомъ съ этимъ встрѣчаются формы на -(ъ)*ми*, перенесенныя изъ основъ на -ъ и -і (-*ъми* и -*ьми*,—ъ и ь выпали): дарьми въ грам. 1399 г., градъми въ грам. 1419 г., кральми въ грам. 1198—1199 г., царьми въ той же грам., коньми въ грам. 1293—1302 г. и т. п.; и со вставочнымъ

-ов-: градокми въ грам. 1427 г., дарокми въ грам. 1451—1481 г.. листокьми въ грам. 1429 г., синокми въ грам. 1440 г. и т. п.

Въ XVI в. въ значеніи твор. п. употребляются формы дат. мн. ч.: гласим, анђелим, апостолим, гријесим и т. п. (Ист. обл. 119 с.).

Въ то же время уже съ конца XV в. встрѣчаемъ формы твор. мн. на -има: синовцима (отъ синовац), мачима, дарима, зубима и т. п. (Ист. обл. 121 с.).

Старая форма мѣстн. мн., сохраняя свой главный признакъ -ch (изъ -chъ), обнаруживаетъ въ др.-сербскихъ памятникахъ колебаніе относительно предшествующаго этому признаку гласнаго: ср. кѣлѣзѣхъ (грам. 1391 г.). листѣхъ (грам. 1420 г.), листиехъ (иє=ѣ—въ грам. 1442 г.), листихъ въ грам. 1399 г., дворихъ (грам. 1391 г.), коних (грам. 1379 г.), царихъ (грам. 1365 г.) и трьгохъ (грам. 1240—1272 г.), инѡкохъ (грам. 1405—1427 г.), облакѡхъ (имен. облакѫ въ той же грам.), конехъ (грам. 1293—1302 г.), градокехъ (грам. 1357 г.), трьгокехъ (въ той же грам.) и т. п.

[Въ XVII в. находимъ формы дат. п. мн. ч. на -им въ значеніи мѣстн. п.: градовим, гријесим, дарим и т. п. и формы мѣстн. мн. на -има: вјетрима, послима, разговорима и т. п. (см. Ист. обл. 137 стр.).

Въ заключеніе должно отмѣтить, что въ чакавскомъ нарѣчіи старое различіе формъ дат., твор. и мѣстн. мн. ч. сохраняется до сихъ поръ: дат. мн. čāsom, vlāsōn, krovón; твор. čāsi, vlāsi, krovī; мѣстн. čāsīch, vlāsīch, krovich.

Основы на -о средн. рода.

§ 34. Склоненіе основъ на -о средняго рода отличается отъ склоненія тѣхъ же основъ муж. рода лишь въ им.-вин.-зв. ед. и мн. ч., каковое отличіе является исконнымъ.

	Единств. ч.		*Множ. ч.*	
Им.	сѐло	по̀ље	сѐла	по̀ља
Род.	сѐла	по̀ља	сѐлā	по̀љā
Дат.	сѐлу	по̀љу	сѐлима	по̀љима
Вин.	=им.	»	=им.	»
Зв.	=им.	»	=им.	»
Твор.	сѐлом	по̀љем	сѐлима	по̀љима
Мѣстн.	сѐлу	по̀љу	сѐлима	по̀љима

Такимъ образомъ, склоненіе это характеризуется тѣми же особенностями, что и склоненіе тѣхъ же основъ муж. рода (за исключеніемъ формы вин. п. мн. ч.): 1) флексіей -у (u) въ мѣстн. п. ед. ч. вмѣсто старыхъ -ě, -i (ср. др.-ц.-сл. селѣ, полѣ), которая явилась непосредственно

изъ -о-основъ муж. р., а первоначально принадлежала u-основамъ; 2) флексіей -ā въ род. п. мн. ч.; 3) флексіей -ima въ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч.

Развитіе этихъ особенностей шло совершенно параллельно развитію ихъ въ основахъ на -о муж. рода и подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣднихъ.

Еще въ XIV в. находимъ форму мѣстн. п. ед. ч. на -у: морю въ грам. 1348 г., мѣстѹ (=мѣсту) въ грам. 1387 г., кладанию въ той же грам., приморию въ грам. 1382 г. и т. п.

Форма gen. pl. на -ā датируется XV вѣкомъ: зрьна въ грам. 1436 г., 1441 г., зрна въ грам. 1466 г. и т. п.; но можно думать, что и въ XIV в. эта флексія имѣлась въ живомъ языкѣ, такъ какъ въ основахъ на -о муж. р. она въ это время—налицо (ср. выше, § 33).

Форма дат. мн. вродѣ дјелим и устима, дјелима, твор. мн. дјелим, крилим и дјелима, устима, мѣстн. мн. вратим, дјелим и дјелима, полима, морима находимъ въ XVI и XVII вв. (ср. Ист. обл. 97—98, 120—121, 137 сс.).

Основы на -а.

§ 35. Основы на -*а* (женскаго, рѣже мужескаго) рода, подобно -*о*-основамъ сохранили свое старое склоненіе, хотя и съ измѣненіями нѣкоторыхъ формъ.

	Единств. ч.		*Множ. ч.*	
Им.	жѐна	зѐмља	жѐне	зѐмље
Род.	жѐнē	зѐмљē	жѐнā	земāља
Дат.	жѐни	зѐмљи	жѐнама	зѐмљама
Вин.	жѐну	зѐмљу	жѐне	зѐмље
Зв.	жѐно	зѐмљо	жѐне	зѐмље
Твор.	жѐном	зѐмљōм	жѐнама	зѐмљама
Мѣстн.	жѐни	зѐмљи	жѐнама	зѐмљама

Въ приведеной схемѣ склоненія имѣемъ отраженіе двухъ разновидностей его: 1) съ твердымъ и 2) съ мягкимъ согласнымъ въ исходѣ основы. Однако старыя различія между этими двумя видами даннаго склоненія стерлись; мягкое склоненіе оказало вліяніе на твердое въ род., дат. и мѣстн. ед. ч. и им.-вин.-зв. множ. ч.; наоборотъ, твердое склоненіе повліяло на мягкое въ зват. и твор. ед. ч.: подъ вліяніемъ формъ зѐмљē (др.-ц.-сл. земли) род. п., зѐмљи дат. п. и зѐмљи мѣстн. п. (др.-ц.-сл. земѣи) явились формы жѐнē род. п. (съ новой долготой) и жѐни дат. и мѣстн. п. (ср. др.-ц.-сл. женꙑ род., женѣ дат. и мѣстн. п.); подъ вліяніемъ формъ жѐно зват. и жѐном твор. ед. явились формы зѐмљо

зват. и зѐмљōм твор. вмѣсто ожидаемыхъ зѐмље и зѐмљēм (ср. др.-ц.-сл. землѥ зват. и землѥѭ твор.). Во множ. ч. подъ вліяніемъ им.-вин.-зв. зѐмље (др.-ц.-сл. землѩ) явилось и жѐне им.-вин., жѐне зват. (ср. др.-ц.-слов. женꙑ).

Кромѣ того, мы видимъ въ этомъ склоненіи, какъ и въ склоненіи -о-основъ добавочное -ā въ род. п. мн. ч. и совпаденіе въ одной формѣ дат., твор. и мѣстн. падежей.

По поводу формы род. п. мн. ч. должно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ именахъ этого склоненія имѣется окончаніе -ī: лāђи отъ лāђа (ладья), вр'сти отъ вр'ста (рядъ); въ первомъ изъ нихъ -ӣ является старымъ (ср. др.-ц.-сл. gen. pl. ладии; въ сербскомъ произошло стяженіе -ii въ -ī, но вмѣсто д явилось ђ подъ вліяніемъ иныхъ формъ: лāђа и т. д.); въ формѣ же вр'сти ӣ явилось подъ вліяніемъ лāђӣ и т. п.

Особаго объясненія требуетъ форма твор. п. ед. ч. жѐном, зѐмљом.

Уже въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ находимъ въ этой формѣ окончаніе -овь: въ грамотѣ 1189 г. правовь вѣровь, своевь воловь (своею волею), повеловь бановь (повеленіемъ бановымъ: повелꙗ банꙗ и т. п.); въ грам. 1234—1240 г. вѣровь, въ грам. 1234 г. лозовь, въ грам. 1198—1199 г. земловь и т. п. Конечное ь въ этихъ написаніяхъ не имѣетъ фонетическаго значенія: писцы ставили этотъ знакъ по традиціи, такъ какъ всѣ слова въ церк.-слов. правописаніи оканчивались знакомъ гласнаго или же ъ, ь.

Слѣдовательно, форму лозовь должно понимать, какъ *lozov или скорѣе *lozou̯ съ неслоговымъ u̯ или билабіальнымъ w. Форма эта явилась изъ *lozoi̯u (ср. др.-ц.-сл. лозоѭ) вслѣдствіе исчезновенія i̯ (lozou) и измѣненія конечнаго *u* послѣ гласнаго въ неслоговое.

Примѣчаніе. Подобныя формы твор. ед. ч., получившіяся такимъ же образомъ,—водоў, женоў (съ неслоговымъ u),—наблюдаются въ нѣкоторыхъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ.

Эти формы твор. п. на -ou̯, существовавшія, какъ мы видѣли, уже въ XII в., очень рано замѣнились формами на -ом, что можно объяснить вліяніемъ формъ твор. п. ед. ч. основъ на -о: ср. водомь въ грам. 1222—1228 г., свободомь въ грам. 1240—1272 г., силомь въ грам. 1336—1347 г. и т. п.

Столь же древни, какъ формы твор. п. ед. ч. на -ou̯ (затѣмъ на -om), также формы род. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч. твердыхъ основъ на -е: ср. въ грам. 1189 г. силе g. s., главе g. s., въ Вукановомъ Ев.—храмине 83б g. s., воде 16г gen. s., бесѣде 18а gen. s., суботе 21а g. s., клетьве 182г gen. s., године 177а, 172в; въ отрывкѣ апостола Гершковича

стѫгне вин. мн. VIII, 13 (им. ед. стьгна), жѹпе им. мн. и вин. мн. въ грам. 1222—1228 г., дрьжаве вин. мн. въ той же грамотѣ и т. п.

Съ XIV в. датируются формы дат. п. ед. и мѣстн. п. ед. ч. твердаго склоненія на и (і) въ памятникахъ, относящихся не только къ западному, но и къ южному нарѣчію: босни дат. ед. въ грам. 1333 г., воѥводи дат. п. ед. ч. въ грам. 1420 г., правди дат. ед. въ грам. 1451 г., жѹпи мѣстн. ед. въ грам. 1420 г., босни мѣстн. ед. въ грам. 1332 г., гори мѣстн. ед. 1420 г. и т. п.; въ грам. 1379 г., относящейся къ восточному нарѣчію, имѣемъ дат. ед. владици (отъ владꙑка).

Форма зват. п. отъ именъ мягкаго склоненія съ окончаніемъ -о (душо, змијо и т. п.) является въ концѣ XV вѣка (см. Ист. обл. 32 с.); форма род. п. мн. ч. на -ā съ XIV в.: жѹпа въ грам. 1391 г.

Форма дат. множ. ч. на -ам въ к. XV и нач. XVI в. замѣняется формой твор. мн. (Ист. обл. 99 с.): воде ногами моими нијеси дао у Ник. Ранины, к десетима дјевицами — у него же и т. п. Въ XVI в. форма дат. мн. оканчивается на -ама: тугама, косама и т. п. (Ист. обл. 100 с.). Въ то же время устанавливается форма твор. пад. на *-ама*: земљама въ грам. 1517 г., бесидама, женама у Будинича (Ispravnik 1582 г.) и т. п. Въ XVII в. наблюдается употребленіе въ значеніи мѣстн. п. мн. ч. формъ на *-ам* и на *-ами*, т. е. дат. мн. и твор. мн.

Въ чакавскомъ нарѣчіи формы дат., твор. и мѣстн. мн. ч. различаются до сихъ поръ: krȁvān дат. мн., krȁvami твор. мн., krȁvach мѣстн. мн. ч.

Основы на согласный.

§ 36. Основы на согласный лишь въ весьма незначительной мѣрѣ сохранили слѣды своего самостоятельнаго склоненія, а именно имена женскаго рода на *-р̱*.

	Единств. ч.		*Множ. ч.*	
Им.	мȁти	кħи̑	мȁтере	кħѐри̱
Род.	мȁтерē	кħѐри̱	мȁтēра	кħѐри̱
Дат.	мȁтери	кħѐри̱	мȁтерама	кħѐрима
Вин.	мȁтер	кħе̑р	мȁтере	кħѐри̱
Зват.	мȁти	кħѐри	мȁтере	кħѐри
Твор.	мȁтерōм	кħѐрју (кħѐри)	мȁтерама	кħѐрима
Мѣстн.	мȁтери	кħѐри	мȁтерама	кħѐрима

Въ этомъ склоненіи сохранены старыя формы имен. ед. ч., вин. ед. ч., дат.-мѣстн. ед., въ имени мати также старыя формы род. ед., зв. ед. и им.-вин. мн. ч., въ имени кħи̑ —старая форма твор. п. ед. (ср. др.-ц.-сл.

дъштериѭ). Въ твор. п. ед. ч. (мȁтерōм) и род. мн. (мȁтēрā) отъ имени мȁти сказалось вліяніе именъ съ основой на -а (ср. жѐнōм твор. ед., жéнā род. мн. ч.). Въ формѣ род. ед. и им.-вин. мн. ч. кhѐри и формѣ род. п. мн. ч. кhѐрӣ, наоборотъ, сказалось вліяніе основъ на -і (ср. род. ед., им.-вин. мн. ч. ствȁри, род. мн. ствáри).

Точно такъ же форма дат.-твор.-мѣстн. множ. ч. мȁтерама примыкаетъ къ склоненію *а*-основъ (жѐнама), а форма тѣхъ же падежей кhѐрима—къ склоненію *і*-основъ (ср. ствáрима).

Въ памятникахъ XVI вѣка встрѣчается форма твор. мн. ч. кhерам (у Градича 1567 г. Libarce....), въ XVII вѣкѣ—кhерима (Put od raja Андриjашевича).

Къ основамъ на согласный женск. рода въ своемъ склоненіи примыкали имена съ первоначальной основой на -ū, какъ *сьr̥ky, *luby, *kry. Всѣ эти имена въ сербскомъ потеряли свое старое склоненіе; *сьr̥ky перешло въ склоненіе основъ на -ā (цр̑ква), кр̑в—кр̑ви и љу̏бав—въ склоненіе *і*-основъ; въ значеніи *жена* употребляется наклоняемое љу̏би.

§ 37. Основы на согласный муж. р. въ литературномъ языкѣ потеряли старую форму имен. п. ед. ч. и потому совершенно примкнули къ склоненію *о*-основъ муж. рода: kȁmēn—kȁmena—kȁmenu и т. д.; такъ же—krȅmēn, plȁmen. Въ южныхъ говорахъ сохраняется старая форма им. ед. ч. kȁmi (прасл. *kamy), а также употребляются сокращенныя формы kȁm, krȁm, plȁm. Въ др.-сербскихъ памятникахъ находимъ **камы** (въ Житіи св. Симеона—Саввы), **ками** (въ грам. 1234—1240 гг.) и камен, пламен (Ист. обл. 11 с.). Переходъ этихъ именъ въ склоненіе *о*-основъ датируется уже др.-сербскими памятниками: род. п. ед. ч. **корена** въ грам. 1400 г., дана (дня) въ грам. Кашича (1638 г.), камена у Ник. Ранины (1503 г.); дат. п. ед. ч. камену—у Ник. Ранины и т. п.

Примѣчаніе. Отъ именъ на -inъ, которыя во множ. ч. склонялись, какъ основы на согласный, въ др.-сербскихъ памятникахъ встрѣчаются интересныя формы дат. мн. ч. и мѣстн. мн. ч.: **гра±амь** дат. мн. въ грам. 1189 г. (отъ граħанин—им. мн. ч. граħане); **дѹбровьчамь**—въ той же грамотѣ; **дѣчахь** въ грам. 1330 г. (им. мн. **дѣчане**), **дѹбровчами** тв. мн. ч. въ грам. 1433 г.—при **гра±аномь** въ грам. 1423 г., **дѹбровчани** твор. множ. въ грам. 1387 г., **дѹбровчанехь** въ грам. 1247 г. Повидимому, формы **дѹбровьчамь, дѹбровчами** и т. п. являются отраженіемъ весьма древнихъ прасловянскихъ падежныхъ образованій отъ именъ съ основой на согласный, въ которыхъ окончанія присоединялись непосредственно къ основѣ на согласный (*gordjan-mъ, *gordjan-mi, *gordjan-chъ, откуда затѣмъ *gordjamъ, *gordjami, *gordjach).

§ 38. Основы на согласный средняго рода также потеряли свое особое склоненіе и могутъ быть въ отдѣльныхъ случаяхъ отличены отъ

o-основъ средняго рода только благодаря тематическимъ согласнымъ, имѣющимся въ косвенныхъ падежахъ и отсутствующимъ въ им. ед. ч.

	Единств. ч.			*Множ. ч.*		
Им.-В.-Зв.	плёме,	тѐле,	нёбо.	племѐна,	—,	небѐса.
Родит.	плёмена,	тѐлета,	нёба.	племѐнā,	—,	небѐсā.
Дат.	плёмену,	тѐлету,	нёбу.	племѐнима,	—,	небѐсима.
Твор.	плёменом,	тѐлетом,	нёбом.	=дат.	—,	=дат.
Мѣстн.	плёмену,	тѐлету,	нёбу.	=дат.	—,	=дат.

Примѣчаніе. Отъ слова тѐле множ. число неупотребительно; вмѣсто *telèta говорятъ тѐлци (тельцы). Окончанія иныхъ именъ съ первоначальнымъ суффиксомъ -nt—тѣ же, что въ именахъ вродѣ плёме.

Въ словѣ нёбо, какъ видимъ, старый суффиксъ -es исчезъ во всѣхъ формахъ единств. числа и сохранился лишь во множ. числѣ (какъ и въ русскомъ).

Отъ словъ čūdo и tijelo употребляются формы множ. числа какъ съ суффиксомъ -es, такъ и безъ него: чудѐса им.-вин. мн., чудѐсā род. мн., чудѐсима дат.-твор.-мѣстн. и чу̏да—чу̏да—чу̏дима; тјелѐса—тјелѐсā—тјелѐсима и тијела (tijela)—тијелā (tijela)—тијелима (tijelima).

По образцу именъ на согласный средняго рода,—съ суффиксомъ *-ет*, склоняются нѣкоторыя имена, къ этимъ основамъ первоначально не относившіяся: такъ, отъ јāје (яйцо) род. ед.—јāја или јāјета, отъ у́же (канатъ,—ср. др.-ц.-сл. **жже**) род. ед.—у́жа и ужѐта; отъ др̏во род. ед.—др̏ва и др̏вета, а во множ. ч. др̏ва значитъ дрова, а дрвѐта—деревья. По этой же схемѣ склоняется заимствованное турецкое та́не—род. ед. ч. та́нета (нуля).

Переходъ именъ съ основой на согласный средняго рода въ склоненіе *-o*-основъ датируется древними сербскими памятниками: ср. **племена** род. ед. въ грам. 1332 г. и грам. 1373 г., **крѣмена** род. ед. въ грам. 1419 г., **племену** 1419 г. дат. ед., имену дат. ед. у Ник. Ранины. **крѣменѣ** мѣстн. ед. ч. въ грам. 1427 г. и грам. 1433 г. и т. п.

§ 39. *Формы род. п. мн. ч. на -ā и дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. на -ма.*

Сдѣланный обзоръ сербскаго именного склоненія необходимо заключить нѣсколькими замѣчаніями общаго характера: о формѣ род. п. мн. ч. на -ā, о формахъ дат.-тв.-мѣстн. мн. ч. и о формахъ двойств. числа.

Окончаніе -ā въ род. п. мн. ч., которое мы видимъ въ склоненіи именъ муж., средняго и женскаго рода съ основой на -a, не разъ пытались объяснить, но и до сихъ поръ флексія эта является въ смыслѣ своего происхожденія загадочной.

Формы род. п. мн. ч. на -ā, какъ мы видѣли выше (§§ 33, 34, 35), являются сравнительно поздно: древнѣйшіе примѣры (синока, колока) относятся къ первой половинѣ XIV вѣка; слѣдовательно, форма на -ā возникла не раньше 2-й половины XIII вѣка, когда *конечнаго* **ъ** (**ь**) не существовало. На относительно позднее возникновеніе этой формы указываютъ и нѣкоторыя характерныя черты этой формы: въ ней не только конечное -ā, но и гласный предшествующаго слога является долгимъ: ко́ньā, jȅлēнā, ора́чā, сȅлā, ко́ньā, име́нā, же́нā и т. д. Это удлиненіе гласнаго предшествующаго слога, если онъ былъ краткимъ, очевидно, произошло по отпаденіи конечныхъ **ъ**, **ь**, когда еще конечнаго -ā не было: такое же указаніе даютъ формы вродѣ рȅбāрā, седа́лā, стаба́лā (отъ рȅбро, сȅдло, ста́бло): *-а* предпослѣдняго слога явилось изъ новаго **ъ**, которое могло развиться въ формѣ род. мн. по отпаденіи конечнаго **ъ** (**ь**), но не въ формѣ съ конечнымъ -ā,—въ формѣ *sedl, *rebr, *stьbl (—*sedъl, *rebъr, *stьbъl, затѣмъ sedal, rebar, stabal и, наконецъ, съ новымъ *а* sedálā, съ нефонетической долготой предпослѣдняго слога).

Изъ различныхъ толкованій формы gen. pl. на -ā все же менѣе другихъ встрѣчаетъ затрудненій чаще другихъ повторяемое объясненіе вокализаціей конечнаго **ъ** формы этой въ тѣхъ случаяхъ, когда она была въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующимъ словомъ, первый слогъ котораго содержалъ **ъ** или **ь**: въ сочетаніи, напр., *sestrъ—zъlyjichъ конечное **ъ** перваго слова должно было сохраняться и позже дать *а*; это *а* подъ вліяніемъ формъ на -ī отъ *i*-основъ получило затѣмъ долготу, т. е. получалось *sestrā—zlich; въ иныхъ случаяхъ имѣлась форма sestár; путемъ контаминаціи одной и другой формы получилась форма сеста́рā. Это объясненіе вызываетъ сомнѣнія въ томъ отношеніи, что такія сочетанія, въ которыхъ фонетически получалось *-а* изъ конечнаго **ъ** (**ь**), были сравнительно рѣдки; формы имен. и вин. п. ед. ч. основъ на *-о* муж. рода и им.-вин. основъ на *-i* муж. и ж. р. находились въ подобныхъ же условіяхъ, однако въ нихъ подобнаго развитія конечнаго **ъ**, **ь** въ *а* не замѣчаемъ.

Однако, иныя объясненія, которыя предложены были въ наукѣ относительно формы род. мн. на -ā, еще менѣе убѣдительны.

Болѣе другихъ привлекательна мысль о возможности образованія формы род. мн. на -ā: konjā, junakā при род. ед. konja, junaka по аналогіи отношеній gosti род. ед.—gostī род. мн. ч.

Однако формы род. ед. ч. на -i (gosti) стали вытѣсняться формами на *-а* (gosta) очень рано (ср. § 31).

Примѣчаніе. Ср. по вопросу о род. мн. на -ā спеціальную статейку Ильинскаго «Одинъ случай грамматической аналогіи въ сербскомъ языкѣ» въ

Новомъ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, составленномъ учениками В. И. Ламанскаго (1905 г.), гдѣ вкратцѣ указаны существующіе на эту форму взгляды. Собственное объясненіе Ильинскаго (изъ -ьјь. откуда -ā̆j, затѣмъ -ā̆) страдаетъ искусственностью и не обосновываетъ отпаденія конечнаго -j. О работѣ Karlgren'a «Sur la formation du génitif en serb.» 1911 г.—ср. Meillet R. cr. 1912. LXXIV, 462 с.

Что касается формы дат.-твор.-мѣстн. множ. ч. на *-ма*, то главную роль въ образованіи этой общей формы играло синтактическое совпаденіе формъ дат., твор. и мѣстн. мн. ч.; совпаденіе это, вѣроятно, явилось подъ вліяніемъ совпаденія дат. и твор. въ двойств. числѣ и дат. и мѣстн. въ единств. числѣ. Самое окончаніе -ma, повидимому, перенесено изъ двойств. числа.

Двойств. число.

§ 40. Сербскій языкъ, какъ большинство словянскихъ языковъ, утратилъ грамматическую категорію двойств. числа. Но старыя формы двойств. числа, хотя и не сознаваемыя въ качествѣ таковыхъ, въ отдѣльныхъ именахъ существуютъ въ сербскомъ языкѣ и въ настоящее время. Такъ, отъ именъ ȍко и ȕхо въ значеніи множ. ч. употребляются формы двойств. числа: им.-вин.-зв. очи, уши; род. мѣстн. очију, ушију; дат.-твор. очима—ушима,—ср. др.-ц.-сл. формы дв. ч. отъ око, ѹхо: очи, ѹши — очию, ѹшию — очима, ѹшима. Старую форму им.-вин. двойств. числа представляетъ плѐћи, пр̏си (перси—грудь), старую форму род.-мѣстн. дв. ч. представляютъ употребляющіяся въ значеніи род. множ. ч. формы кȍстију, пр́сију и т. п. (см. выше, § 32). Старую форму им.-вин. дв. ч. представляютъ формы именъ въ сочетаніи съ числительнымъ: два̑ кȍња, три̑ кȍња, чѐтири кȍња и т. п., причемъ сочетанія три̑ кȍња и чѐтири кȍња и т. п. явились по аналогіи два̑ кȍња и т. п.

Формы двойств. числа правильно употребляются въ сербскихъ памятникахъ до конца XIV в.: ср. въ грам. 1357 г.—властелинома царьства ми, Властꙋ Варинчелꙋ Виколичикю и Трипетоу Михокикю Вꙋкикю, въ грам. 1395 г.—и негокима братома Тврьдкꙋ и Стипанꙋ и т. п.

Съ XV вѣка формы двойств. числа замѣтно выходятъ изъ употребленія, замѣняясь формами множ. числа. Въ это время формы двойств. числа нерѣдко сочетаются съ формами множ. числа: изь нашихь рꙋкꙋ въ грам. 1427 г.; вмѣсто ожидающихся по смыслу формъ двойств. числа ставятся формы множ. числа: и негових синова (род. мн. ч.), кнеза Владислава и кнеза Влатка. Такіе случаи можно найти уже въ памятникахъ конца XIV вѣка, какъ напр.—сь прѣвьзлюбленними синови кралевьства ми, Маркомь и Андрѣашемь.

Мѣстоименное склоненіе.

Личныя мѣстоименія (и возвратное).

§ 41.

Единств. число.

Имен.	jâ	ти (tî)	—
Род.	мѐне, ме	тѐбе, те	сѐбе
Дат.	мѐни, ми	тѐби, ти	сѐби (си)
Вин.	мѐне, ме	тѐбе, те	сѐбе, се
Зват.	—	ти (tî)	—
Твор.	мнòм, мнóме	тòбòм	сòбòм
Мѣстн.	мѐни	тѐби	сѐби

Множ. число.

Имен.	ми (=mî)	ви (=vî)
Род.	нâс, нас	вâс, вас
Дат.	нâма, нам	вâма, вам
Винит.	нâс, нас	вâс, вас
Зват.	—	ви (=vî)
Твор.	нâма	вâма
Мѣстн.	нâма	вâма

Въ приведенной схемѣ формы род. и вин. ед. ч. ме, те, се, дат. ед. ми, ти, си, род. и вин. мн. нас, вас, дат. мн. нам, вам суть формы энклитическія. Сравнивая склоненіе это съ др.-ц.-словянскимъ, которое лучше всего сохранило прасловянскую старину, находимъ слѣдующія отступленія: 1) въ значеніи род. п. употребляется энклитическая форма винит. падежа ме, те; 2) въ ф.ф. дат. п. ед. ч. мѐни, тѐби, сѐби вмѣсто окончанія -ѣ явилось -и (ср. др.-ц.-сл. мънѣ, тебѣ, себѣ),—вѣроятно, подъ вліяніемъ энклитическихъ формъ *ми, ти, си;* кромѣ того, въ формѣ мѐни основа *mъn- замѣнилась основой *men-, перенесенной сюда изъ формы род. и вин. падежей подъ вліяніемъ отношеній тѐбе—тѐби и сѐбе—сѐби; 3) въ формахъ твор. п. ед. ч. мнòм, тòбом, сòбом отражаются тѣ же процессы, что и въ формѣ твор. ед. вòдом и т. п. (ср. § 35): въ др.-сербскомъ мнокь, тобокь; 4) въ мѣстн. п. ед. ч. имѣемъ тѣ же измѣненія, что и въ дат. ед. ч.; 5) въ формѣ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. нâма, вâма отражаются тѣ же процессы, что и въ подобныхъ формахъ дат.-твор.-мѣстн. именного склоненія.

Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ находимъ форму дат.-мѣстн. ед. ч. мѐне, тѐбе, сѐбе, гдѣ *е*, повидимому, отражаетъ старое ѐ (см. D. Štok. Dial., 186 c.).

Въ Черногоріи употребляются энклитическія формы ni—vi для дат. мн. ч. и ne—ve для вин. п. мн. ч.: формы ni—vi соотвѣтствуютъ др.-ц.-словянскимъ формамъ вин. мн. нѫ, кѫ, которыя въ нѣкоторыхъ ц.-сл. памятникахъ употребляются также какъ энклитическія формы дат. мн. ч.; формы ne—ve суть сербскія новообразованія по образцу формъ ед. ч. me, te или мѣстоименныхъ формъ вин. мн. на -е (ср. § 42).

Въ чакавскомъ нарѣчіи сохраняется различіе между дат., твор. и мѣстн. мн. ч. (nȃn, nȃmi, nȃs).

Форма дат. п. ед. ч. съ основой мен- является въ сербскомъ уже въ XIV вѣкѣ: мене въ грам. 1399 г., мени въ грам. 1419 г.; тєби находимъ въ гр. 1419 г., сєби—въ грам. 1400 г. Формы мнобь, тобобь находимъ въ XIII в.: тобобь въ грам. 1234—1240 г. (Monum. Serb. № XXVIII), мнобь въ грам. 1234—1240 г. (Monum. Serb. № XXXIII); форма мномь датируется грамотой 1357—1367 г., собомь—грам. 1453 г.

Форма мноме, тобоме, собоме съ новымъ -е неяснаго происхожденія наблюдается съ XVI вѣка.

Примѣчаніе. Ср. объ этомъ -е у Белича «Прилошци истор. слав. језика». Глас LXII, 210 и сл. Беличъ объясняетъ это -е вліяніемъ частицы ре—р (ср. јере и јер). Ср. замѣчанія Ильинскаго и Ягича въ Arch. XXVII, 1в. 73—79 сл.

Форму мѣстн. п. ед. ч. мени находимъ въ грам. 1442 г., сєби—въ грам. 1450 г. Форма дат. п. мн. ч. нама, кама появляется съ XV вѣка, а та же форма въ значеніи твор. мн. ч.—съ XIV вѣка, въ значеніи же мѣстн. п. мн. ч. гораздо позже,—въ XVII в. (ср. Ист. обл. 219—221 с.).

Энклитическая форма дат. мн. ни, ви встрѣчается въ очень древнее время: ср. ни въ грам. 1253 г., ви въ грам. 1240 г.

Формы ne, ve явились въ самое позднее время.

Мѣстоименія личныя.

§ 42. Мѣстоименія указательныя, вопросительныя, относительныя и притяжательныя искони отличались въ своемъ склоненіи отъ мѣстоименій личныхъ. Эти мѣстоименія и представляли собственно мѣстоименное склоненіе, имѣвшее вліяніе на склоненіе сложное и отчасти именное.

Единств. число.

Имен.	tȃj	tô	tâ
Род.	tôgā (tôg)	=м. р.	tê
Дат.	tômē, tômu, tôm (м. и ср. р.)	tôj	
Вин.	=им. или род.	tô	tu (=tîû)
Твор.	tim (=tîm), tijem (=tîjem)—м. и ср. р. tôm—ж. р.		
Мѣстн.	tômē, tôm=м. р.	tôj	

Множ. число.

Имен.	ти (=tî) тâ (ср. р.) тê (ж. р.)
Род.	тих (=tîch) или тијех (tîjech) для всѣхъ родовъ
Дат.	тим, тима, тијем (=tîm, tîma, tîjem) для всѣхъ род.
Вин.	тê (муж. р.) тâ (ср. р.) тê (ж. р.)
Твор.	=дат. п. (для всѣхъ родовъ)
Мѣстн.	=дат. п. (для всѣхъ родовъ).

Приведенная схема отражаетъ разновидность мѣстоименнаго склоненія съ твердымъ согласнымъ передъ гласнымъ основы. Образцомъ мягкаго склоненія можетъ служить склоненіе мѣстоименія ôн—ôна—ôно. причемъ формы им. п. ед. и мн. ч. всѣхъ родовъ должны быть исключены: первоначально къ род. п. *jego, *jejẹ формами имен. п. были—*ji—*je (ср. р.)—*ja, которыя очень рано исчезли и замѣнились формами им. п. мѣстоименія *onъ; это мѣстоименіе склонялось такъ же, какъ и *tъ.

Примѣчаніе. Въ формахъ њѐга, њѐму и т. д. њ получилось изъ слѣянія j формъ *jiть, *jeть съ *н* предшествующаго предлога въ сочетаніяхъ *vъn-jeть, *sъn-jiть и т. п.; эти сочетанія позже дѣлились въ сознаніи говорящихъ на *vъ-njeть, *sъ-njiть: изъ такихъ формъ, какъ—*njeть, *njiть—nj. давшее n′, было перенесено въ такія формы, какъ njego.

Единств. число.

Имен.	ôн (ōн)	ôно	ôна
Род.	њѐга (га)	=муж. р.	њê, је
Дат.	њѐму (му)	»	њôј, јој
Вин.	њѐга (га)	=им. п.	њŷ (је)
Твор.	њим (=njîm), њиме (=njîme)	=муж. р.	њôм, њóме
Мѣстн.	њѐму	»	њôј

Множ. число.

Имен.	ôни, ôна, ôне			
Род.	њих (=njîch), ich	для	всѣхъ	родовъ
Дат.	њима (=njîma), im	»	»	»
Вин.	=род. п.	»	»	»
Твор.	=дат. п.	»	»	»
Мѣстн.	=твор. п.	»	»	»

По приведеннымъ двумъ образцамъ склоняются иныя мѣстоименія напримѣръ, сâм—сáмо—сáма,—какъ тâј—тô—тâ (род. самóга—сáмē,

дат. сáмому—сáмоj и т. д.), мôj, твôj, свôj, нáш,—какъ ôн (мôjега, нáшега, мôjё, нáшё (ж. р.), мôjему, нáшему, мôjоj, нáшоj и т. д.).

Если сравнимъ приведенныя схемы мѣстоименнаго склоненія съ соотвѣтствующими праславянскими, какъ они отражаются въ др.-церк.-словянскомъ, то замѣтимъ слѣдующее.

Форма им. ед. ч. tâj представляетъ собою ta изъ праслов. *tъ съ прибавленіемъ мѣстоименія jь. которое дало здѣсь j.

Формы род. п. ед. ч. муж. и ср. рода tôga, ньѐга представляютъ измѣненіе старыхъ формъ togo, jego подъ вліяніемъ окончанія род. п. ед. ч. муж. и ср. рода именного склоненія (jѐлена, сѐла).

Форма tôg представляетъ собою утрату конечнаго -*a*, форма ga—энклитическая.

Форма род. п. ед. ч. ж. р. tê, ньѐ (jê) представляетъ результатъ стяженія (изъ toje, jeje: ср. др.-ц.-сл. тоѥ, ѥѥ).

Формы дат. п. ед. ч. ср. р. tômu, ньѐму старыя (форма му—энклитическая); вслѣдствіе смѣшенія формъ дат. и мѣстн. ед. ч. (подъ вліяніемъ именного склоненія jѐлену дат. и мѣстн. ед.) явилась въ функціи дат. п. форма мѣстнаго tôm, изъ которой затѣмъ помощью приставочнаго -*e* явилась форма tôme, причемъ долгота ê—явленіе вторичное: какъ и въ формѣ tôga, долгота конечнаго гласнаго появилась въ положеніи передъ приставочнымъ j въ формахъ togaj, tomuj,—ср. въ грамотахъ формы тогаи (грам. 1391 г.), ѡногаи (грам. 1387 г.), томѕи (грам. 1391 г.), ѣмѕи (грам. 1439 г.); ср. по этому вопросу у Белича «Прилошци».... (Глас LXII, 215 и сл.).

Примѣчаніе. Объ -*e* ср. выше примѣчаніе къ § 41 по поводу формы мнóме. Подъ вліяніемъ двойственности формы дат. п.—tômу и tôм могла явиться и сокращенная форма род. п. ед. ч. tôг при tôga.

Форма дат. п. ед. ч. ж. р. ньôj явилась вмѣсто древней—n-jej (др.-ц.-сл. ѥи) подъ вліяніемъ tôj.

Форма твор. п. ед. ч. тијем (tîjem) вполнѣ соотвѣтствуетъ праславянской *těmь (др.-ц.-сл. тѣмь), форма же тим (tîm)—новая, объясняющаяся вліяніемъ формы њим или же формы сложнаго склоненія жýтîм (ср. ниже, § 45); форма њим (njîm)—старая (ср. др.-ц.-слов. имь), а -*e* въ формѣ њиме (njime) объясняется такъ же, какъ и въ формѣ дат. п. ед. ч. tôme.

Формы твор. п. ед. ч. ж. р. tôm, ньôм получились изъ *tojǫ, *jejǫ такимъ же образомъ. какъ жѐном изъ *ženojǫ (ср. § 35); при этомъ ньôм

вм. ожидаемаго *њēм—подъ вліяніемъ тôм, а -е въ њóме по происхожденію аналогично тому же -е въ формахъ тôме, њиме.

Формы мѣстн. ед. ч. тôмē, тôм, њèму, тôј, њôј ясны послѣ того, что сказано о формахъ дат. п. ед. ч.

Формы множ. ч. представляютъ меньше матеріала для замѣчаній. Форма им. мн. ж. р. тê, óне и вин. мн. тê (муж. и ж. р.) вм. ожидаемаго ти, они (др.-ц.-сл. тꙑ, онꙑ) получились въ виду такихъ же формъ именного склоненія: јèлене, жèне.

Формы дат., твор. и мѣстн. мн. ч. совпали въ одной такъ же, какъ и въ именномъ склоненіи. Формы тих, тим, тима=tîch, tîm, tîma имѣютъ гласный і вм. рефлекса ѣ (ср. др.-ц.-сл. тѣмъ, тѣми, тѣхъ) по образцу их, им, њима или формъ сложнаго склоненія: жýтих, жýтим, жýтима; формы tïjech, tïjem—старыя.

Въ чакавскихъ говорахъ встрѣчаемъ форму tâ им. п. ед. ч. м. р.; въ формахъ род. и дат. является долгота гласнаго *о*: tóga, tómu подъ вліяніемъ сложнаго склоненія; во множ. ч. форма им. п. ср. р. совпадаетъ съ формой им. п. жен. рода: tê; формы дат., твор. и мѣстн. мн. ч. сохраняютъ свое старое различіе: tín, tími, tích: такъ же - njín, njïmi, njïch.

Древне-сербскіе памятники датируютъ значительную часть особенностей, которыми отличается современное сербское склоненіе мѣстоименій неличныхъ.

Род. ед. ч. м. и ср. р. на -а находимъ уже въ грам. 1198—1199 г. (всакога); ср. кога въ грам. 1254—1256 г.

Род. ед. ч. ж. р. те отмѣченъ въ грам. 1293—1302 г. (црькве те).

Формы дат. ед. м.-ср. рода, тожественныя формѣ мѣстн. п., появляются съ XV в.; ср. ка свакомь нашемꙋ въ грам. 1442 г.; въ томъ же XV в. являются формы на -е, какъ неме въ грам. 1465 г.

Форма дат. п. ед. ч. жен. рода нои датируется грамотой 1442 г., но еще раньше встрѣчаемъ нѡи (=јој)—въ грам. 1395 г., всои въ грам. 1240—1272 г.

Твор. п. ед. ч. м. р. съ новымъ -е отмѣченъ въ др.-сербскихъ памятникахъ XIV в.: тѣмеи (съ прибавочнымъ е+ј) въ грам. 1347 г., ниме въ грам. 1379 г.

Форма твор. п. ед. ч. жен. р. на -м наблюдается съ XIII вѣка: сь всакомь свободомь въ грам. 1240—1242 г.

Въ формѣ мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. приставочное -е находимъ въ XV вѣка: томе въ грам. 1416 г., ѡвомеи (съ прибавочнымъ ј послѣ е) въ грам. 1432 г., ѡноме въ грам. 1432 г. Форма дат. п. въ значеніи мѣстнаго встрѣчается еще раньше: ѡ нашемꙋ спасению въ грам. 1347 г. и т. п.

Форма мѣстн. п. ед. ч. жен. р. нои (ньōj)—въ грам. 1391 г., грам. 1420 г. (13 мая и 16 авг.).

Форма вин. мн. ч. тѣ—на-лицо уже въ Вукановомъ Ев.: ѣь тѣ дни 126б, ѣь тѣ дни 112в, 77б; ине мьногы 133а.

Формы дат. мн. на *-ма* наблюдаются съ к. XV и нач. XVI вѣка, формы твор. мн. на *-ма*—съ XIV в., только въ формахъ мѣстн. мн. это окончаніе появляется гораздо позже—въ XVII вѣкѣ (см. Ист. обл. 196, 206, 212 с.).

§ 43. Вопросительное мѣстоименіе *кто* имѣетъ въ сербскомъ форму кō или ткō (ср. нитко въ грам. 1321—1336 г.), а мѣстоименіе *что*—штō или штā, а въ чакавскомъ čā; штā является формой род. п. при имен. штō, получившейся по аналогіи сѐло : сѐла (ср. ницıа уже въ грам. 1195—1228 г.); чакавское čā получилось изъ *čь фонетически (ь подъ ударéніемъ дало *a*); кайкавское kaj получилось изъ *kъ-jь. Склоненіе вопросительныхъ мѣстоименій имѣетъ слѣдующій видъ:

Имен.	кō (ткō)	штō, штā
Род.	кòга	чѐга, штā
Дат.	кòму (кòме)	чѐму
Вин.	=род.	=род. п.
Твор.	ким (=kīm), кӣјем, киме (=kíme)	чим (čīm), чиме (=číme)
Мѣстн.	кōм, кòме	чѐм, чѐму.

Въ формѣ твор. п. ким и кијем *к* явилось подъ вліяніемъ иныхъ падежей вмѣсто ц (ср. др.-ц.-сл. цѣмь); форму *ким* ср. съ *тим*.

Въ чакавскомъ склоненіе вопросительныхъ мѣстоименій имѣетъ свои интересныя особенности: вм. kō—kī (ср. др.-ц.-сл. кыи, русс. *кой*); отъ čā род. п.—česā (ср. др.-ц.-сл. чесо=праслов. *česo).

Примѣчаніе. О серб. kō и tkō ср. Ильинскаго «Какъ возникло сербское kō» въ Сборникѣ въ честь Фортунатова (1900 г.).

Склоненіе прилагательныхъ.

§ 44. Прилагательныя искони имѣли два различныхъ склоненія: прилагательныя въ краткой формѣ (нечленной) склонялись, какъ существительныя (*o*-основъ въ муж. и ср. рода и *a*-основъ въ женск. р.); прилагательныя въ полной формѣ (членной) представляли особый типъ сложнаго склоненія: *dobrъ-jь, *dobra-ja, *dobro-je, *dobra-jego, *dobry-je, *dobru-jemu и т. д.

Сербскій языкъ сохранилъ два вида склоненія прилагательныхъ, однако первый типъ,—именного склоненія прилагательныхъ, сохранился не вполнѣ: нѣкоторыя формы замѣнились соотвѣтствующими формами сложнаго склоненія.

Единств. ч.

Им.-Зв.	жу̑т	жу́то	жу́та
Род.	жу́та	=м. р.	жу́тē
Дат.	жу́ту	=м. р.	жу́тōj
Вин.	=им. или род.	=им.	жу́ту
Твор.	жу́тӣм, жу́тијем	=м. р.	жу́том
Мѣстн.	жу́ту	=м. р.	жу́тој

Множ. ч.

Им.-Зв.	жу́ти	жу́та	жу́те
Род.	жу́тӣх, жу́тијех	=м. р.	=м. р.
Дат.	жу́тим, жу́тӣма, жу́тијем	=м. р.	=м. р.
Вин.	жу́те	=им. п.	жу́те
Твор.	=дат. п.	=дат. п.	=дат. п.
Мѣстн.	=дат. п.	=дат. п.	=дат. п.

Такимъ образомъ, старыя (именныя) формы этого склоненія замѣнены формами сложнаго склоненія въ слѣдующихъ падежахъ: дат. ед. ж. р. жу́тој (ср. жѐни), твор. ед. ч. муж. и ср. р. жу́тӣм или жу́тијем (ср. јѐленом, сѐлом), род. мн. ч. жу́тӣх, жу́тијех (ср. јѐленā, сѐлā, жѐнā), въ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. жу́тӣм, жу́тӣма (ср. јѐленима, сѐлима, жѐнама). Формы род. мн. ч. жу́тијех, дат. мн. жу́тијем явились подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ tijeh, tijem (ср. выше, § 42).

§ 45. Сложное склоненіе прилагательныхъ значительно измѣнило свой первоначальный видъ, въ какомъ оно является, напримѣръ, въ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ, подвергшись вліянію со стороны мѣстоименнаго склоненія.

Единств. ч.

Имен.	жу̑тӣ	жу̑тō	жу̑тā
Род.	жу̑тōга, жу̑тог	=муж. р.	жу̑тē
Дат.	жу̑тѹ̄ме (жу̑тому) жу̑тѹ̄м	» »	жу̑тōj
Вин.	=им. или род.	=им.	жу̑тѹ̄
Твор.	жу̑тӣм, жу̑тијем	=муж. р.	жу̑том
Мѣстн.	жу̑тѹ́ме, жу̑тѹ̄м	» »	жу̑тōj

Множ. ч.

Имен.	жу̑тӣ	жу̑тā	жу̑тē
Род.	жу̑тӣх, жу̑тијех для всѣхъ родовъ		
Дат.	жу̑тӣм, жу̑тӣма, жу̑тијем для всѣхъ родовъ		
Вин.	жу̑тē	=имен.	жу̑тē
Твор.	=дат. п. для всѣхъ родовъ		
Мѣстн.	=дат. п. для всѣхъ родовъ.		

Сходно склоняются прилагательныя съ мягкимъ согласнымъ въ исходѣ основы

Им.	вру̑ĥӣ	— вру̑ĥē	— вру̑ĥā	
Род.	вру̑ĥēга	— вру̑ĥēга	— вру̑ĥē	
Дат.	вру̑ĥēму	— вру̑ĥēму	— вру̑ĥōј	и т. д.

Гласный *е* вм. *о* въ основѣ является въ им.-вин. ед. ч. ср. рода и въ род., дат., мѣстн. ед. ч. муж. и ср. р. Остальныя формы одинаковы.

Въ этомъ склоненіи нѣкоторыя формы являются старыми, только измѣненными силою фонетическихъ законовъ. Такъ, формы им. п. ед. ч. жу̑тӣ, жу̑тā, жу̑тō объясняются стяженіемъ изъ формъ *žьl̥tyjь̆, *žьl̥ta-ja, *žьl̥toje; также форма твор. ед. ч. жу̑тӣм правильно соотвѣтствуетъ др.-ц.-словянской жльтꙑимь (праслов. *žьl̥ty-jimь : -yji- дало ī); форму род. п. мн. ч. жу̑тӣх ср. съ др.-ц.-сл. жльтꙑихъ, форму дат. м. жу̑тӣм—съ формой жльтꙑимъ, форму имен. мн. жу̑тӣ съ формой жльтии, форму твор. ед. ч. ж. р. жу̑тōм съ жльтоѭ.

Однако другія формы явно не соотвѣтствуютъ праславянской старинѣ, какъ она отражается въ др.-ц.-словянскихъ памятникахъ, и сформировались подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ формъ: ср. жу̑тōга и др.-ц.-слов. жльтаѥго или жльтааго (-aje- не могло дать ō), жу̑тōму и др.-ц.-слов. жльтоуѥмоу или жльтоуоумоу (-uje- также не могло дать ō), жу̑тијем (твор. ед.) и др.-ц.-сл. жльтꙑимь (-yji- не могло дать ě, изъ котораго -ije), жу̑тōм мѣстн. ед. и др.-ц.-сл. жльтѣмь (-ěje- не могло дать ō), жу̑тōј дат. и мѣстн. ед. ч. ж. р. и др.-ц.-сл. жльтѣи, жу̑тијех род. мн. и жльтꙑихъ.

Всѣ эти формы сложились по образцу мѣстоименныхъ: tōgā, tōmu, tijem (tījem), tōm, tōj, tijex (=tījech), причемъ формы жу̑тōга, жу̑тōму представляютъ контаминацію исчезнувшихъ болѣе старыхъ формъ на -āgo, -ūmu и новыхъ на -ogo, -omu: вторыя получили свою долготу изъ первыхъ.

Форма род. ед. жен. р., вин. мн. муж. и жен. р., им. мн. жен. р. жу̑тѣ восходитъ къ *žltyję и параллельна мѣстоименной тѣ.

Отношеніе формъ жу̑тѣмъ, жу̑тѣму и жу̑тѣме таково же, какъ и отношеніе формъ тѣмъ, тѣму и тѣме (ср. § 42).

Исторически вліяніе мѣстоименнаго склоненія на сложное въ сербскомъ языкѣ датируется весьма древней эпохой: уже въ грам. 1189 г. находимъ форму зьлога, въ грам. 1198—1199 г. велиега, грьчькога, въ грам. 1234—1240 г. чистога, въ грам. 1100—1200 г. дѫбровьчькомѫ и правомѫ, въ грам. 1198—1199 г. светои (дат. ед. жен. рода), въ грам. 1222—1228 г. грѣшьнѣмь твор. ед. м. р., въ грам. 1234—1240 г. чистѣмь твор. ед., въ грам. 1198—1199 г. страшьномь мѣстн. ед., въ той же грамотѣ светои мѣстн. ед. жен. р., въ грам. 1399 г. добрѣхъ род. мн. ч. Формы мѣстн. ед. м. р., тожественныя формѣ дат. ед., встрѣчаются нерѣдко въ XV вѣкѣ: ка светоумѫ въ грам. 1432 г., ѫ блатѫ скадарскомѫ въ грам. 1454 г. и т. п.

Степени сравненія.

§ 46. Формы сравнит. степени въ праславянскомъ, судя по даннымъ др.-ц.-славянскаго и другихъ славянскихъ языковъ, образовались двоякимъ образомъ: 1) помощью суффикса -jьs- и 2) помощью суффикса -ějьs-.

Въ первомъ случаѣ формы им. п. ед. ч. имѣли окончанія: -jĭ—i̯ĭ (изъ -jь+-i̯ь), -jьš-i, -je, т. е. форма им. п. ед. ч. м. р. потеряла s суффикса и получила прибавочное -i̯ь (мѣстоименіе), форма им. ед. ж. р. получила суффиксъ -i̯ā на ступени редукціи, т. е. ī (s дало послѣ ь—ch, а затѣмъ передъ i—š); форма же ср. рода представляетъ иное образованіе—ча -je.

Во второмъ случаѣ форма им. п. ед. муж. р. получилась изъ -ějьs вслѣдствіе отпаденія s. т. е. оканчивалась на -ějĭ, формы же жен. и ср. р. отличались отъ формъ перваго вида лишь гласнымъ ě, т. е. оканчивались на -ějьši (-ějĭši), -ěje.

Примѣчаніе. Ср. др.-ц.-сл. формы болии—больши—болѣ и новѣи—новѣиши—новѣѥ.

Въ сербскомъ языкѣ первому способу образованія сравн. степени соотвѣтствуетъ образованіе сравн. степени помощью окончаній -ī, -ē, -ā: мла̑ђӣ—мла̑ђē ср. р.—мла̑ђā ж. р.; суффиксальный j сливается въ такихъ формахъ съ предыдущимъ согласнымъ согласно законамъ сербской фонетики, т. е. dj даетъ ђ, tj—ћ, lj—љ, nj—њ, bj—бљ и т. д.: ја̑к (сильный)—ја̑чӣ, бла̑г—бла̑жӣ, дра̑г—дра̑жӣ, љу̑т—љу̑ћӣ, бијел (bijel)—бје̑љӣ, гру̑б—гру̑бљӣ, чр̑н—чр̑њӣ, бр̑з—бр̑жӣ, су̑х—су̑шӣ и т. п.

Форма имен. ед. ч. муж. р. правильно соотвѣтствуетъ праславянской: *bolj̆ĭj̆ĭ=серб. бо̑љӣ,—со стяженіемъ -ĭ(j̆)ĭ въ -ӣ, форма средняго рода (ср. др.-ц.-сл. болѥ) получила долготу ē нефонетически,—подъ вліяніемъ отношеній формъ им. п. муж. и ср. рода прилагательныхъ положительной степени: ср. вру̑ӈӣ—вру̑ӈē; по аналогіи отношеній вру̑ӈӣ: вру̑ӈē:вру̑ӈа получилась и форма ж. рода бо̑љā при бо̑љӣ, бо̑љē.

Второму способу образованія формъ сравн. степени (суффиксъ -ѣ̆јьš: др.-ц.-сл. **покѣи, покѣиши, покѣѥ**) соотвѣтствуютъ сербскія формы на -ијӣ, -ијē, -ијā: про̀ст—сравн. степени про̀стијӣ, про̀стијā, про̀стијē.

Окончаніе -ијӣ муж. р. соотвѣтствуетъ праславянскому -ѣ̆јӣ (др.-ц.-сл. -ѣи), причемъ долгота получилась подъ вліяніемъ формъ им. п. муж. р. сравн. степени перваго типа (бо̑љи) и̑ формъ полож. степени; то же—въ формѣ средняго рода: про̀стијē вмѣсто *про̀стије (по аналогіи бо̑љē); форма женск. рода про̀стијā явилась при формахъ муж. и ср. рода (про̀стијӣ, про̀стијē) по аналогіи отношеній бо̑љӣ—бо̑љē—бо̑љā и вру̑ӈӣ—вру̑ӈē—вру̑ӈā.

Что касается являющагося въ этихъ формахъ і на мѣстѣ стараго ě, то въ южныхъ говорахъ, јекавскихъ, явленіе это понятно,—ср. sȉjem (§ 10), въ говорахъ же экавскихъ формы эти считаютъ, обыкновенно, очень древними икавизмами.

Бо̑льшая часть двухсложныхъ и трехсложныхъ прилагательныхъ образуетъ форму сравн. степени помощью суффикса -ијӣ (-ијā, -ијē): сла̂ван—сравн. ст. сла̀внијӣ, кру̑пан—кру̑пнији, хи̑тар (быстрый)—хи̑тријӣ и т. д.; однако и нѣкоторыя односложныя прилагательныя принимаютъ въ сравнит. степени этотъ, болѣе полный, суффиксъ: но̑в—но̀вијӣ, хро̑м—хро̀мијӣ, про̑ст—про̀стијӣ и т. п.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, характерной чертой сербскихъ образованій сравнительной степени на -ијӣ является удареніе на коренномъ слогѣ, т. е. удареніе, перенесенное съ суффикса: въ чакавскомъ, сохранившемъ удареніе на старомъ мѣстѣ, оно, обычно,—на суффиксѣ (gladnījī, milījī, ravnījī, tupījī, zdravījī,—ср. русск. милѣе, ровнѣе, тупѣе, здоровѣе и т. п.).

Образованія на -ӣ отъ прилагательныхъ съ удареніемъ ˆ на коренномъ гласномъ въ сравнительной степени имѣютъ удареніе ˋ на коренномъ слогѣ: ср. выше приведенные примѣры бла̂г—бла̀жӣ, дра̂г—дра̀жӣ и т. п.

Эти образованія имѣютъ мѣсто, главнымъ образомъ, отъ односложныхъ прилагательныхъ съ удареніемъ ˆ на коренномъ слогѣ, однако отъ пу̑ст, свѣ̑т имѣемъ пу̀стијӣ, свѣ̀тији, а съ другой стороны отъ ду̑г, тих (=tîch)—ду̑жӣ, тиши (=tîšī), отъ двухсложныхъ висок (vìsok), жѐсток—вишӣ (=vîšī), жѐшћи.

Кромѣ указанныхъ двухъ способовъ образованія формы сравнит. степени существуетъ и третій — помощью суффикса -šī, но лишь отъ трехъ прилагательныхъ: лијеп (=lījer)—љѐпши, лāк (изъ *lьgъkъ—по аналогіи лāко, лāка изъ *lьgъko, *lьgъka)—лāкши, мѐк—мѐкши. Въ этихъ образованіяхъ имѣемъ суффиксальное š сравнит. степени, но съ возстановленіемъ согласнаго р, k подъ вліяніемъ формъ положительной степени: j суффикса -jьš долженъ былъ извѣстнымъ образомъ измѣнить этотъ согласный.

Образованія эти во всякомъ случаѣ не первоначальны: ср. др.-ц.-сл. **льгъчаи**, **мякъчаи**.

Какъ и въ др.-церк.-словянскомъ языкѣ, формы бо̑љи, го̑ри, вѐћи, ма̑њи=др.-ц.-сл. **болии**, **гории**, **кашти**и, **мьнии**—являются формами сравн. степени къ формамъ положительной до̑бар, зао, ве̑лики, ма̑ли (ц.-слов. **добръ**, **зълъ**, **великъ**, **малъ**).

Форма превосходной степени, какъ и въ др.-ц.-словянскомъ (и уже въ праславянскомъ), образуется прибавленіемъ къ сравнительной степени приставки на̑j-: на̑јлакши, на̑јмлађи и т. п.

Склоненіе формъ сравнительной и превосходной степени таково же, какъ и склоненіе формъ положительной степени съ мягкимъ согласнымъ въ исходѣ основы—вродѣ вру̑ћи (см. § 45).

Числительныя.

§ 47. Числительное јѐдан—јѐдно—јѐдна (изъ праслов. jedьnъ) склоняется, какъ мѣстоименіе та̑j и т. п. (јѐднога, јѐдному и т. д.).

Числительное два̑ (ср. др.-ц.-сл. **дъва**) въ такой формѣ употребляется и въ среднемъ родѣ, для женскаго же имѣется старая форма дво̑ или двије (=dvīje); въ праславянскомъ форма ср. рода тожественна была формѣ ж. р. *dъvě (ср. др.-ц.-сл.). Впрочемъ, старая форма им.-вин. средн. рода сохранилась въ выраженіяхъ двије о̑чи и двје̑ста, дви̑ста (въ южномъ и западномъ нарѣчіяхъ),—съ замѣной старой формы *stě формой ста по аналогіи dvȃ sȅla (ср. др.-ц.-сл. **сътѣ**).

Форма род. п. два̑ју для муж. и средн. р. и двију (=dvīju), двѐју для женск. рода явились вмѣсто древней *dvoju (др.-ц.-сл. **дъвою**) подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ им.-вин. два̑ и двије, двѐ.

Старая форма мѣстн. падежа, тожественная первоначально съ формой род. падежа, замѣнена формой дат.-творит. подъ вліяніемъ совпаденія всѣхъ трехъ падежей во множ. числѣ именного склоненія.

По аналогіи два̑ образовалось склоненіе числительныхъ три (trī) и чѐтири:

Имен.-Вин.-Зват.	три (trî)	чѐтири
Родит.	три́ју	четири́ју
Дат.-Твор.-Мѣстн.	три́ма	чѐтирма.

Первоначально эти числительныя склонялись во множ. числѣ (ср. др.-ц.-сл. **трьхъ, четырьхъ**; **трьмъ, четырьмъ** и т. д.).

Интересно отмѣтить, что въ чакавскомъ говорѣ Novi, наоборотъ, числительное два̑ подчинилось въ своемъ склоненіи вліянію со стороны trî и četîri: род. dvîch, дат. dvîn, твор. dvîmi и trîch, četîrich, trin, četîrin, trîmi, četîrimi (ср. Беличъ, Замѣтки, § 85).

Примѣчаніе. Числительныя дво̑је, тро̑је, чѐтворо склоняются, какъ мѣстоименія ср. рода: дво́га, тро́га, четво́рга; дат.-твор.-мѣстн. —съ окончаніемъ множ. (первоначально двойственнаго) числа -ма: дво́ма, тро́ма, четво́рма.

Числительныя отъ 5 до 90 (пѐт, шѐст, сѐдам, о̑сам, дѐвѐт, дѐсѐт, једа̀наест, два́наест и т. д.) не склоняются: из седам куһа, при дванаест дрвета, с тридесет људи и т. д. Также числительныя два̑, о̑ба, три̑, чѐтири, дво̑је, тро̑је, чѐтворо, употребляясь съ предлогомъ, не измѣняются: у три куће, био сам на два мѣста, код две жене и т. п.

Порядковыя числительныя (пр̑ви̑, дру̑ги, трѐһи̑, чѐтврти̑, пѐти̑, шѐсти̑, сѐдми̑, о̑сми, дѐвѐти̑, дѐсѐти̑, једа̀наести̑ и т. д.) склоняются такъ же, какъ и прилагательныя въ полной формѣ (ср. § 45).

Формы три̑ и чѐтири для муж. рода явились довольно рано: ср. **три каменѣ** въ грам. 1348 г., **четири каменѣ** въ грамотѣ 1273—1314 г. (№ LXVII Mon. serb.),—ср. въ д.-ц.-сл. **трие, четыре** для муж. рода, **три, четыри** для жен. и средняго.

Формы трију, четирију датируются XVI вѣкомъ (ср. Ист. обл., 238 с.), также—*трима* и *четирима*; въ XV в. употреблялись формы *тримн, четиримн* (op. cit. 240 с.).

Употребленіе формы имен. п. два̑, три̑, чѐтири вмѣсто косвенныхъ съ предлогами замѣчается съ XV вѣка: **са два каменка** въ грам. 1435 г. (№ CCCXXI Mon. serb.), **са четири камени** въ грам. 1436 г. и т. п. (ср. Ист. обл. 240 с.); числительныя же пѐт, шѐст, сѐдам являются въ такомъ употребленіи и раньше: ср. **прѣжде годиць петь на десете** въ грам. 1253 г. и т. п. (Ист. обл. 241 с.).

Спряженіе.

§ 48. Сербское спряженіе является очень интереснымъ благодаря нѣкоторымъ характернымъ чертамъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣтными являются: 1) сохраненіе старыхъ формъ аориста и имперфекта, поте-

рянныхъ русскимъ языкомъ, 2) распространеніе въ 1 л. ед. ч. наст. времени окончанія -*м* (изъ праслов. *-mь), свойственнаго первоначально лишь глаголамъ V-го класса, на всѣ классы глаголовъ, 3) окончаніе -мо въ 1 л. мн. ч. не только настоящаго времени, но и аориста и преходящаго.

Изъ полученныхъ въ наслѣдство отъ праславянскаго формъ, связанныхъ съ системой глагола, сербскій языкъ утратилъ форму достигательнаго и форму причастія настоящаго времени страдательнаго залога.

Инфинитивъ.

§ 49. Форма инфинитива въ сербскомъ языкѣ, обыкновенно, оканчивается на *-ти*: плѐсти, тòнути, кòсити и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ праславянскомъ передъ -ti былъ согласный k, g, въ сербскомъ, конечно, получилось -ћи: пѐћи, мо̀ћи,—ср. др.-ц.-сл. пѣшти, мошти и русск. печь, мочь. Кромѣ того -ћи получалось изъ -j-ti въ силу перестановки: до́ћи изъ *dojti (раньше *do-iti),—ср. выше, § 23.

Въ чакавскихъ, а также и въ штокавскихъ говорахъ наблюдается форма инфинитива на -t: чак. trést, krâst, umrît и т. п., въ Рагузѣ činit и т. п. (D. Štok. Dial. 198—199 с.с.). Аналогичныя формы встрѣчаются и въ древне-сербскомъ, но лишь въ концѣ XIV вѣка (см. Ист. обл. 255 с.), а потому вѣроятнѣе всего, что это сравнительно поздняя утрата конечнаго -i, а не сохраненіе стараго праславянскаго варіанта инфинитива на -tь. Въ связь съ достигательнымъ формы на -*т* также нельзя ставить, такъ какъ супинъ исчезъ въ сербскомъ гораздо раньше конца XIV в. Въ Вукановомъ Ев., напримѣръ, достигательное наклоненіе бо́льшею частью замѣнено инфинитивомъ.

Формы настоящаго времени.

§ 50. Въ наукѣ принято различать въ словянскомъ глаголѣ 5 классовъ: I) глаголы съ тематическимъ $^{e}/_{o}$ передъ личными окончаніями наст. времени, какъ др.-ц.-слов. плет-ѫ—плет-е-ши, русск. плету — плетешь; II) глаголы съ суффиксомъ $^{-no}/_{ne}$ въ формахъ наст. времени, какъ др.-ц.-сл. то-нѫ—то-не-ши (изъ *top-ne-ši), русск. тону—тонешь; III) глаголы съ суффиксомъ $^{-jo}/_{je}$ въ формахъ наст. времени, какъ др.-ц.-слов. кол-ѭ—кол-ѥши, русск. колю—колешь, знаѭ—знаѥши, русск. знаю—знаешь; IV) глаголы съ тематическимъ -i въ формахъ наст. времени, какъ др.-ц -слов. мол-ѭ—мол-и-ши, русск. молю—молишь; V) глаголы нетематическіе, въ которыхъ личныя окончанія присоединялись непосредственно къ корню.

Примѣчаніе. Иныя подраздѣленія глаголовъ покоятся на основѣ инфинитива. Такъ, въ I классѣ различаются глаголы съ основой инфинитива, равной корню (нес-ти) и основой на суффиксальное *-а* (бра-ти, др.-ц.-сл. **бьрати**); въ IV классѣ различаются глаголы съ основой инфинитива на -і (моли-ть) и на ѣ (видѣть) и т. д.

Послѣдній классъ глаголовъ рѣзко отличался отъ первыхъ четырехъ окончаніями 1-го и 2-го л. ед. числа: ср. др.-ц.-сл. **ѥс-мь**—**ѥ-си**, **вѣ-мь**—**вѣ-си** (изъ *vĕd-mь—*vĕd-si), **ꙗ-мь**—**ꙗ-си** (изъ *ję̑d mь, *ję̑d-si), **да-мь**—**да-си** (изъ *dad-mь—*dad-si), **имамь** (но 2 л.—**имаши**) и, съ другой стороны,—**нес-ѫ**—**нес-е-ши** и т. п.

Въ сербскомъ языкѣ изъ глаголовъ V класса только одинъ—*jesmь сохранилъ оба отличающія этотъ классъ окончанія, **-м** (изъ *-mь) и **-си**: јѐсам или (энклитическое) сам, јѐси или си.

Глаголы *damь, *ję̑mь, *imamь сохранили только старое окончаніе 1-го лица, а окончаніе 2-го лица -си замѣнили окончаніемъ, которое употреблялось въ остальныхъ классахъ глаголовъ: да̑м—да̑ш, је̑м—је̑ш, и̏мам—и̏маш (глаголъ *vĕmь вышелъ въ сербскомъ изъ употребленія).

Съ другой стороны, окончаніе 1-го лица -м (изъ *-mь), первоначально свойственное всего нѣсколькимъ глаголамъ (5-го класса), распространилось постепенно на глаголы остальныхъ 4 классовъ. Въ настоящее время только нѣсколько глаголовъ сохранили старую форму 1 л. ед. ч. на *-у*, иногда при новой на *-м*: вѐљу и вѐљим (*говорю*—недостаточный глаголъ, имѣющій кромѣ формы наст. времени только имперфектъ вељах), вӧљу и вӧљӣм (вӧљети—предпочитать), виђу (=vîdu) и видӣм (vîdîm), мо̀гу (могу) и хо̀ћу (хочу).

Такимъ образомъ, первоначальное различіе между первыми 4 классами глаголовъ и 5-мъ въ формахъ настоящаго времени почти совершенно утрачено, такъ какъ въ остальныхъ лицахъ наст. времени окончанія были издревле во всѣхъ классахъ глаголовъ общія.

Эти окончанія представляютъ въ сербскомъ языкѣ нѣкоторыя особенности, заслуживающія быть отмѣченными.

Прежде всего, возвращаясь къ формѣ 2 л. ед. ч., должно замѣтить, что сербское окончаніе -ш не соотвѣтствуетъ окончанію др.-ц.-словянскому -ши. Такъ какъ окончаніе это въ формѣ **-шь** встрѣчается уже въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ,—ср. въ Вукановомъ Ев. **движешь** 64б, въ грам. 1234—1240 г. **имашь**, **простишь**, **ѯзимашь** и т. п.,—то его должно возводить къ праслов. варіанту *-šь (при *-ši).

Для 1 л. мн. ч. сербскій языкъ, опять таки съ древнѣйшихъ временъ своего историческаго существованія, имѣетъ окончаніе *-мо*, которое должно сравнить съ малорусскимъ -мо (несемо́, беремо́ и т. п.); очевидно,

оно восходитъ къ одному изъ прасловянскихъ варіантовъ этого окончанія *-mo. Примѣры окончанія -мо находимъ, напримѣръ, въ Мирославовомъ Ев.: ѥмо, въ Вукановомъ Ев.: ми вѣмо 21б, в, въ грам. 1222—1228 г.: сьмо, смо (энклитическая форма отъ jесам), въ грамотѣ 1234—1240 г.: смо, кльнемо, дамо, платимо, ѹчинимо, примемо и т. д.

Характерно совпаденіе ударенія въ формѣ 1 л. ед. ч. между сербскимъ и малорусскимъ: малорусскимъ формамъ съ удареніемъ на окончаніи -*мо* соотвѣтствуютъ сербскія формы: плетéмо, гребéмо, печéмо, држи́мо и т. п., гдѣ удареніе ′—перенесенное (ср. § 19): ср. чакавскія pečemȍ, tresemȍ, krademȍ, dajemȍ и т. п. Однако удареніе является на окончаніи -мо не всегда: ср. трéсēмо, чу̏jēмо, дȅрēмо, тȍнēмо и т. п. и чакавскія: gînemo, píšemo, kopámo и т. п.

То же удареніе окончанія въ извѣстныхъ глаголахъ имѣется во 2 л. мн. числа: сербскія плетéте, печéте и малор. плететé, печетé (чакавскія pletetȅ, pečetȅ).

Въ формѣ 3 л. ед. и мн. ч. въ сербскомъ не имѣемъ никакого окончанія: плѐтē 3 л. ед. ч. и плѐтӯ 3 л. мн. ч., тȍнē и тȍнӯ, видӣ (vȉdī) и видē (vȉdē), что соотвѣтствуетъ др.-ц.-словянскимъ плете-тъ и плетѫ-тъ, тоне-тъ и тонѫ-тъ, види-тъ и видѧ-тъ и русскимъ плететъ—плетутъ, тонетъ—тонутъ, видитъ—видятъ; только отъ глагола jȅсам (есмь) сохранилась форма jȅст рядомъ съ энклитической je.

Это отсутствіе окончанія -tъ, полученнаго въ формахъ настоящаго времени изъ прасловянскаго другими словянскими языками, нельзя объяснять отпаденіемъ t послѣ исчезновенія конечнаго ъ, такъ какъ такой фонетическій законъ отпаденія конечныхъ согласныхъ послѣ гласнаго нельзя установить для сербскаго языка. Гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что изъ прасловянскаго были получены отдѣльными словянскими языками формы 3 л. ед. и мн. ч. наст. времени безъ -tъ. А въ прасловянскомъ такія формы діалектически существовали рядомъ съ формами на -tъ; получились же формы эти очень рано въ силу того, что подъ вліяніемъ формъ прошедшаго времени вмѣсто первичнаго окончанія -tь въ формахъ наст. времени являлось вторичное окончаніе -t, которое затѣмъ исчезало по общему закону отпаденія конечныхъ согласныхъ, дѣйствовавшему въ прасловянскомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Ср. Фортунатова въ Изв. XIII, 2 кн., 36 и сл.

Формы 3 л. ед. и мн. ч. безъ -тъ встрѣчаются уже въ др.-ц.-слов. памятникахъ; поэтому примѣры такихъ формъ, попадающіеся въ древнѣйшихъ литургическихъ памятникахъ сербской письменности, какъ Мирославово или Вуканово Евангеліе, еще не могутъ быть съ увѣренностью

отнесены на счетъ сербскаго писца. Однако такія формы встрѣчаемъ и въ древнѣйшихъ сербскихъ грамотахъ, а потому не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ исконной принадлежности сербскому языку; ср. въ грам. 1189 г. ходе 3 л. мн. ч., хоке 3 л. ед. ч. (хочетъ), мине 3 л. ед. ч., бꙋде 3 л. ед. ч., бꙋдꙋ 3 л. мн. ч., въ грамотѣ 1198—1199 г. е (есть), бѣжи 3 л. ед. ч., приходе 3 л. мн. ч., вракаю (=враћају) 3 л. мн. ч., соуди 3 л. ед. ч.

Примѣчаніе. Въ формѣ ѥ отражается прасловянское отпаденіе конечныхъ st формы *jest. Формы двойств. числа только изрѣдка попадаются въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ: ср. приносивѣ 1 л. въ грамотѣ 1222—1228 г., сꙋдита 3 л. въ грам. 1240—1272 г., ликьствоуѥта 3 л. въ грам. 1305—1307 г., стаѥта се 3 л. въ грам. 1330 г. и т. п. (ср. Ист. обл. 298 с.). Рѣдкіе примѣры, попадающіеся въ болѣе позднихъ памятникахъ,—XV и XVI в., врядъ ли характеризуютъ живой сербскій языкъ этой эпохи.

Что касается наиболѣе характерной черты сербскаго спряженія формъ настоящаго времени,—окончанія 1 л. ед. ч. -*м*, то оно раньше всего распространилось въ глаголахъ III класса съ гласнымъ *а* передъ суффиксомъ -je, какъ знаю, работаю и т. п.

Въ этихъ глаголахъ во 2 и 3 л. ед. ч., 1 и 2 л. мн. ч. произошло стяженіе: формы *znai̯ešь, *znai̯e, *znai̯emo, *znai̯ete измѣнились въ зна̄ш, зна̄, зна̄мо, зна̄те: по аналогіи отношеній да̂м : да̂ш : да̂ и т. д. (въ этомъ глаголѣ 5-го класса -*м* старое изъ *-mь) явились отношенія зна̂м : зна̂ш : зна̂ и т. д. вмѣсто *зна̂ю : зна̂ш : зна̂ и т. д. Такія формы (формы на -*м*) отъ глаголовъ III класса на -aje- находимъ въ сербскихъ памятникахъ уже съ XIII вѣка: работамь въ грамотѣ 1238 г., стварамь (ствáрати—дѣлать) въ грам. 1289 г., заклинамь и запрѣщамь въ грам. 1302—1321 г., знамь въ грам. 1332 г. и т. п. (см. Ист. обл. 262 с.). Причина такого замѣчательнаго факта подчиненія весьма значительнаго класса глаголовъ вліянію всего 2—3 глаголовъ V класса (собственно параллельны были зна̂ш, зна̂ и т. п. формамъ да̂ш, да̂ и и'ма̄ш, и'ма̄), кажется, кроется въ томъ, что старыя формы 1 лица ед. ч. работаю, знаю, заклинаю и т. п. были мало выразительны, т. е. слабо сознавались, какъ формы именно 1 л. ед. ч., такъ какъ и формы 3 л. мн. ч. (безъ окончанія -tъ или -tь) звучали такъ же: работаю, знаю и т. д.

Въ XV в. окончаніе -*м* распространяется на глаголы IV класса: по образцу отношеній зна̂м—зна̂ш—зна̂ или чу̂ва̄м—чу̂ва̄ш—чу̂ва̄ отношенія молю—молиш—моли измѣняются въ молим—молиш—моли. Такъ, въ грам. 1442 г. находимъ ꙋчинимь, въ грам. 1444—1460 г. молимь, въ грам. 1461 г. платимь, въ грам. 1472 г. видимь. Съ конца XV в. -*м* проникаетъ и въ остальные типы глаголовъ, т. е. отношенія плету—

плетеш, тону—тонеш, пишу—пишеш и т. п. замѣняются отношеніями плетем—плетеш, тонем—тонеш, пишем—пишеш и т. п. (см. Ист. обл. 263 с.).

При этомъ подъ вліяніемъ работа̄м—работа̄ш—работа̄, зна̄м—зна̄ш—зна̄ и т. п., гдѣ фонетически получилась долгота изъ стяженія во 2 и и 3 л. и отсюда проникла въ 1 лицо, явились и плѐтем—плѐтеш—плѐте̄, грѐбе̄м—грѐбе̄ш—грѐбе̄, пишем—пишеш—пише̄ (=pīšem—pīšeš—pīšē) и т. п. съ долгимъ е̄ вмѣсто первоначально краткаго. Въ глаголахъ IV класса (љу̑бӣм, го̀рӣм, др̀жӣм и т. п.) въ нѣкоторыхъ случаяхъ долгота, быть можетъ, является фонетической (въ положеніи послѣ стараго ударенія), въ иныхъ также явилась по аналогіи зна̄м—зна̄ш и т. п.

§ 51. Такимъ образомъ, спряженіе формъ настоящаго времени въ сербскомъ имѣетъ слѣдующій видъ.

I классъ. Ед. ч.	1 л.	плѐтем	трéсем (трясу)	II классъ.	то̀нем
	2 л.	плѐтеш	трéсеш		то̀неш
	3 л.	плѐте̄	трéсе̄		то̀не̄
Мн. ч.	1 л.	плетéмо	трéсемо		то̀немо
	2 л.	плетéте	трéсете		то̀нете
	3 л.	плѐтӯ	трéсӯ		то̀нӯ
Инфинитивъ		плѐсти	трéсти		то̀нути

III классъ. Ед. ч.	1 л.	чу̑јем	чу̑ва̄м	вѐжем	ку̀пујем
	2 л.	чу̑јеш	чу̑ва̄ш	вѐжеш	ку̀пујеш
	3 л.	чу̑је	чу̑ва̄	вѐже̄	ку̀пује̄
Мн. ч.	1 л.	чу̑јемо	чу̑ва̄мо	вѐжемо	ку̀пујемо
	2 л.	чу̑јете	чу̑ва̄те	вѐжете	ку̀пујете
	3 л.	чу̑јӯ	чу́вајӯ	вѐжӯ	ку̀пујӯ
Инфинитивъ		чу̑ти	чу́вати (сторожить)	ве́зати (вязать)	купо̀вати

IV классъ. Ед. ч.	1 л.	др̀жӣм	но̀сӣм	видӣм (=vīdīm)
	2 л.	др̀жӣш	но̀сӣш	видӣш (=vīdīš)
	3 л.	др̀жӣ	но̀сӣ	видӣ (=vīdī)
Мн. ч.	1 л.	држи́мо	но̀сӣмо	видӣмо (=vīdīmo)
	2 л.	држи́те	но̀сӣте	видӣте (=vīdīte)
	3 л.	др̀же̄	но̀се̄	виде̄ (=vīdē)
Инфинитивъ		др̀жати	но̀сити	видјети (=vīdjeti)

V классъ. Ед. ч.	1 л.	јѐсам, сам	да̑м	јѐм
	2 л.	јѐси, си	да̑ш	јѐш
	3 л.	јѐст, је	да̑	јѐ
Мн. ч.	1 л.	јѐсмо, смо	да́мо	је́мо
	2 л.	јѐсте, сте	да́те	је́те
	3 л.	јѐсу, су	да́дӯ	је́дӯ
Инфинитивъ		бити (=bīti)	да̀ти	јѐсти

Формы сам, си, је и т. д.—энклитическія. Формы јѐсам, сам получились изъ *jesmь, *smь: по отпаденіи конечнаго ь *m* стало слоговымъ; изъ jesm̥, sm̥ получились jesьm, sьm, откуда јѐсам, сам: ср. въ др.-серб. **єсьмь**, **сьмь** (въ грам. 1189 г. **сьмь**, въ грам. 1302—1321 г. **єсьмь**).

Форма јѐсу непервоначальна,—ср. др.-ц.-сл. **ємъ**, и получила свое је- изъ остальныхъ лицъ впервые въ XIV в. (ср. Ист. обл. 291 с.).

Формы да̑ш, је̑ш вмѣсто *dasi, *jesi также явились позже; форма **дашь** (также **кѣшь**) датируется XIV-мъ вѣкомъ (ор. cit. 267 с.).

Рядомъ со старыми формами је̑м, је̑ш и т. д. употребляются новообразованія је̑дѣм, је̑дѣш и т. д.: они возникли при формѣ 3 л. мн. ч. је́дӯ по аналогіи отношеній бѣ̀рѣм,—бѣ̀рѣш—бѣ̀рѣ.... бѣ̀рӯ и т. п.

Формы 2 л. мн. ч. да́те, је́те также не первоначальны: ср. др.-ц.-словянскія **дасте**, **iасте** и др.-сербскія **дасте**, **јисте** (Ист. обл. 288 с.); онѣ получились при формахъ да̑м—да̑ш—да̑, је̑м—је̑ш—је̑ по аналогіи отношеній зна̑м—зна̑ш—зна̑—зна̑те.

Также формы 3 л. мн. ч. да́дӯ, је́дӯ, сохранивъ старое d̥, замѣнили старое *е* изъ ѧ новымъ ȳ подъ вліяніемъ нѐсӯ, бѐрӯ и т. п.: ср. др.-ц.-слов. **дадатъ**, **iадатъ** и др.-сербское **даде** (-е изъ -ѧ); **дадѫ** явилось въ концѣ XIV в. (Ист. обл. 291 с.).

Такимъ образомъ, спряженіе такъ называемыхъ нетематическихъ глаголовъ (V классъ) въ значительной мѣрѣ подверглось вліянію со стороны спряженія глаголовъ тематическихъ. Съ другой стороны, помимо отмѣченнаго выше общаго вліянія глаголовъ V класса на остальные въ формѣ 1 л. ед. ч. (окончаніе *-м*) такое вліяніе можно отмѣтить и въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Такъ, подъ вліяніемъ формъ да́дӯ, явилось зна́дӯ вмѣсто зна̀јӯ (да̑м; да́дӯ=зна̑м: х, откуда х=зна́дӯ).

Форма зна́дӯ была отправнымъ пунктомъ къ развитію формъ зна́дѣм—зна́дѣш—зна́дѣ—зна́дѣмо—зна́дѣте; образцомъ служили отношенія формъ такихъ глаголовъ, какъ кра́дѣм, кла́дѣм: ср. кра́дѣм—кра́дѣш—кра́дѣ.... кра́дӯ. Такъ же явились: има́дӯ и затѣмъ има́дѣм—има́дѣш и т. д. (вм. īmām—имѣю); отъ ва̀љати употребляется ва̀љам и ваљадѣм.

Такого же рода образованія являются среди формъ аориста (ср. ниже).

Примѣчаніе. Въ сѣверныхъ штокавскихъ говорахъ указанное явленіе распространено широко: встрѣчаются формы пишеду, видиду, говориду, чиниду, даваду, чуваду, идеду, зоведу (D. Štok. Dial. 194 с.).

Формы аориста.

§ 52. Праславянскій языкъ обладалъ для выраженія категоріи прошедшаго времени формами двухъ родовъ: формами аориста и имперфекта и формами сложными, состоявшими изъ соединенія причастія прошед. времени на—l съ вспомогательнымъ глаголомъ. Въ то время, какъ нѣкоторые славянскіе языки, въ томъ числѣ русскій, утратили формы аориста и имперфекта и сохранили лишь слѣдъ сложной формы (далъ, читалъ и т. п. съ пропускомъ вспомогательнаго глагола *есмь* или *еси, есть*), сербскій языкъ сохранилъ и формы перваго рода: аористъ и имперфектъ.

Изъ различныхъ видовъ аориста, извѣстныхъ праславянскому языку, сербскій языкъ сохранилъ почти исключительно аористъ сигматическій на—o-chъ, если основа инфинитива оканчивалась на согласный, и на—ch-ъ отъ глаголовъ съ основой инфинитива на гласный, т. е. аористъ др.-ц.-славянскихъ типовъ **нес-о-хъ** и **зна-хъ, носи-хъ, дрьжа-хъ** и т. п.

Единств. ч. 1 л. I кл.	плѐтох	клѐх	II классъ	тòнух
2—3 л.	плѐте	клѐ		тòнӯ
Мн. ч. 1 л.	плѐтосмо	клѐсмо		тòнусмо
2 л.	плѐтосте	клѐсте		тòнусте
3 л.	плѐтоше	клѐше		тòнуше
Инфинитивъ	плѐсти	клѐти (др.-ц.-сл. **клѣти**)		тòнути
Единств. ч. 1 л. III кл.	чӯх	вѐзах	IV кл.	нòсихъ	лѐжах
2—3 л.	чӯ	вѐза		нòсӣ	лѐжа̄
Мн. ч. 1 л.	чӯсмо	вѐзасмо		нòсимо	лѐжасмо
2 л.	чӯсте	вѐзасте		нòсисте	лѐжасте
3 л.	чӯше	вѐзаше		нòсише	лѐжаше
Инфинитивъ	чӯти	вѐзати		нòсити	лѐжати

Такимъ образомъ, аористъ съ соединительнымъ гласнымъ -o (на -o-x) свойственъ лишь глаголамъ I класса (нѐсох, плѐтох и т. п.), а именно тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ основа инфинитива оканчивается согласнымъ; всѣ остальные глаголы имѣютъ основу инфинитива на гласный, къ каковой непосредственно присоединяется признакъ аориста -x.

Что касается глаголовъ V класса, то къ глаголу jѐсам аористъ образуется отъ другого корня *by- (ср. др.-ц.-слов. **бѣхъ**—**бѣ**—**бѣ** и т. д.), который представляетъ основу инфинитива *by-ti къ этому глаголу; отъ дâти аористъ стараго происхожденія—дâх, отъ jѐсти—jѐх. Однако рядомъ со схемой дâх—дâ—дâ и т. д. и jѐх—jѐ—jѐ и т. д. имѣются и формы аориста, отражающія старую основу наст. времени на согласный:

дàдох—дàде—дàде и т. д. и jѐдох—jѐде—jѐде и т. д. (ср. 3 л. мн. ч. дáдӯ и jéдӯ).

Повидимому, толчокъ къ образованію формъ аориста дàдох, jѐдох дала форма аориста отъ глагола и-ти—идох (ср. др.-ц.-сл. идоχъ), единственная форма аориста, которая имѣетъ иную основу, чѣмъ соотвѣтствующій инфинитивъ (ити : идох=дати : х; х=дадох).

По аналогіи идох, дадох, jедох явились затѣмъ и знàдох, стàдох, имадох (=imadoch), смjѐдох (смjѐти). Форма дадоχъ встрѣчается уже въ XIV в. (въ грам. 1362 г.).

Формы имаде, знаде и т. п. находимъ впервые въ XVII вѣкѣ (Ист. обл. 334 с.).

Въ приведенной схемѣ спряженія сербскаго аориста можно отмѣтить только одно отступленіе отъ старины: въ 1 л. мн. ч.—смо вмѣсто первоначальнаго -хо-м(ъ): ср. др.-ц.-сл. плетоχомъ, клаχомъ, тонжомъ, носиχомъ и т. п. Очевидно, плѐтосмо явилось подъ вліяніемъ формы 2 л. мн. ч. плѐтосте по образцу отношеній формъ наст. времени: плетéмо—плетéте. Въ 3 л. мн. ч. *-ше* соотвѣтствуетъ др.-церк.-словянскому -шѧ (прасл. *-šę). Формы 1 л. мн. ч. на -смо находимъ довольно рано: ср. благословисмо въ грам. 1222—1228 г., бисьмо въ грам. 1254 г., почесмо въ грам. 1348 г., дасмо въ грам. 1333 г. г. и т. п.

Встрѣчаются въ др.-сербскихъ памятникахъ также формы на -хо-мо и -хмо: крьстиχомо въ грам. 1405 г., крьстиχмо въ грам. 1399 г., записаχмо въ грам. 1348 г., но формы эти, судя по хронологическимъ датамъ, явились позже формъ на -смо.

Въ праславянскомъ языкѣ кромѣ образованій аориста на -o-chъ отъ глаголовъ съ основой инфинитива на согласный имѣлись еще 2 типа аориста отъ такихъ глаголовъ: 1) аористъ простой безъ признака времени -s или -ch, напр. *mog-ъ отъ *mog-ti, и 2) аористъ съ признакомъ -s (ch), но безъ соединительнаго гласнаго и съ долготой коренного гласнаго,—напр. *nēs-s-ъ (*nes-ti infin.), *rēk-s-ъ (*rek-ti infin.), откуда затѣмъ *nĕsъ, *rĕchъ (-s послѣ k переходитъ въ ch, a kch даетъ chch=ch).

Въ сербскомъ языкѣ аористъ простой не оставилъ слѣда, а праслов. образованія *nĕsъ, *rĕchъ (др.-ц.-сл. нѣсъ, рѣχъ) сохранились, только въ формѣ *nĕsъ—s замѣнился согласнымъ ch: ријех, -нијех (=rijech, -nijech). Послѣдняя форма употребляется, обычно, съ предлогами, напр. дòнијех—дòнијесмо—дòнијесте—дòнијеше. Форма 2 и 3 л. ед. ч. этого образованія отсутствуетъ, употребляется лишь дòнесе=2—2 л. къ донèсох, рѐче къ ријех. Точно такъ же и въ др.-ц.-слов. языкѣ формы рѣχъ, нѣсъ не имѣютъ своихъ особыхъ формъ 2 и 3 л. ед. ч., а потому др.-сербскія формы понѣ, донѣ и пони, зани далматинскихъ писателей (Ист. обл. 320 с.)

въ роли 2—3 л. ед. ч. къ дȍнијех скорѣе—новообразованія, чѣмъ архаизмы (по образцу у̏мјех : у̏мје отъ у̏мјети).

Подъ вліяніемъ формъ аориста ријех, дȍ-нијех явились и новыя формы инфинитива ријети (=ѓијеti—въ южныхъ говорахъ), дȍнијети вмѣсто старыхъ рѐћи, донѐсти,—по образцу отношеній у̏мјех : у̏мјети, знȁх : знȁти и т. д.

Имперфектъ.

§ 53. Имперфектъ или прошедшее несовершенное можетъ образовываться только отъ глаголовъ несовершеннаго вида. Отличительнымъ признакомъ его образованія въ праславянскомъ былъ звуковой комплексъ -aaćh- или -ěaćh- (-ěi̯aćh-) (ср. др.-ц.-сл. дѣлаахъ, бѣраахъ, молиахъ, несѣахъ, видѣахъ); въ глаголахъ IV класса типа *nositi этому комплексу предшествовалъ j, который сливался съ предшествующимъ согласнымъ (напр. *nošaaćh—др.-ц.-сл. ношаахъ).

Въ сербскомъ языкѣ признакомъ имперфекта, обыкновенно, является -ā̀х съ долгимъ ā̀ изъ стяженія (-ěa или -aa), кромѣ этой долготы ā̀ въ тѣхъ случаяхъ, когда -*a* является и въ аористѣ, имперфектъ отличается отъ этого послѣдняго нѣкоторыми окончаніями (2—3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.) и иногда ударѐніемъ: ср. вѐзах—вѐза—вѐза (аористъ) и вѐзā̀х—вѐзā̀ше—вѐзā̀ше (имперфектъ) отъ глагола вѐзати (вязать).

Только глаголы I класса съ основой-корнемъ инфинитива на согласный (плѐтēм—плѐсти) сохранили слѣдъ образованій на -ěaćh- (-ěi̯aćh) въ видѣ -ijāćh: отъ плѐсти имперфектъ—плѐтијах, отъ трѐсти (трясти)—трѐсијах; отъ пѐћи (печь)—пѐцијах (но отъ грѐпсти=грести—грѐбāх).

Встрѣчаются также формы плѐтāх и т. п., но форма плѐтијах употребительнѣе и, конечно, древнѣе, такъ какъ глаголы этого типа образовывали имперфектъ, судя по даннымъ др.-церк.-словянскаго языка, исключительно помощью суффикса -ěaćh. Въ южныхъ, јекавскихъ, говорахъ, ѣ передъ j, какъ мы видѣли (§ 10), фонетически является въ видѣ i; труднѣе понять формы плѐтијах и т. п. въ экавскихъ говорахъ, гдѣ ихъ считаютъ слѣдомъ вліянія, очень древняго, со стороны икавскихъ и јекавскихъ говоровъ.

Что касается формы пѐцијах, то въ ней примѣчательно -ц: ср. др.-ц.-сл. печаахъ. Вопреки Решетару (D. Štok. Dial. 196 с.) такія сербскія формы съ ц (тѐцијāх отъ тѐчем=теку, вуцијāх отъ вȕчēм—влеку) никакъ нельзя признать архаизмами такъ же, какъ и форму жѐзијāх отъ жѐћи—жѐжēм (жечь—жгу); рядомъ съ послѣдней и притомъ чаще употребляется (по Вуку) форма жѐжāх, болѣе правильная.

Предполагая и для сербскаго языка болѣе старую форму *ręčaachъ (откуда печāх,—ср. жѐжāх) легче понять и возникновеніе формъ вродѣ плѐтāх, первоначально несвойственныхъ глаголамъ этого типа.

Послѣ того, какъ *pletĕ(i̯)achъ измѣнилось въ pletijach, явилось и recijach вм. болѣе древняго rečāch, причемъ отношеніе pleti (повел. накл.): плетијах могло вызвать пецијах при пеци (повел. накл.), гдѣ ц является старымъ (ср. ниже, § 54).

Ед. ч. 1 л.	I кл.	плѐтијāх	пѐцијāх	грѐбāх	II кл.	тр̑ньāх
2—3 л.		плѐтијāше	пѐцијāше	грѐбāше		тр̑ньāше
Мн. ч. 1 л.		плѐтијāсмо	пѐцијāсмо	грѐбāсмо		тр̑ньāсмо
2 л.		плѐтијāсте	пѐцијāсте	грѐбāсте		тр̑ньāсте
3 л.		плѐтијāху	пѐцијāху	грѐбāху		тр̑ньāху
Инфинитивъ		плѐсти	пѐћи	грѐпсти		тр̑нути

Ед. ч. 1 л.	III кл.	чу̑вāх	вѐзāх	чу̑јāх
2—3 л.		чу̑вāше	вѐзāше	чу̑јāше
Мн. ч. 1 л.		чу̑вāсмо	вѐзāсмо	чу̑јāсмо
2 л.		чу̑вāсте	вѐзāсте	чу̑јāсте
3 л.		чу̑вāху	вѐзāху	чу̑јāху
Инфинитивъ		чу́вати	вѐзати (вязать)	чу̑ти
Ед. ч. 1 л.	IV кл.	виђāх (=vīđāch)	др̀жāх	нр̑шāх
2—3 л.		виђāше	др̀жāше	нр̑шāше
Мн. ч. 1 л.		виђāсмо	др̀жāсмо	нр̑шāсмо
2 л.		виђāсте	др̀жāсте	нр̑шāсте
3 л.		виђāху	др̀жāху	нр̑шāху
Инфинитивъ		виђети (=vīđeti)	др̀жати	нр̀сити

Форма виђāх (изъ *vid-jaachъ) явилась по аналогіи нр̑шāх и т. п. (изъ *nos-jaachъ): ср. др.-ц.-сл. **видѣахъ**; также непервоначальной является форма тр̑ньāх: ср. др.-ц.-сл. **дбигнѣахъ** и т. п.; и сюда перенесено -jāch изъ другихъ глаголовъ.

Отъ глаголовъ V класса имперфектъ образуется слѣдующимъ образомъ: отъ јѐсам—бијāх—бијāше (bījach—bījāše) и т. д., — ср. др.-ц.-сл. **бѣахъ**,—или бѐх—бѐше и т. д.: ср. др.-ц.-сл. **бѣхъ** (**бѣ** 2—3 л. ед. ч.); отъ дāм—дàдијāх, отъ јѐм—јѐђах (рѣже јѐдāх), отъ ѝмāм—ѝмāх или имàдијах.

Форма дàдијах отвѣчаетъ др.-ц.-словянской **дадѣахъ**, наоборотъ форма јѐђах имѣетъ суффиксъ -jaa- вм. -ěa: ср. др.-ц.-слов. **ядѣахъ**.

Въ формѣ имàдијахъ имѣемъ явленіе того же порядка, что и въ формахъ имàдēм и ѝмадох,—ср. выше, § 52. Параллельно указаннымъ уже знàдēм, знàдох и т. п. имѣемъ знàдијāх и т. п.

Что касается окончаній сербскаго имперфекта, то они не соотвѣтствуютъ прасловянскимъ только въ 1 и 2 л. мн. ч.: ср. серб. вѐзāсмо, вѐзāсте и др.-ц.-сл. **кѫзаахомъ—кѫзаашете**; очевидно, эти -смо и -сте перенесены изъ аориста. Окончаніе -смо встрѣчается въ XIV в.: **биесмо** въ грам. 1397 г. Въ др.-серб. встрѣчаются также формы на—хо-мо и хо-те: **бѣхомо** въ грам. 1427 г., бјехоте у Ник. Ранины, а также форма бјехота для двойств. числа (въ др.-ц.-сл. **-шета**).

Повелительное наклоненіе.

§ 54. Повелит. наклоненіе въ сербскомъ имѣетъ формы 2 л. ед. ч., 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч.; формы двойств. числа потеряны; формы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. выражаются описательно помощью частицы нѐка (или нѐк) и соотвѣтствующей формы наст. вр. изъявительнаго наклоненія: нѐка чу̑вā (пусть онъ хранитъ), нѐка чу́вају (пусть они хранятъ).

Ед. ч. 2 л. I кл.	плѐти	пѐци	бѐри	II кл.	тòни
Мн. ч. 1 л.	плѐтимо	пѐцимо	бѐримо		тòнимо
2 л.	плѐтите	пѐците	бѐрите		тòните
Инфинитивъ	плѐсти	пѐћи (печь)	брāти		

Примѣчаніе. Въ формѣ пѐци ц старое изъ k передъ і изъ дифтонга o і ср. др.-ц.-сл. **пьци** (ср. **вєри** и греч. φέρω).

Ед. ч. 2 л. III кл.	чу̑вāј	вѐжи	IV кл.	лѐжи	нòси
Мн. ч. 1 л.	чу̑вāјмо	вѐжимо		лѐжимо	нòсимо
2 л.	чу̑вāјте	вѐжите		лѐжите	нòсите
Инфинитивъ	чу́вати	вѐзати		лѐжати	нòсити

Къ глаголу јѐсам—бити (bîti—быть) повел. наклоненіе—бу̑ди, бу̑димо, бу̑дите: ср. др.-ц.-сл. **бѫди—бѫдѣмъ—бѫдѣте**; къ глаголу дāм—дāј; къ глаголу јѐм—јѐди и јѐћи.

Сравнивая сербскія формы повел. наклоненія съ др.-ц.-словянскими, какъ сохранившими лучше всего прасловянскую древность, мы замѣчаемъ слѣдующія отличія: 1) форма 2—3 л. ед. ч. (др.-ц.-сл. **несн, тони** и т. п.) сохранила значеніе лишь 2-го лица, а 3-е выражается описательно (ср. выше); 2) въ формѣ 1 л. мн. ч. находимъ то же окончаніе *-мо*, что и въ изъявительномъ наклоненіи; 3) въ формахъ 1 и 2 л. мн. ч. въ глаголахъ I и II кл., какъ и въ русскомъ языкѣ, старое ѣ замѣнилось гласнымъ і подъ вліяніемъ формъ отъ глаголовъ IV класса, гдѣ і является и въ единственномъ, и во множественномъ числѣ: ср. др.-ц.-сл. **несн—несѣмъ**, но **пиши—пишимъ, моли—молимъ**.

Древнѣйшіе примѣры проникновенія суффикса -i во множ. число въ глаголахъ I класса относятся къ XIV вѣку (Ист. обл. 340 с.).

Форма jȅди, конечно,—новая: ср. др.-ц.-сл. ꙗждь изъ прасл. *(i̯)ēdjь (русское ѣшь=ѣжь); форма эта (jȅди) могла получиться по образцу отношеній нѐсēм наст. вр.—нѐсох аор.—нѐси повел. накл. въ виду формъ jȅдēм, jȅдох, о которыхъ ср. выше (§ 52). Форма jȅђи имѣетъ новое -i (изъ нѐси, др̏жи и т. д.); но своимъ ђ отвѣчаетъ др.-ц.-словянскому жд изъ прасл. dj. Формѣ этой (jȅђи) параллельна форма повел. накл. къ глаголу видјети (vȉdjeti)—виђи (vȉđi), употребляющаяся наряду съ *види* (vȉdi): ср. др.-ц.-сл. виждь изъ праслов. *vidjь, др.-сербское виђ (Ист. обл. 336 с.) и русское *вишь*=вижь. Форма да̑ј не соотвѣтствуетъ, конечно, др.-ц.-словянской даждь (изъ прасл. *dad-jь), но она, собственно, относится не къ глаголу *damь, а къ глаголу *dajǫ.

Къ сдѣланнымъ замѣчаніямъ можно добавить, что рядомъ съ простой формой 1 л. мн. ч. повел. накл. (плѐтимо и т. п.) употребляется описательная—съ частицей да: да са̀чувамо.

Сложныя формы.

§ 55. Кромѣ простыхъ формъ—наст. времени, аориста, имперфекта и повелит. наклоненія въ сербскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ словянскихъ, находимъ описательныя или сложныя формы спряженія. Формы эти слѣдующія.

1. Сложное прошедшее, по значенію перфектъ, состоитъ изъ соединенія причастія прошл. вр. на -lъ и вспомогательнаго глагола jѐсам,—ја сам плѐо (я плелъ), ти̑ jѐси плѐла (ты плела) и т. д.: спрягается вспомогательный глаголъ, а причастіе измѣняется лишь въ родѣ и числѣ; вспомогательный глаголъ можетъ имѣть при этомъ энклитическую форму: рȅкао сам и т. п. Аналогична русская неспрягаемая форма прошедшаго: читалъ, читала, читали и т. д., которая получилась изъ древне-русской *читалъ есмь* и т. п.

2. Давнопрошедшее представляетъ соединеніе того же причастія на -lъ съ имперфектомъ бијах (bȉjach) или же со сложнымъ перфектомъ отъ глагола бити (быть): бијах чу̏вао или же био сам чу̏вао (bȉo sam čúvao). Послѣдній способъ былъ извѣстенъ когда то и русскому языку и сохранился въ зачалѣ нашихъ сказокъ (жилъ былъ царь—съ пропускомъ *есть*).

3. Значеніе будущаго времени, какъ и въ русскомъ языкѣ, имѣютъ формы наст. времени глаголовъ совершеннаго вида. Кромѣ того будущее время выражается соединеніемъ инфинитива и наст. времени глагола хо̀ћу (хочу) или энклитической формы ћу: чу̏вати ћу, плѐсти ћеш и т. д.

или хòћу чу́вати, хòћеш пòгинути и т. д. Обычно обѣ формы сливаются въ одну съ опущеніемъ -ti инфинитива: чу́ва-ћу, плѐшћеш (=плес-ти-ћеш) и т. п.

Примѣчаніе. Если глаголъ оканчивается на -ћи, то такое опущеніе не имѣетъ мѣста: рѐћи-ћу и т. д. Только въ Дубровникѣ говорятъ дȍћи= do ćíći (приду) и т. п. (D. Štok. Dial. 199 с.).

Въ южныхъ народныхъ говорахъ наблюдается способъ обозначенія будущаго времени соединеніемъ инфинитива съ глаголомъ бу́дѣм,—какъ въ русскомъ языкѣ; нѣкоторыя такія соединенія совершенно слились въ одно реченіе: да̏дбудѣм (изъ dati-budem), хтје̏дбудѣм (изъ chtjeti-budem), ѝмадбудем, мо̀гбудем, зна̏дбудем, смје̏дбудемъ; реченія эти употребляются только въ придаточныхъ предложеніяхъ, напр.,—ако им не могбудемо-ништа учинити (=если мы не сможемъ имъ ничего сдѣлать).

4. Условное наклоненіе выражается соединеніемъ аориста отъ глагола бити (быть) и причастія прошедшаго на -lъ: чу́вао бих, чу́вао би (2—3 л. ед. ч.), чу́вали бисмо, чу́вали бисте, чу́вали би; такимъ образомъ вмѣсто бише (bȉše) въ 3 л. мн. ч. является би; русскій языкъ, какъ мы знаемъ, пошелъ еще дальше, обобщивъ форму *бы* (2—3 л. ед. ч.) для всѣхъ лицъ. Употребленіе формъ отъ аориста *bysch̀ъ вмѣсто соотвѣтствующихъ формъ отъ *bimь (—др.-ц.-сл. бимь—би 2—3 л., бимъ—бисте—бѫ) замѣчается уже въ др.-ц.-словянскихъ памятникахъ.

Примѣчаніе. Въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ встрѣчается *би* вмѣсто бисмо и вмѣсто бисте: ласно се би, брате, пжењили и т. п. Вмѣсто *бих* въ 1 л. ед. ч. можетъ стоять форма бисам, возникшая при бисмо по образцу отношеній јѐсам—јѐсмо (Maretić. gram. 290 с.).

Сравнительно рѣдкимъ является соединеніе вродѣ *био бих чувао* (bȉo bȉch čúvao) со спеціальнымъ значеніемъ условнаго наклоненія прошедшаго времени, тогда какъ соединенія типа *бих чувао* употребляются въ значеніи условнаго наклоненія какъ настоящаго, такъ и прошедшаго времени.

5. Къ числу сложныхъ формъ относятся и формы страдательнаго залога. Онѣ образуются соединеніемъ формы причастія прош. времени страдательнаго залога и формы соотвѣтствующаго времени и наклоненія вспомогательнаго глагола јѐсам: ја̏ сам чу́ван (наст. вр.), бих (bȉch) чу́ван (аористъ), бијах (bȉjach) чу́ван (имперфектъ), бићу чу́ван (будущ. вр.), био сам чу́ван (перфектъ), бу́ди чу́ван (повел. накл.) и т. п.

6. Къ числу сложныхъ формъ относятся формы повел. наклоненія, образованныя помощью частицъ нѐка и да (ср. выше, § 54).

Формы причастія.

§ 56. Изъ формъ причастій сербскій языкъ потерялъ причастіе наст. времени страдательнаго залога; причастія наст. вр. дѣйствительнаго залога и прош. времени дѣйствительнаго залога склоняемое, какъ и въ русскомъ языкѣ, потеряли склоненіе, превратившись въ дѣепричастія. Причастіе прош. времени несклоняемое на -lъ и причастіе прош. времени страдательнаго залога сохранились безъ измѣненія. Дѣепричастіе наст. времени оканчивается на -ӯћи или -ӯћ: плѐтӯћи или плѐтӯћ, грѐбӯћи или грѐбӯћ, чу̏јӯћи или чу̏јӯћ и т. п. (то̀нӯћи, у̀мејӯћи, но̀сēћи, чу́вајӯћи, ка̀јӯћи, ку̀пујӯћи).

Суффиксъ -ӯћ—соотвѣтствуетъ др.-ц.-словянскому -ѫшт—и русскому -уч—(плетучи, идучи и т. п.); вся же форма на -и (і), какъ и въ русскомъ языкѣ, скорѣе всего представляетъ им. мн. ч. съ замѣной стараго окончанія *-е* новымъ -і подъ вліяніемъ именного склоненія; формы на -ућ, быть можетъ, явились при формахъ на -ӯћи по образцу отношеній *писав—писавши* въ прич. прош. времени.

Дѣепричастіе прошедшаго времени оканчивается на **-в** или **-вши:** клêв—клêвши (клéти=клясть—др.-ц.-сл. клѧти), чу̂в—чу̂вши (чу̏ти), то̀нӯв—то̀нӯвши, у̀мēв—у̀мēвши, но̀сӣв—но̀сӣвши, пи́са̄в—пи́са̄вши, бра̂в—бра̂вши (бра̀ти=брать), ка̀ја̄в—ка̀ја̄вши и т. д.

Глаголы съ основой инфинитива на согласный потеряли свои старыя формы съ суффиксомъ -ъš (ср. др.-ц.-сл. несъ—несъши ж. р.) и приняли окончаніе *-ав*, *-авши* отъ глаголовъ съ основой инфинитива на *-а*; по аналогіи бра̂в—бра̂вши и т. п. явились формы: плѐта̄в—плѐта̄вши, грѐба̄в—грѐба̄вши, пѐка̄в—пѐка̄вши (отъ плѐсти, грѐпсти, пѐћи), что наблюдается уже въ XVI—XVII в. (Ист. обл. 383 с.).

Форма на **-в** является формой муж. рода, форма на **-вши** употребляется для всѣхъ родовъ; по происхожденію первая является, дѣйствительно, формой им. п. ед. ч. м. р. (др.-ц.-сл. читавъ, моливъ муж. рода), вторая—им. мн. ч. съ окончаніемъ именнымъ -і вм. стараго -е.

Потеря причастіемъ наст. вр. и прош. вр. дѣйств. залога склоненія наблюдается уже въ др.-сербскомъ языкѣ. Др.-сербскіе памятники знаютъ форму им. п. ед. ч. муж. р. на -е (=др.-ц.-слов. ѧ, прасл. ę), причемъ аналогія переноситъ (какъ и въ русскомъ) это -е въ глаголы I класса: моге (ср. др.-ц-сл. могы) въ грам. 1189 г., бꙋде въ грам. 1234—1240 г. Однако форма эта употребляется и въ значеніи им. ед. ч. ж. р., им. мн. ч., вин. ед. ч. уже съ конца XIV в.: а ми (=мы) хоте харни бити (харни=благодарные) въ грам. 1399 г. и т. п. (ср. Ист. обл. 350 с.). Форма им. мн. ч. муж. р. на -е уже съ первой половины XIV вѣка имѣетъ варіантъ съ

окончаніемъ -и: исходеки (=др.-ц.-сл. исходѧште) въ грамотѣ 1327 г., сходеки ibid., хотеħи въ грам. 1387 г. и т. п. Въ томъ же XIV в. наблюдается употребленіе этой формы на -и въ знач. им. ед. ч. ꙗ... хотеки въ грам. 1385 г., мислеħи въ грам. 1387 г. Такъ какъ обѣ формы на -е и на -уħи употреблялись въ однихъ и тѣхъ же значеніяхъ, то возникла форма контаминаціонная: (и)щеки въ грамотѣ 1368 г. изъ ище и ищꙋки (к=ħ), бꙋдеħи въ грам. 1387 г. изъ бꙋде и бꙋдꙋħи.

Такимъ образомъ, уже къ XIV в. относится начало процесса превращенія причастія наст. вр. въ дѣепричастіе.

Примѣчаніе. Въ др.-сербскомъ языкѣ нерѣдко встрѣчаются также примѣры замѣны окончанія -еħи въ глаголахъ, гдѣ этотъ суффиксъ правильно соотвѣтствуетъ прасловянскому -ętj,—суффиксомъ -уħи (по аналогіи могуħи и т. п.): хотуħи, видуħи и т. п. (Ист. обл. 367 с.).

Дѣепричастіе прош. времени формировалось въ ту же эпоху, что и дѣепричастіе наст. времени: формы на -и являются въ XIV вѣкѣ (платикши въ грам. 1385 г. и т. п.); формы эти употребляются не только въ значеніи им. мн. ч. муж. р., но и въ значеніи другихъ падежей: въ значеніи им. ед. ч. ср. рода въ XIV вѣкѣ, въ значеніи им. ед. ч. муж. и ж. р. и вин. мн. ч. муж. рода въ XV в., въ значеніи вин. ед. ч. ж. рода въ XVI в. (см. Ист. обл. 379 г.).

Форма причастія прош. на -lъ съ фонетическимъ измѣненіемъ lъ въ *о* не требуетъ примѣчаній (плѐо—плѐла—плѐло, клѐо—клéла—клéло, чу̏о—чу̏ла—чу̏ло и т. п.).

Также не требуетъ особыхъ примѣчаній форма прич. прош. времени страдательнаго залога (плѐтен—плетѐна—плетѐно; такъ же вѐзен,—а,—о, пѐчен,—а,—о; клêт—клêта—клêто,—ср. русск. *-клятъ*; чу̀-в-ен,—а,—о; нȍшен,—а,—о; писан,—а,—о и т. п.).

Первоначальныя границы употребленія суффиксовъ -tъ и -nъ въ говорáхъ не всегда соблюдаются: встрѣчаются, напримѣръ, формы съ суффиксомъ -tъ отъ глаголовъ IV класса (въ сѣверной Босніи и Бѣловарскомъ комитатѣ): устàновит, зàпāлит и т. п. (D. štok. Dial., 201 с.). Такія формы находимъ уже въ др.-сербскомъ языкѣ (ср. Ист. обл. 398 с.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Грамматики и словари сербскаго языка.

Вукъ Стефановић Караџић. Писменица Сербскога језика по говору простога народа у Виенни. 1814.

Wuk's Stephanowitsch. Kleine Serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jacob Grimm. Leipzig und Berlin. 1824.

Караџић В. С. Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма. Lexicon Serbico-Germano-Latinum. 1-е изд. въ Вѣнѣ (у Бечу) 1818 г., 3-е изд.—у Биограду 1892 г.

Даничичъ. Мала српска граматика. У Бечу 1850 г.

Его-же. Српска граматика. Дио III. Облици српскога језика. У Београду. 1863 г.

Его-же. Српска синтакса. У Београду. 1858 г.

Его-же. Рјечник из књижевних старина српских. 1863—1864. У Београду.

Mažuranić Antun. Slovnica hérvatska. Dio I. Rěčoslovje. 1859 г. (4-е изд. 1869 г.).

Jagić. Grammatika jezika hérvatskoga. Osnovana na starobugarskoj slovenštini. Dio pérvi. Glasovi. U Zagrebu. 1864.

Budmani Pietro. Grammatika della lingua serbo-croata (illirica), Vienna. 1867.

Miklosich. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Wien. 1852—1874. (Сербскіе отдѣлы).

Новаковић Ст. Српска граматика за ниже гимназије и реалке. У Београду. 1879 г. Русскій переводъ Григорьева: Грамматика сербскаго языка. Спб. 1890 г.

Лавровскій П. Сербско-русскій словарь. Спб. 1870 г. Русско-сербскій словарь. 1880 г.

Тим. Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. I т., 190—380 с. (Сербо-хорватскій языкъ). Кіевъ. 1895 г.

Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb. 1899 г.

Iveković i Broz: Rječnik hrvatskoga jezika. U Zagrebu. 1901.

Мичáтекъ Л. А. Дифференціальный сербо-русскій словарь,—съ краткой сербской грамматикой, составленной П. А. Лавровымъ. Спб. 1903 г.

Брандтъ Р. Ѳ. Краткая фонетика и морфологія сербскаго языка. 2-е изд. 1912 г.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Съ 1880 г. (не окончено).

Исправленія: въ спискѣ сокращеній вм. Olaf. Broch. должно быть laf Broch., вм. Materič—Maretić, вм. Даничичъ—Даничић; на 21 стр. сн.) вм. Беличъ—Белић; на 30 стр. (8 сн.) вм. у прасловенскомъ—прасловенском; тамъ же (9 сн.) вм. О чаковскомъ—О чаковскоме; на 3 стр. (16 св.) вм. наклоняемое — несклоняемое; въ приложеніи вм. аничичъ—Даничић. Въ разныхъ мѣстахъ вм. der štokavische dialekt и štokav. dial. должно быть Der štokavische Dialekt и D. štokav. Dial. а 9, 11, 20 стр.).

Карта нарѣчій сербскаго языка.

Харьковъ. Типо-Лит. М. Зильберберг и С-вья.

3 2044 049 943 1

ld be returne
ore the last

1961
incurred